

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2021

ТОМ 6 № 4

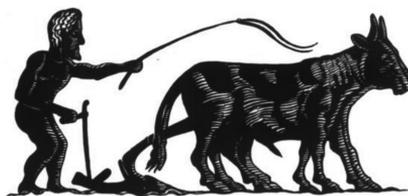
Издается с 2016 года

Выходит 4 раза в год

ISSN 2500-1809

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
Центр аграрных исследований

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-65824
от 27.05.2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Дж. Пэллот, председатель, Оксфордский университет (Великобритания)
А.М. Никулин, главный редактор, РАНХиГС
М.Г. Пугачева, ответственный секретарь, НИУ ВШЭ
И.В. Троцук, заместитель главного редактора, РУДН, РАНХиГС
И.А. Кузнецов, РАНХиГС
П. Линднер, Франкфуртский университет (Германия)
Т.Г. Нефедова, Институт географии РАН
Дж.С. Скотт, Йельский университет (США)
О.П. Фадеева, ИЭОПП СО РАН
Н.И. Шагайда, РАНХиГС
С. Шнайдер, Университет Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А.И. Алексеев, МГУ им. М.В. Ломоносова
В.В. Бабашкин, РАНХиГС
С.М. Боррас Дж., Институт социальных исследований (Нидерланды)
К. Бруиш, Дублинский университет (Ирландия)
С. Вегрен, Южно-Методистский университет (США)
В.Г. Виноградский, РАНХиГС
О. Виссер, Институт социальных исследований (Нидерланды)
А.В. Гордон, ИНИОН РАН
В.А. Ильиных, Институт истории СО РАН
Ким Чан Чжин, Университет Сангконгхоу, Сеул, Южная Корея
В.В. Кондрашин, Институт российской истории РАН
Э.Н. Крылатых, РАНХиГС
А.А. Куракин, НИУ ВШЭ, РАНХиГС
С. Ленц, Институт социальной географии (Германия)
В.А. Мау, РАНХиГС
Ш. Мерль, Билефельдский университет (Германия)
Р.М. Нуреев, НИУ ВШЭ
А.В. Петриков, Всероссийский институт аграрных проблем и информатики
им. А.А. Никонова
Дж. А. Пизано, Нью-Йоркский университет (США)
Е. Потехина, Варминьско-Мазурский университет (Польша)
В.Я. Узун, РАНХиГС
Цзинцон Е, Пекинский аграрный университет (КНР)

АДРЕС РЕДАКЦИИ

119571, Москва, проспект Вернадского, 84, корпус 9, офис 2003
Телефон: +7-499-956-95-56
Web: <http://peasantstudies.ru>

УЧРЕДИТЕЛЬ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Редактор веб-сайта Е.С. Никулина; Корректор И.Е. Кроль;
дизайн: Издательский дом «Дело», РАНХиГС
В оформлении издания использованы гарнитура Old Standard, А. Крюков;
картина «Санний путь». Н.Н. Дубовской. 1900. Государственная
Третьяковская галерея. Москва.

© РАНХиГС, 2021

Содержание

Теория

- Михаленко Н. В.* «Утопическое начало в русской литературе 1920–1930-х годов» («Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» А. В. Чаянова в контексте эпохи) 6
- Виссер О.* Западные агроинвесторы в России и Украине: очарованные почвой — разочарованные климатом 21

История

- Посадский А. В.* Проблема источников при изучении крестьянских восстаний (случай слободы Рудни, 1918 год) 50
- Логунова И. В., Уродовских В. Н.* Динамика развития крестьянских (фермерских) хозяйств в годы аграрной реформы (1991–2001) в областях Центрального Черноземья 65

Современность

- Лебедев П. С., Алексеев А. И.* Площадь сельхозугодий, плотность населения и их динамика: опыт изучения взаимосвязей (на примере Бежецкого района Тверской области) 87
- Имангулов Л. Р.* Типология населенных пунктов в полиэтничном регионе (на примере Чувашии) 107
- Кислый О. А., Исаева М. А.* Положение трудовых мигрантов в период пандемии в сельском хозяйстве России 125
- Чучкалов А. С., Мищук С. Н., Греля Н. К.* Факторы трансформации пригородной сельской местности депрессивного региона (на примере Биробиджанского района Еврейской автономной области) 136
- Ершов А. М.* Европейский опыт регулирования горной сельской местности 164

Рецензии

- Никулина Е. С.* Школа Венецианова как живописное крестьяноведение 185
- Бабашкин В. В.* Хозяйство вести или писать об этом? 191

Научная жизнь

- Крылатых Э. Н., Фролова Е. Ю.* Домик в деревне против города: обзор по итогам выступлений на XXVI Никоновских чтениях 200
- Никулин А. М.* Сельское развитие через культуру 215
- Полещук И. К.* Сельское хозяйство России сегодня: экология, здоровье и цифровизация 218

- Указатель статей, опубликованных в 2021 году 226

Russian peasant studies

Vol. 6. 2021. No 4

Published since 2016, frequency—four issues per year

EDITORIAL BOARD

J. Pallot, Chairman, University of Oxford (UK)
A.M. Nikulin, Editor in Chief, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
M.G. Pugacheva, Executive Secretary, Intercenter, HSE
I.V. Trotsuk, Deputy Editor, Peoples' Friendship University of Russia, RANEPA
P. Lindner, University of Frankfurt (Germany)
T.G. Nefedova, Institute of Geography of Russian Academy of Sciences
J.C. Scott, Yale University (USA)
O.P. Fadeeva, Institute of Economics and Industrial Engineering of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
N.I. Shagaida, RANEPA
S. Schneider, University of Rio Grande do Sul (Brazil)

ADVISORY BOARD

A.I. Alekseev, Moscow State University
V.V. Babashkin, RANEPA
S.M. Borrás Jr., Institute of Social Studies (Netherlands)
K. Bruisch, University of Dublin (Ireland)
S. Wegren, Southern Methodist University (USA)
V.G. Vinogradsky, RANEPA
O. Visser, Institute of Social Studies (Netherlands)
A.V. Gordon, Institute of Scientific Information on Social Sciences of Russian Academy of Sciences
V.A. Il'nykh, Institute of History of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Kim Chan Jin, Sangkonghou University, Seoul, South Korea
V.V. Kondrashin, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences
E.N. Krylatykh, RANEPA
I.A. Kuznetsov, RANEPA
A.A. Kurakin, Higher School of Economics (HSE), RANEPA
S. Lentz, Institute of Social Geography (Germany)
V.A. Mau, RANEPA
S. Merl, University of Bielefeld (Germany)
R.M. Nureev, HSE
A.V. Petrikov, Alexander A. Nikonov Russian Institute for Agrarian Issues and Information Science
J.A. Pisano, New York University (USA)
E. Potekhina, University Warmia and Mazury (Poland)
V. Ya. Uzun, RANEPA
Jingzhong Ye, Beijing Agricultural University (China)

CONTACT DETAILS

Mailing address: Office 2003, 84 Vernadskogo prosp., 119571, Moscow, Russian Federation.

Phone: +7-499-956-95-56

Web: <http://peasantstudies.ru>

FOUNDER

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

TABLE OF CONTENTS

THEORY

- Mikhailenko N. V.* Utopian idea in the Russian literature of the 1920s–1930s
(*The Journey of My Brother Alexei to the Land of Peasant Utopia* by
A. V. Chayanov in the context of the era) 6
- Visser O.* Western agricultural investors in Russia and Ukraine:
From fascination with soil to disappointment with climate 21

HISTORY

- Posadskiy A. V.* The issue of sources in the study of peasant uprisings
(the case of the Rudnya settlement, 1918) 50
- Logunova I. V., Urodovskikh V. N.* Dynamics of the peasant (private)
farms development during the agrarian reform (1991–2001) in the Central
Black-Earth Region 65

THE PRESENT TIME

- Lebedev P. S., Alekseev A. I.* The area of farmland, the population
density and their dynamics: A study of relationships (on the example
of the Bezhetsk district of the Tver Region) 87
- Imangulov L. R.* Typology of settlements in a polyethnic region
(on the example of Chuvashia) 107
- Kisliy O. A., Isaeva M. A.* The position of labor migrants in agriculture
under the pandemic 125
- Chuchkalov A. S., Mishchuk S. N., Grelya N. K.* Factors of suburban rural
areas turning into a depressed region (on the example of the Birobidzhan
district in the Jewish Autonomous Region) 136
- Ershov A. M.* European approach to the regulation of mountainous
rural areas 164

REVIEWS

- Nikulina E. S.* Venetsianov's school as pictorial peasant studies. 185
- Babashkin V. V.* To farm or to write about it? 191

SCIENTIFIC LIFE

- Krylatykh E. N., Frolova E. Yu.* A house in the village vs. the city:
A review of presentations at the XXVI Nikonov Readings 200
- Nikulin A. M.* Rural development through culture. 215
- Poleshchuk I. K.* Russian agriculture today: Ecology, healthcare
and digitalization 218
- Index of articles published in 2021 226

«Утопическое начало в русской литературе 1920–1930-х годов» («Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» А. В. Чаянова в контексте эпохи)¹

Н. В. Михаленко

Наталья Владимировна Михаленко, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН; ул. Поварская, д. 25а, 121069 г. Москва, Россия. E-mail: rinsan-tin@rambler.ru

Аннотация. «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» А. В. Чаянова тесно связано с литературно-философскими идеями конца XIX — начала XX века. Можно с уверенностью говорить, что его утопия была создана как под влиянием футурологических проектов В. Морриса, Т. Мора, Э. Беллами и других авторов, упоминаемых в его произведении, так и представлений, получивших интерпретацию в текстах С. А. Есенина, В. В. Маяковского, В. Т. Кириллова, Е. И. Замятина, А. П. Платонова. Образ крестьянского эдема, воплотивший в литературной форме экономическую теорию Чаянова, схож с мечтами новокрестьянских поэтов об избыточном рае, сохранении традиционных ценностей, народной культуре. Развитие техники и технологий, воздухоплавания описаны в текстах Маяковского, Замятина, а в утопии Чаянова реализована идея управления метеорологическими процессами. Размышления писателей о том, каким будет человек будущего, отразились в интерпретации его возможных теургических амбиций и тех результатов, к которым они могут привести (искусственный отбор, регламентация многих сторон жизни, принудительная максимальная реализация талантов, убийство или отделение инкомыслящих и т. д.). Воплощенные в разной художественной форме представления писателей-футурологов о перспективах развития общества, науки, культуры, искусства каждый раз проверялись тем, насколько человек способен оценить границы власти над природой, не стремясь ее преодолеть и покорить, переделать в соответствии с технологическим вызовом.

Ключевые слова: утопия, утопическое начало в русской литературе 1920–1930-х годов, А. В. Чаянов, А. А. Богданов, В. В. Маяковский, С. А. Есенин, А. П. Платонов, Е. И. Замятин

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-4-6-20

«Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» А. В. Чаянова тесно связано с традицией футурологической литературы. Писатель, как и его главный герой перед мистическим перемещением в будущее, ведет своеобразный диалог не только с уто-

1. Статья подготовлена в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН в ходе работы по гранту Российского научного фонда (проект РНФ № 17-18-01432-П).

пистами прошлого (Томасом Мором, Эдуардом Беллами, Робертом Блечфордом, Шарлем Фурье, Александром Герценом, Петром Кропоткиным) (Чаянов, 2006: 221–222), но и интерпретирует те эволюционные прогнозы, которые были высказаны в произведениях русской литературы конца XIX — начала XX века.

Образ счастливой гармоничной жизни, высшего развития сил человека воплощен во многих произведениях того времени. Так, в романе А. А. Богданова «Красная звезда» представлено идеальное общество Марса. М. Метерлинк в своей драмо-феерии «Синяя птица», которая с 1908 года с успехом шла в Московском Художественном театре, создал образ умного делания, претворенного в будущем. В опере Н. А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии» была проинтерпретирована мечта об утраченном рае. В «деревенском космосе» С. А. Есенина преобразование мира вершил герой-теург, пророк. В «Первомайском сне» В. Т. Кириллова (Кириллов, 1923), ставшем «пролетарским ответом» «крестьянской» утопии (Никё, 1992: 611), повторены чаяновские идеи о бережном отношении к памяти прошлого, отсутствии деления на город и деревню. Некоторые элементы футурологических прогнозов В. В. Маяковского, пафос эволюционного преобразования характерны и для концепции страны будущего Чаянова. Предостережения об опасности искусственного отбора выступают в качестве лейтмотива в произведениях Е. И. Замятина и А. П. Платонова.

В романе² Чаянова Алексей Иванович Кремнев, обладатель трудовой книжки № 37413, член коллегии Мирсовнархоза, «душитель крестьянского движения России» (Чаянов, 2006: 256), вернувшийся домой после митинга в Политехническом музее, вспоминает утопические идеалы Н. Г. Чернышевского, А. И. Герцена, Г. В. Плеханова (Чаянов, 2006: 221) и с горечью осознает, что в жизни советской страны «социалистический рай» (Чаянов, 2006: 223) так и не был воплощен. Он мистическим образом попадает в будущее, в Москву 1984 года, где в результате борьбы политических сил победила крестьянская партия.

В представлении героя социалистический строй противопоставлен «мракобесию капиталистической реакции» (Чаянов, 2006: 223). Чаянов, создатель учения о трудовом крестьянском хозяйстве, переносит своего героя в будущее, чтобы показать еще один возможный вариант развития жизни в России. Перемещение Кремнева в страну крестьянской утопии происходит inferнальным образом, в стилистике Э. Т. А. Гофмана, произведения которого хорошо знал Чаянов³. После прямого вопроса героя

2. Определение жанра «Путешествия...» дано самим Чаяновым.

3. Свою первую повесть «История парикмахерской куклы, или Последняя любовь московского архитектора М.» (1918) Чаянов посвятил «Памяти великого магистра Эрнеста Теодора Амадея Гофмана» (Чаянов, 2006: 49).

об идеале общественного устройства осуществляется мгновенное путешествие во времени: «В комнате удушливо запахло серой. Стрелки больших стенных часов завертелись все быстрее и быстрее и в неистовом вращении скрылись из глаз. Листки отрывного календаря с шумом отрывались сами собой и взвивались кверху, вихрями бумаги наполняя комнату» (Чаянов, 2006: 223). Писатель обращается здесь к традиционной структурообразующей схеме путешествия (странствование в поисках идеального мира, а также его открытие и описание), которая в первой половине XX века трансформировалась в жанре утопии, включив в себя сюжет с ярко выраженной динамикой, обусловленный как «перипетийностью внешних событий, так и сложной психологией героя» (Павлова, 2006: 301). Роман Чаянова «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (1920) соединил как черты травелога, следуя традиции путешествия в русской литературе XVIII–XIX веков (М. М. Щербатов «Путешествие в землю Офирскую» (1784), Н. М. Карамзин «Письма русского путешественника» и др.), так и черты амбивалентной метаутопической картины мира.

Создавая картину утопической России, Чаянов опирался на свои экономические, педагогические, искусствоведческие теории. Например, вопросы о способах увеличения рентабельности сельского хозяйства, влияния на метеорологические процессы, кооперации, организации семейного хозяйства — можно найти в его работах «Что такое аграрный вопрос» (1917), «К вопросу теории некапиталистических систем хозяйства» (1924), «Возможное будущее сельского хозяйства» (1928), «Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации» (1919), «Организация крестьянского хозяйства» (1925) и др.⁴ В своих экономических работах Чаянов, как и в «Путешествии...», писал о том, что мелкое семейное производство, как и много веков назад, должно сохраниться там, где оно удобнее крупного, что в развитии крестьянской кооперации — залог успешного роста сельского хозяйства.

Наряду с достижениями науки и техники (регулирование атмосферных осадков, воздухоплавание и т. д.) в стране крестьянской утопии тщательно оберегаются традиции прошлого, обязательным для человека считается знание произведений искусства, литературы, истории, через которые происходит более глубокое постиже-

4. Характерно, что А. М. Никулин рассматривает экономические работы Чаянова («Опыты изучения изолированного государства» (1915–1923)), «Возможное будущее сельского хозяйства» (1928) и литературное «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (1920) как три взаимосвязанные футурологические концепции, в которых отразились черты научного и художественного мировоззрения ученого и писателя (Никулин, 2020: 12).

ние человеком как самого себя, так и области своей деятельности (о создании разветвленной сети музеев, введении произведений искусства в жизнь широких слоев населения Чаянов писал в своей монографии «Старая западная гравюра» (1927) (Чаянов, 1926). Новую страну Кремневу показывают члены семьи Мининых, которые принимают «пришельца с того света» (Чаянов, 2006: 244) за американского экономиста Чарли Мена, приезда которого они ждали. Кремнев знакомится с историей страны, ее культурой, образом жизни, идеологией. Но за красивой утопической декорацией герой видит общество, построенное на основе искусственного отбора. Обман Кремнева раскрывается, и он, подвергающийся сомнению идеалы новой страны, оказывается выброшен из ее жизни. Таким образом, герой, не принявший ни идеалы Страны Советов 1920-х годов, ни устройство России 1984 года, становится человеком вне общества. На этом и обрывается роман Чаянова (хотя в его заглавии и обозначено, что представленный текст — только первая часть истории Кремнева), это разрушает рамку травелога, обрывает утопическое путешествие.

«Путешествие...» Чаянова тесно связано с литературой рубежа веков. В тексте романа отразился как комплекс идей, генетически обусловленных проектами социальных утопий XVI–XIX веков, так и представлений, которые обсуждались в литературе 1920–1930-х годов.

Исследователь философского контекста русской литературы начала XX века О. А. Казнина отмечала, что в произведении Чаянова сильно влияние идей евразийства. По ее мнению, в статье Л. П. Карсавина «Основы политики» («Евразийский временник», 1927) была создана близкая чаяновскому произведению картина утопического государства (Казнина, 2003: 246). Л. Н. Чертков считал, что Чаянов показал «осовремененный и просвещенный вариант славянофильского идеала России» (Чертков, 1989: 39–42).

Идеал утопической крестьянской страны Чаянова схож с «аграрно-патриархальным видением будущего», земного рая у крестьянских поэтов (С. А. Есенин, Н. А. Клюев, С. А. Клычков) (Соливетти, 1995: 299). Эти «защитники традиционной национальной красоты попытались воссоздать и сохранить в памяти людей фантастический крестьянский космос, где Бог, природа, люди, жнецы, пахари и скотоводы живут в согласии друг с другом» (Скороспелова, 2006: 149).

Образ крестьянского, лубочного рая создал в своих библейских поэмах («Пантократор», 1917; «Инония», 1918 и др.) Есенин, описавший «вселенский вертоград» будущего искусства, где «люди блаженно и мудро будут хороводно отдыхать под тенистыми ветвями одного преогромнейшего древа, имя которому социализм, или рай, ибо рай в мужицком творчестве так и представлялся, где нет податей за пашни, где “избы новые, кипарисовым тесом крытые”,

где дряхлое время, бродя по лугам, сзывает к мировому столу все племена и народы и обносит их, подавая каждому золотой ковш, сычёною брагой» («Ключи Марии», Есенин, 2005: 202). Есенин создал образ «Руси мужичьей, страны народа-богоносца, мессианской колыбели, «мужичьих яслей» (Семенова, 2001: 111). Изображение ярмарки, куда приходит главный герой утопии Чайнова, близко есенинскому представлению о крестьянском рае: «На прилавке лежали горы тульских пряников, поджаренных и с цукатами, тверские мятные стерлядкой и генералом и сочная разноцветная коломенская пастила. <...> Мальчишки свистали, как в доброе старое время, в глиняных золоченых петушков, как, впрочем, они свистали и при царе Иване Васильевиче, и Великом Новгороде. Двухрядная гармоника наигрывала польку с ходом» (Чайнов, 2006: 254).

В жизни утопической страны, изображенной в романе Чайнова, возвращение к прошлому имеет глубокое научное обоснование: «В основе нашего хозяйственного строя, так же как и в основе античной Руси, лежит индивидуальное крестьянское хозяйство. Мы считали и считаем его совершеннейшим типом хозяйственной деятельности» (Чайнов, 2006: 245). Эти идеи перекликаются и с деревенской утопией Н. Ф. Федорова (Соливетти, 1995: 299). В основе утопического сельского хозяйства лежит ручной труд, уровень развития техники и технологий очень высок. Интересно, что и в библейских поэмах Есенина, в его «Октоихе» (1917) также воплотилась эта идея преобразования «небесно-земледельческой культуры» (по Федорову): «...тут и усмирение бурь, и вызывание дождя по своей воле, и разумная регуляция земледелия» (Семенова, 2001: 114): «Плечью трясем мы небо, / Руками зыбим мрак / И в тощий колос хлеба / Вдыхаем звездный злак. / <...> Овсом мы кормим бурю, / Молитвой поим дол, / И пашню голубую / Нам пашет разум-вол» (Есенин, 1997: 42).

В библейских поэмах Есенина отразился пафос строительства нового мира, образ нового человека. Например, «пророк Есенин Сергей» вершит космические преобразования, способен своей фигурой связать небо и землю, стремится к тому, чтобы из жизни ушли боль и страдания: «Я сегодня рукой упругою / Готов повернуть весь мир... / Грозовой расплескались выюгою / От плечей моих восемь крыл» (Есенин, 1997: 62); «Языком вылижу на иконах я / Лики мучеников и святых. / Обещаю вам град Инонию, / Где живет божество живых!» (Есенин, 1997: 62). В этой связи важно упомянуть книгу Н. А. Бердяева «Смысл творчества», которая была в библиотеке поэта и оказала на него влияние. Философ писал: теургия — искусство, «творящее иной мир, иное бытие, иную жизнь, красоту как сущее». Теургия для него — совместное действие Бога и человека — «богодействие, богочеловеческое творчество» (Бердяев, 1993: 236).

Крестьянские утопии Есенина и Чаянова имеют много общих черт. В них говорится о важности земледельческой народной культуры, традиционных ценностей, сохранении связи человека с природой, внимательном отношении к прошлому, памяти предков. Но если в своем произведении Чаянов, описав жизнь в усовершенствованном государстве, предостерегает от изменения природы людей, то Есенин говорит о необходимости постижения человеком самого себя через открытие силы слова, понимании его глубинных смыслов.

Два различных взгляда на будущее человечества отразились в утопиях Маяковского и Чаянова. Концепция Чаянова — проверка на литературном материале его научно-экономических идей, идея Маяковского заключается в коренной трансформации не только жизни людей, но и самого человека, преодолении законов бытия (смерти).

Представления Маяковского связаны с Пролеткультом, комплексом социально-политических, нравственных и эстетических принципов грандиозного переустройства действительности, основу которого составляли культ машин, индустриального производства и рожденного им «нового человека» — преобразователя мира. В произведениях пролетарских писателей М. П. Герасимова, А. К. Гастева, В. Т. Кириллова звучал гимн в честь человека как творца нового мира, «спасителя, земли властелина, владыки сил титанических». Человеческую природу необходимо было изменить по образу и подобию совершенной машины. Иными словами, урбанистическая культура, механизация многих сторон жизни человека выдвигались на первый план.

Идеи Маяковского и Чаянова, на первый взгляд диаметрально противоположные, имеют много общих черт. Так, оба автора создают образ города-сада, в котором решена экологическая проблема, разумно регулируются метеорологические процессы, в стране будущего устранены проблемы инфраструктуры, нет болезней. Но если концепция Чаянова основывалась на научной теории, то Маяковский шел дальше в развитии утопии — писал о победе над смертью, о творении мира силой искусства.

В стихах («Два мая») и поэмах («150 000 000», «Летающий пролетарий», «Пятый Интернационал», «Мистерия-буфф») Маяковского создан гиперболический, поэтический образ будущего, где люди становятся теургами, могут силой слова созидать новые миры. Им подвластно управление стихиями и даже планетами, регуляция атмосферных явлений. Изменяется сама природа человека. У Маяковского мировая революция видится или как «прямое нашествие красной России, катализирующей революционное брожение и восстановление на Западе (“150 000 000”), или как красная буря... налетающая из России и охватывающая страны и континенты (“Пятый Интернационал”» (Семенова, 2001: 170–171). Или, как в поэме «Летающий пролетарий» (1925), мировая революция торжествует после

фантастической аэробитвы («только одни лучи да химия») с Америкой — «разбитой буржуазии оплотом» — и восстания американских рабочих.

Эволюция утопической картины у Маяковского идет от образа лубочного рая в «Мистерии-буфф» до развернутой детальной картины будущего в «150 000 000», где «космическая регуляция соединяется с идеально обихоженой землей, с расцветом техники, прежде всего летательной, общением с марсианами и жителями других планет» (Семенова, 2001: 171). Идеал будущего во всей полноте, вероятно, должен был появиться в поэме «Пятый Интернационал» (1922). Уже в прологе («IV Интернационал») он писал о своем главном стремлении: «В грядущее / тыкаюсь / пальцем-строчкой, / в грядущее / глазом образа вросся» (Маяковский, 1957: 102). Будущее должно было оправдать тяготы, невзгоды и жестокость настоящего, но не только обещанием материального благополучия, но и главным образом эволюцией человеческого духа: «Взрывами мысли головы содрогая, / артиллерией сердце уха, / встает из времен / революция другая — / третья революция / духа» (Маяковский, 1957: 103).

В стране грядущего реализован призыв поэта: «Даешь / небо!» (Маяковский, 1957а: 361), «чтоб в будущем / веке / жизнь человечья ракетой / неслась в небеса» (Маяковский, 1957а: 360). Маяковский создал образ технического прогресса и победы над расстоянием: «Небо — / в самолетах юрких» (Маяковский, 1957а: 350), «Небо перемахну во всю длину» (Маяковский, 1957а: 353). Благодаря этому меняется и быт человека, мобильность его жизни: «Теперь / приставил / крыло и колеса / да вместе с домом / взял / и понесся» (Маяковский, 1957а: 356).

В утопии Чаянова также представлено развитие автомобильного и авиационного транспорта: «Легкий аэропиль доставил их к трем часам на аэродром центра» (Чаянов, 2006: 266), «Тысячи автомобилей и конных экипажей в несколько рядов сплошным потоком стремились к центру города, по широким тротуарам двигалась сплошная толпа пешеходов» (Чаянов, 2006: 229). Развитая инфраструктура, возможность быстрого перемещения способствуют тому, что страна организована как сеть крестьянских поселений.

У Маяковского здравницу власти Советов произносит вся Вселенная. Оптимистическим гимнам труда вторят не только люди, но и планеты:

Миллионами
становятся в ряд
самолеты
на первомайский парад. <...>
По радио

к звездам
 — никак не менее! —
 гимны
 труда
 раскатило
 в пение.
 И не моргнув
 (приятно и им!)
 планеты
 в ответ
 рассылают гимн. <...>
 А музыка
 плещется,
 катится,
 льет,
 пока
 сигнал
 огласит
 — разлёт!

(«Два мая», Маяковский, 1957а: 115).

Интересно, что и в стране крестьянской утопии Чаянова, государственным гимном которой стал «Прометей» А. Н. Скрябина, это музыкальное произведение исполняется не в концертном зале, а колоколами церквей: «Через минуту густой удар Полиелейного колокола загудел и пронесся над Москвой, ему в октаву отозвались Кадаши, Никола Большой Крест, Зачатьевский монастырь <...>. Медные звуки, падающие с высоты на головы стихшей толпы, были подобны взмахам крыл какой-то неведомой птицы» (Чаянов, 2006: 268). Весь город объединен музыкой, зовущей к теургическим свершениям.

И Маяковский, и Чаянов писали об изменении градостроительной политики будущего. Но если у Маяковского — это бесконечный город-сад, который протянется «за горизонт», заставит «попятиться тайгу», то у Чаянова — это заполненный садами город-пигмей: «Город казался сплошным парком, среди которого архитектурные группы возникали направо и налево, походили на маленькие затерявшиеся городки» (Чаянов, 2006: 229). А. А. Минин, один из создателей крестьянской страны, объяснял Алексею Кремневу, что новая Россия — аграрная страна, построенная по принципу «русской деревни севера» (Чаянов, 2006: 235): «Видите ли, раньше город был самодовлеющ, деревня была не более как его пьедестал. Теперь, если хотите, городов вовсе

нет, есть только место приложения узла социальных связей. Каждый из наших городов — это просто место сборища, центральная площадь уезда. Это не место жизни, а место празднеств, собраний и некоторых дел. Пункт, а не социальное существо» (Чаянов, 2006: 233).

Лирический герой Маяковского, как и утопические жители у Чаянова, мыслит себя теургом. В «Приказе № 3», написанной части «Пятого Интернационала», Маяковский говорит о миссии поэта в преображенном мире: «Я 28 лет отрачиваю мозг / не для обнюхивания, / а для изобретения роз» («Пятый Интернационал», Маяковский, 1957: 107).

Труд поэта должен быть таким же формирующим жизнь, эффективным, как и труд выдающихся изобретателей, мыслителей, революционеров. Поэт — «грядущих дней агитатор» (Маяковский, 1957а: 359).

Утопические герои Чаянова также проникнуты теургическими идеями. Так, Параскева, которая первая встречает Кремнева в стране будущего, в рассуждениях об изобразительном искусстве требует от художника «конгениальности с творцом вселенной», в картине она ценит «силу волшебства, искру Прометееву, дающую новую сущность».

Земледельческий труд считается в крестьянской утопии «совершеннейшим типом хозяйственной деятельности. В нем человек противопоставлен природе, в нем труд приходит в творческое соприкосновение со всеми силами космоса и создает новые формы бытия. Каждый работник — творец, каждое проявление его индивидуальности — искусство труда» (Чаянов, 2006: 245). Апофеоз теургической деятельности — «идея искусственного подбора и содействия организации талантливых жизней» (Чаянов, 2006: 263). Когда Кремнев в ужасе задает Минину вопрос, «какими идеями стимулировалась ваша работа над созданием сего крестьянского эдема», «кто вы: авгуры или фанатики долга?» (Чаянов, 2006: 265), он узнает, что руководители страны считают себя «людьми искусства», «которых ведут искры Прометеева огня творчества» (Чаянов, 2006: 266).

Утопия Маяковского — это поэтический призыв работать ради грядущего, трудиться, чтобы приблизить его воплощение. Утопические идеи Чаянова — обоснованная научная теория, в которой показаны возможные пути построения государства. Сходные в утопических картинах, образы будущего Чаянова и Маяковского опираются на главенство разных социальных слоев. Правящий класс у Маяковского — рабочие, Чаянов строит утопическую картину на главенстве крестьянского, земледельческого труда. Если поэт призывает человека стать теургом, то Чаянов предостерегает от появления «авгуров духа», установления искусственного отбора. Основой жизни в утопической стране является семья — в отличие, например, от «Мы» Е. И. Замятина и «Красной звезды» А. А. Бог-

данова⁵, где люди живут огромным коллективом, воспитание детей поручено специальным учреждениям. Роман Чаянова как раз и начинается с того, как вернувшийся с очередного партсобрании коммунистический деятель Кремнев ощущает диссонанс между лозунгами и правдой жизни: «Утомленная голова ныла и уже привычно мыслила, не думая, сознавала, не делая выводов <...> Разрушая семейный очаг, мы тем самым наносим последний удар буржуазному строю!» (Чаянов, 2006: 220). Деятельность новой власти по сносу устоев жизни быстра и безапелляционна: Кремнев идет «...к полуразрушенному семейному очагу, обреченному в недельный срок к полному уничтожению» (Чаянов, 2006: 220). А название одной из глав говорит само за себя — «Глава седьмая, убеждающая всех желающих в том, что семья есть семья — и всегда семьей останется» (Чаянов, 2006: 237).

Осмысление последствий развития евгеники отразилось в романах Чаянова и Замятина. В крестьянской утопии «главная идея, облегчившая нам разрешение проблемы, была идея искусственно-го подбора и содействия организации талантливых жизней» (Чаянов, 2006: 263). Учтены и решены проблемы человеческих болезней, пороков развития, патологий. Мотив отделенности, ограниченности мира будущего, важный для антиутопии Замятина, развивается и у Чаянова. Весь мир разделен на несколько политических изолированных систем, каждая страна существует обособленно. Историческая правда многих событий стерта в глазах новых поколений. В утопической Москве Кремнев видит памятник Ленину, Керенскому и Милюкову — они «дружески поддерживают друг друга» (Чаянов, 2006: 230). Для людей будущего все они «сотоварищи по одной революционной работе» и не важно, «какая между ними была разница» (Чаянов, 2006: 231). История в представлении утопических обывателей обобщена, она предстает в радостно-оптимистическом свете.

В статье «О синтетизме» Замятин упоминал Вавилонскую башню и Питера Брейгеля Старшего (ок. 1525–1569), автора картин «Малая Вавилонская башня» и «Большая Вавилонская башня» (Замятин, 2004). Этот символ есть и в «Путешествии...» Чаянова (Михаленко, 2016). В антиутопии «Мы» мотив соблазнения Адама и Евы скрыт в сюжете обретения истинного знания главным героем (Д-503), а символика древнего зиккурта связана с космическим кораблем ИНТЕГРАЛОМ, на котором люди Единого Государства должны покорить и подчинить инопланетные народы, сделать их «математически-безошибочно» счастливыми. Герой сравнивается с «неким мифическим богом в седьмой день творения», «башней», способной все разрушить. Он приравнивает себя к людям прежних

5. Сравнение социальных мировоззрений Богданова и Чаянова проведено в книге А. М. Никулина См. главу «Богданов и Чаянов: индустриализм Марса и аграризм Москвы» (Никулин, 2020: 85–107).

поколений, победивших «старого Бога и старую жизнь» (Замятин, 2003: 214–215). Само бытие Единого Государства — тщательно выстроенная и организованная башня, где применяются методы евгеники и над людскими умами властвует математически-стерильная религия с сакральными артефактами (Скрижаль), а люди, потребляющие нефтяную пищу, стали своеобразными городскими биороботами, ведь деревни и сельского хозяйства не существует, как и хлеба.

В «Котловане» А. П. Платонова интерпретированы близкие произведениям Чайнова и Замятина мотивы. Здесь создан образ стройки грандиозного «единого здания, куда войдет на поселение весь местный класс пролетариата» (Платонов, 2000: 32). Показано самое начало сооружения такой Вавилонской башни — все расширяющийся и углубляющийся котлован. Но в его основе, как и при закладке древних зиккуратов, уже много жертвенной крови. Одновременно с постройкой общего дома происходят процессы коллективизации и раскулачивания, сопровождающиеся картинами Апокалипсиса. Умирают сельскохозяйственные животные кулаков, а самих людей сплавляют по реке на плоту. Причем возникают аллюзии к образу Ноева ковчега — люди, до этого враждовавшие, примиряются. Новое государство готовится полностью переделать мир, не зря герои задумываются о «прекращении вечности времени, об искуплении томительности жизни» (Платонов, 2000: 66), люди существуют «без душевной прилежности» (Платонов, 2000: 78). Важную роль в создании теургического мифа, как и у Чайнова, здесь имеет исполнение музыкальных произведений: «Тревожные звуки внезапной музыки давали чувство совести, они предлагали беречь время жизни, пройти даль надежды до конца и достигнуть ее, чтобы найти там источник этого волнующего пения и не заплакать перед смертью от тоски тщетности» (Платонов, 2000: 189).

Как писал Ханс Гюнтер, в «Котловане» вместо положительной восходящей линии строения башни выходит обратное — движение вглубь земли. Это уже совершенное отрицание утопического дома, его превращение в прямую противоположность, в «пропасть» (Гюнтер, 1995: 145–151).

Носителем мечты о строящемся доме в «Котловане» является прежде всего инженер Прушевский, которому принадлежит идея общепролетарского дома. Но Прушевскому, «проходящему» человеку старой эпохи без веры в будущее, кажется, что не ему суждено завершить эту задачу, а «через десять или двадцать лет другой инженер построит в середине мира башню, куда войдут на вечное, счастливое поселение трудящиеся всего земного шара» (Чайнов, 2006: 428).

В итоге строительства общепролетарского дома получается не башня для защиты жизни, а место для мертвых, некрополь. В этом можно увидеть инверсию центрального утопического мотива.

Утопия Чаянова, сходная с идеями новокрестьян, славянофилов и евразийцев, содержащая в себе прогнозы, близкие идеям Маяковского, и предостережения, сходные с представлениями Замятина и Платонова, далека от положительного общественного идеала. Новая страна не только бережно хранит традиционные ценности, но и применяет «манипулятивные практики, основанные на идее “трансформации” человеческого сознания» (Павлова, 2006: 11) — осуществляет искусственный отбор и способствует максимальной реализации каждого человека. По мнению К. Соливетти, «в этой Аркадии обнаруживаются жесткие культурные модели, не слишком отличающиеся от моделей общества образца 1921 года» (Соливетти, 1995: 313). Создавая научно-популярное произведение, представляющее собой альтернативу большевистским планам, Чаянов проводит литературный эксперимент с утопической моделью, показывая ее сильные и слабые стороны.

Библиография

- Бердяев Н. А. (1993). Смысл творчества // Бердяев Н. А. О русских классиках / Авт. вступ. ст. К. Г. Исупов; сост. и авт. коммент. А. С. Гришин. М.: Высшая школа. С. 23–224.
- Гюнтер Х. (1995). Котлован и Вавилонская башня // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 2. М.: Наследие. С. 145–151.
- Есенин С. А. (1997). Полное собрание сочинений. В 7-ми томах. Т. 2. Стихотворения (Маленькие поэмы) / Подгот. текста и коммент. С. И. Субботина. М.: Наука — Голос.
- Есенин С. А. (2005). Полное собрание сочинений. В 7-ми томах. Т. 5. Проза / Составление, подготовка текстов и коммент. А. Н. Захарова, С. П. Кошечкина, Е. А. Самоделовой, С. И. Субботина и Н. Г. Юсова. М.: ИМЛИ РАН.
- Замятин Е. И. (2003). Мы // Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2. Русь / Сост., подгот. текста и коммент. Ст. С. Никоненко и А. Н. Тюрина. М.: Русская книга. С. 211–368.
- Замятин Е. И. (2004). О синтетизме // Собрание сочинений: В 5 т. Т. 3. Лица / Сост., подгот. текста и коммент. Ст. С. Никоненко и А. Н. Тюрина. М.: Русская книга. С. 164–172.
- Казнина О. А. (2003). Евразийский комплекс идей в литературе // Гачева А. Г., Казнина О. А., Семенова С. Г. Философский контекст русской литературы 1920–1930-х годов. М.: ИМЛИ РАН. С. 214–287.
- Кириллов В. Т. (1923). Первомайский сон // Синеблужный май. Литературно-художественный сборник. М.: Издательство ВЦСПС. С. 77–86.
- Маяковский В. В. (1957). IV Интернационал // Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 4 / Подгот. текста и примеч. В. А. Арутчевой и Э. С. Паперного. М.: Гос. изд-во худож. литературы.
- Маяковский В. В. (1957а). Полное собрание сочинений в 13 т. Т. 6 / Подгот. текста и примеч. И. С. Эвентова, Ю. Л. Прокушева; ред. С. А. Коваленко. М.: Гос. изд-во худож. литературы.
- Михаленко Н. В. (2016). Символика Вавилонской башни в «Путешествии моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» А. В. Чаянова // Проблемы исторической поэтики. № 14. С. 428–440.
- Никё М. (1992). Об одной ранней советской утопии: Первомайский сон В. Кириллова // *Revue des études slaves*. Vol. 64. № 4. P. 603–617.

- Никулин А. М. (2020). Школа Чайанова: утопия и сельское развитие. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Павлова О. А. (2006). Русская литературная утопия 1900–1920-х гг. в контексте отечественной культуры: диссертация ... доктора филологических наук: 10.01.01. Волгоград.
- Платонов А. П. (2000). Котлован: Текст, материалы творческой истории. СПб.: Наука. С. 21–116.
- Семенова С. Г. (2001). Русская поэзия и проза 1920–1930-х годов. Поэтика — Видение мира — Философия. М.: ИМЛИ РАН, Наследие.
- Скороспелова Е. Б. (2006). Русская проза 1917–1950-х годов // История русской литературы XX века (20–50-е годы): Литературный процесс. Учебное пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та. С. 68–160.
- Соливетти К. (1995). Утопия или метаутопия? // Вторая проза. Trento: Dipartimento di Scienze Filologiche e. Storiche. С. 297–314.
- Чаянов А. В. (2006). Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии // Чаянов А. В. Московская гофманиада / Послел. В. Б. Муравьева; примеч. В. Б. Муравьева, С. Б. Фроловой. М.: Издательский дом ТОНЧУ. С. 217–275.
- Чаянов А. В. (1926). Старая западная гравюра: краткое руководство для музейной работы / Предисл. Н. И. Романова. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых.
- Чертков Л. Н. (1989). А. В. Чаянов прозаик // История парикмахерской куклы и другие сочинения ботаника Х. Нью-Йорк: Russica Publishers. С. 39–42.

Utopian idea in the Russian literature of the 1920s–1930s (The Journey of My Brother Alexei to the Land of Peasant Utopia by A. V. Chayanov in the context of the era)

Natalia V. Mikhalenko, PhD (Philology), Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St. 25a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: rinsan-tin@rambler.ru

Abstract. Alexander Chayanov's book *The Journey of My Brother Alexei to the Land of Peasant Utopia* is deeply rooted in the late 19th — early 20th century's literary and philosophical ideas. His utopia was influenced not only by the futuristic projects of William Morris, Thomas Moore, Edward Bellamy and other authors mentioned in the book, but also by the ideas interpreted in the works of Vladimir Mayakovsky, Vladimir Kirillov, Evgeny Zamyatin, Andrei Platonov, and others. The picture of the peasant paradise presented by Chayanov's economic ideas is similar to the dreams of the neo-peasant poets about an 'izba paradise' (*izba* — a traditional Russian farmstead), preservation of traditional values and folk culture. Technological achievements are described in the works of Mayakovsky and Zamyatin, and Chayanov's utopia adds the ability to control meteorological processes. The writers' reflections on the future man were influenced by their interpretation of future theurgic ambitions and their possible results (artificial selection, strict regulation of many spheres of life, compulsory realization of gifts and talents, separation or even extermination of dissenters, etc.). The futurologist ideas about the development of society, science, art and culture, implemented in different art forms, were tested to check the man's ability to identify the limits of his power over his own nature while not attempting to suppress or change according to the challenges of technology.

Key words: utopia, utopian idea in the Russian literature of the 1920s–1930s, Alexander Chayanov, Alexander Bogdanov, Sergey Esenin, Vladimir Mayakovsky, Andrei Platonov, Evgeny Zamyatin

- Berdyayev N. A. (1993) Smysl tvorchestva [The meaning of the creative act]. Berdyayev N. A. *O russkikh klassikah*; avt. vstup. st. K. G. Isupov; sost. i avt. komment. A. S. Grishin, Moscow: Vysshaya shkola, pp. 23–224.
- Gunter H. (1995) Kotlovan i Vavilonskaja bashnja [The foundation pit and the Tower of Babel]. "Strana filosofov" *Andreja Platonova: problemy tvorchestva*, vol. 2, Moscow: Nasledie, pp. 145–151.
- Esenin S. A. (1997) *Polnoe sobranie sochinenij. Stikhotvorenija (Malenkie poemy)* [Complete Works, vol. 2 (Little Poems)], podgot. teksta i komment. S. I. Subbotina, Moscow: Nauka — Golos.
- Esenin S. A. (2005) *Polnoe sobranie sochinenij. T. 5. Proza* [Complete Works, vol. 5.]. Sost., podgot. tekstov i komment. A. N. Zakharova, S. P. Koshechkina, E. A. Samodelovoj, S. I. Subbotina i N. G. Jusova, Moscow: IMLI RAN.
- Kaznina O. A. (2003) Evrazijsky kompleks idej v literature [Eurasian ideas in literature]. Gacheva A. G., Kaznina O. A., Semenova S. G. *Filosofsky kontekst russoj literatury 1920–1930-godov*, Moscow: IMLI RAN, pp. 214–287.
- Kirillov V. T. (1923) Pervomajskij son [A dream on May Day]. *Sinebluzi maj. Literaturno-khudzhestvenny sb.*, Moscow: VCSPPS, pp. 77–86.
- Mayakovsky V. V. (1957) IV Internatsional [The Fourth International]. Mayakovsky V. V. *Polnoe sobranie sochinenij*, podgot. teksta i primech. V. A. Arutchevoj i Z. S. Papernogo, Moscow: Gos. izd-vo khudozh. lit., vol. 4.
- Mayakovsky V. V. (1957a) *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works], vol. 6, podgot. teksta i primech. I. S. Eventov, Ju. L. Prokushev; red. S. A. Kovalenko, Moscow: Gos. izd-vo khudozh. lit.
- Mikhajlenko N. V. (2016) Simvolika Vavilonskoi bashni v "Puteshestvii moego brata Alekseja v stranu krest'ianskoi utopii" A. V. Chaianova [The symbol of the Tower of Babel in Alexander V. Chayanov's book *The Journey of My Brother Alexei to the Land of Peasant Utopia*]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, no 14, pp. 428–440.
- Nikyo M. (1992) Ob odnoj rannej sovetskoj utopii: Pervomajskij son V. Kirillova. [On an early Soviet utopia: A dream on May Day by V. Kirillov]. *Revue des études slaves*, vol. 64, no 4, pp. 603–617.
- Nikulin A. M. (2020) *Shkola Chayanova: utopiia i selskoe razvitie* [Chayanov's School: Utopia and Rural Development], Moscow: Delo.
- Pavlova O. A. (2006) *Russkaja literaturnaja utopiia 1900–1920-h gg. v kontekste otechestvennoj kultury*, avtoref. dis. d.f.n. [Utopia in the Russian Literature in the 1900s — 1920s in the Context of the Russian Culture]. Volgograd: Volgogradskij gosudarstvenny universitet.
- Platonov A. P. (2000) *Kotlovan: Tekst, materialy tvorcheskoi istorii* [The Foundation Pit: Text, Materials of the Creative Story], Saint Petersburg: Nauka, pp. 21–116.
- Semenova S. G. (2001) *Russkaja poezija i proza 1920–1930-h godov. Poetika — Videnie mira — Filosofija* [Russian Poetry and Prose in the 1920s — 1930s. Poetics — World-view — Philosophy], Moscow: IMLI RAN, Nasledie.
- Skorospelova E. B. (2006) *Russkaja proza 1917–1950-h godov [Russian prose in the 1917–1950s]. Istorija russoj literatury XX veka (20–50-e gody): Literaturny protsess [The History of Russian literature of the XX century (20–50s): The literary process]*, Moscow: MSU, pp. 68–160.
- Solivetti K. (1995) Utopija ili meta-utopiia? [Utopia or meta-utopia?] *Vtoraja proza*, Trento: Dipartimento di Scienze Filologiche e. Storiche, pp. 297–314.
- Chayanov A. V. (2006) Puteshestvie moego brata v stranu krest'janskoi utopii [The Journey of my Brother Alexei to the Land of Peasant Utopia]. Chayanov A. V. *Moskovskaja gofmaniada*, poslesl. V. B. Muravieva, primech. V. B. Muravieva, S. B. Frolovoj, Moscow: TONCHU, pp. 217–275.

Н. В. Михаленко
«Утопическое
начало в русской
литературе 1920–
1930-х годов»

- Chayanov A. V. (1926) *Staraja zapadnaja gravjura: kratkoe rukovodstvo dlja muzejnoj raboty* [Old Western Master Print: A Brief Guide to Museum Work], s predisl. N. I. Romanova, Moscow: M. i S. Sabashnikovyh.
- Chertkov L. N. (1989) A. V. Chayanov prozaik [Chayanov as a Writer]. *Istorija parikmaherskoj kukly i drugie sochinenija botanika X.* [A Story of the Hairdresser's Doll and Other Works of the Botanist X.], New York: Russica Publishers, pp. 39–42.
- Zamyatin E. I. (2003) Мы [We]. *Sobranie sochinenii*, vol. 2. Rus, sost., podgot. teksta i komment. S. S. Nikonenko i A. N. Tiurina, Moscow: Russkaia kniga, pp. 211–368.
- Zamyatin E. I. (2004) O sintetizme [On synthetism]. *Sobranie sochinenii*, vol. 3. Litsa, sost., podgot. teksta i komment. S. S. Nikonenko i A. N. Tiurina, Moscow: Russkaia kniga, pp. 164–172.

Западные агроинвесторы в России и Украине: очарованные почвой — разочарованные климатом¹

О. Виссер

Оане Виссер, старший научный сотрудник Международного института социальных исследований Университета Эразмуса. Нидерланды, Роттердам, 2518 AX, Kortenaerkade 12. E-mail: visser@iss.nl

Аннотация. В статье речь идет о том, как представления о земле и климате влияют на дискурсы и практики инвестирования в сельскохозяйственные земли. Зарубежные инвесторы в сельскохозяйственные земли черноземных регионов России и Украины были очарованы плодородием почв, но упускали из виду климатические факторы. В статье показана многовековая история иностранцев, которые приезжали в данный регион, соблазненные плодородными землями, но недооценивали местный климат, оказывавший колоссальное влияние на жизнеспособность хозяйств и окружающую среду. Параллели с исторической и современной литературой по другим регионам (например, американским прериям и Северной Африке) показывают, что подобная недооценка климатических рисков весьма характерна для прибывающих в ресурсные фронтиры.

Ключевые слова: представления о земле, незнание, почва, земельные инвестиции, климат

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-4-21-49

-
1. Это переведенная и переработанная версия статьи: *Visser O.* (2021). Persistent farmland imaginaries: celebration of fertile soil and the recurrent ignorance of climate. *Agriculture and Human Values*. Vol. 38. P. 313-326. <https://doi.org/10.1007/s10460-020-10154-1>

Исследование для данной статьи было поддержано Европейским исследовательским советом (ERC), грант (StG 313871). Я выражаю свою благодарность за советы и комментарии Дэвиду Муну (David Moon), Саре Рут Сиппель (Sarah Ruth Sippel) и Тане Ричардсон (Tanya Richardson), а за перевод — Александру Куракину.

ТЕОРИЯ

Наша компания владеет обширным банком первоклассной земли... Такой тип почвы называется черноземом, он черного цвета и содержит высокую долю гумуса... Обычно он уходит на большую глубину, более 1 метра, и представляет собой структуру вроде глины, которая облегчает полевые работы, а также хорошо удерживает воду.

Веб-сайт шведской земельной компании Black Earth Farming, которая работала в России и Украине в 2005–2017 гг.³

В статье описана поразительная историческая устойчивость представлений о сельскохозяйственной земле, несмотря на опровергающие эти представления факты. Так благоприятный образ почвы способен заслонить собой в глазах инвесторов важные климатические факторы, которые могут иметь долгосрочные последствия для деятельности сельскохозяйственных предприятий и окружающей среды. Примером здесь послужит чернозем, считающийся самой плодородной почвой в мире. Наиболее обширные пространства чернозема находятся на юге России и большей части Украины⁴. Начиная с середины 2000-х годов в данную черноземную область, эту житницу бывшего Советского Союза, пошла лавина земельных инвестиций, которые можно считать частью глобальной земельной лихорадки (или «захвата земель»). Отчеты земельных инвесторов, стекавшихся в этот регион в поисках «нетронутой» земли, были переполнены восторженными одами «чернозему, миллионам гектаров ультраплодородной сельскохозяйственной земли» (The Local, 2009), «легендарной»⁵ и «лучшей в мире почве» (Kuns et al., 2016; Visser, 2017), «земле твоей мечты» (The Local, 2009), за которую западные фермеры «готовы убить». Такой ажиотаж вокруг чернозема имеет под собой солидные научные основания, так как нет сомнений в том, что он является одним из самых плодородных, если не самым плодородным, типом почв в мире и обладает множеством характеристик, благоприятствующих высоким урожаям (Moon, 2013). Чернозем может давать высокие урожаи благодаря высокому содержанию гумуса, фосфора и фосфорных кислот, аммиака.

2. Dokuchaev 1994.

3. База данных автора. Отрывок взят с веб-сайта: <https://blackearthfarming.com>

4. Россия и Украина обладают наибольшими территориями чернозема в Евразии, однако сам черноземный пояс простирается от Казахстана до Сербии. Также большие площади чернозема можно найти в Северной и Южной Америке (по классификации минсельхоза США, эта почва называется «моллисол»).

5. www.brookings.edu/blogs/future-development/posts/2016/03/03-farm-land-reform-ukraine-strubenhof

Несмотря на огромные преимущества чернозема для ведения сельского хозяйства, результаты работы иностранных инвесторов в России и в Украине оказались хуже ожиданий, а в ряде случаев — откровенно провальными (Kuns et al., 2016; Visser, 2017). Хотя на первых порах они сумели собрать значительные инвестиции и их акции высоко котировались, что отражало высокие ожидания от их деятельности, компании стали работать в убыток, нередко много лет подряд, а две из них были вынуждены отозвать свои акции с биржевых торгов. Таким образом, первый вопрос, на который мы попытаемся ответить в этой статье, *как можно объяснить такое несоответствие ожидаемых и реальных результатов работы зарубежных инвесторов в черноземном регионе?* Наша гипотеза состоит в том, что нарративы инвесторов, одержимых черноземом, не только подогревали завышенные ожидания, но одновременно и способствовали печальным результатам их деятельности⁶. Зацикленность на почве была эффективным инструментом «продать» бизнес-проект глобальным земельным инвесторам, однако она же их и ослепила. Были преуменьшены, отодвинуты на задний план или вовсе упущены из виду такие важные аспекты ведения сельского хозяйства, как изношенная сельская инфраструктура и изменчивая погода, причем как на уровне курса, так и на уровне стратегий и действий предприятий. Далее мы покажем, что в ряду многих факторов, которым земельные инвесторы не уделили достаточно внимания из-за фиксации на почве, наиболее удивительным выглядит игнорирование климата, что и привело, вероятно, к наибольшим негативным для прибыльности предприятий последствиям.

Ожидания земельных инвесторов являются лишь современной реинкарнацией старых представлений о черноземе. Мы покажем удивительную преемственность в «очаровании» черноземом. Начиная с экспансии Российской империи на юг и восток в конце XVII и в XVIII веках, вопрос климата в значительной мере игнорировался или неправильно понимался (Wheatcroft, 1977; Wheatcroft, Davies, 1994; Moon, 2013). Климат не учитывался как в советский, так и в досоветский периоды, несмотря на многочисленные случаи неудач в сельскохозяйственном освоении новых земель, которые в значительной мере проистекали из-за этой недооценки. Подобные представления к земле мешали новичкам эффективно приспособиться к агроклиматическим условиям, и следовательно, второй исследовательский вопрос в статье следующий. *Почему подобные представления о земле столь устойчивы, а климату постоянно не уделяют должного внимания, несмотря на сельскохозяйственные неудачи и растущее число фактов, противоречащих этим представлениям?*

6. Разумеется, наряду с другими факторами, о чем речь пойдет ниже.

Отвечая на два поставленных выше вопроса, наше исследование демонстрирует, как представления о земле могут начать жить собственной жизнью, вести к далеко идущим последствиям для сельскохозяйственных предприятий и изменять отношения людей к земле в целом. Также в статье рассматриваются факторы, влияющие на устойчивость представлений о земле, несмотря на противоречащие им факты. В более широком плане, как и в работе С. Сиппель и О. Виссера (Sippel, Visser, 2020), в статье аргументируется, что при изучении проектов и ресурсных фронтиров нужно обязательно уделять внимание вопросам репрезентации, изучения, а также сокрытия информации, что хорошо прослеживается в представлениях о земле.

Статья опирается на научные публикации по вопросу о том, как природа (в частности, земля) превращается в природные ресурсы (Richardson, Weszkalnys, 2014; Li, 2014) и финансовые активы (Ouma, 2016; Visser, 2017), о земельных инвестициях (Visser et al., 2012; Wolford et al., 2013) и об истории окружающей среды (Worster, 1979; Moon, 2013, 2020), в особенности в степных регионах фронта поселенческих колоний (Worster, 1979; Cronon, 1991; Moon, 2020), но также в определенной мере на Глобальном Юге (Davies, 2007, 2011). По мнению С. Оумы (Ouma, 2016), исследования по превращению разнообразных видов сельскохозяйственных земель в финансовые активы пока не уделяют достаточно внимания исторической стороне данного феномена. В статье предпринята попытка исправить этот недостаток, используя исторический подход при изучении собирания земель в конкретном регионе. Мы опирались на анализ исторических корней современных инвестиций в природные ресурсы и их коммодификации (Edelman, Leon, 2013), а также природно-социальной истории географических регионов (Worster, 1979; Cronon, 1991; Moon, 2013, 2020).

Статья имеет следующую структуру. Вначале нами описана концептуальная рамка, затем следует раздел, в котором представлен изучаемый регион и методология исследования. Далее обсуждается ажиотаж вокруг чернозема в 2000-х годах и в прошлых столетиях. В четвертом разделе показано, что инвесторы в черноземный регион исторически не уделяют должного внимания климату, и описаны негативные последствия этого. В пятом разделе задается вопрос, почему же представления о земле, превозносящие чернозем и игнорирующие климат, оказались столь устойчивы. Для ответа на этот вопрос мы приводим примеры других регионов, где можно наблюдать такое же застарелое игнорирование или недооценку климата со стороны иностранцев. В заключение мы делаем вывод, что по всему миру недооценка климата в случаях ресурсных фронтиров оказывается на удивление типичной для представлений о земле как прошлого, так и настоящего.

Вопрос о том, каким образом та или иная окружающая среда способствует либо препятствует инвестициям в землю, пока еще изучен недостаточно глубоко (Wolford et al., 2013). В аграрных исследованиях биофизическая окружающая среда обсуждается довольно поверхностно, как правило, только чтобы показать, насколько она привлекательна для приобретения земель инвесторами (Goldstein, 2016: 756). Фактически нет работ, где бы «речь шла о том, как используются земли и окружающая среда», приобретенные инвесторами, и «как управление окружающей средой зависит от знаний о пригодности земли для аккумуляции и развития» (Ibid.). Вслед за Т. Ли (Li, 2014) вопрос был переформулирован, а именно: как *сделать* землю пригодной, а следовательно, привлекательной для инвестиций (ср.: Goldstein, 2016: 756). До сих пор в исследованиях о превращении земли в привлекательный объект для инвестиций рассматривались нарративы инвесторов о собственности и территориальных аспектах земли и лишь иногда слегка затрагивались ее экологические характеристики. Например, широко отмечалось, что определение земель как «неиспользуемых» или «неплодородных» является стратегией инвесторов и действующих в их интересах государств ради обоснования скупки этих земель по дешевке (Visser et al., 2012; Wolford et al., 2013). Таким образом, внимание исследователей сосредоточено на том, как инвесторы намеренно используют в своих дискурсах определенные понятия о земле для своей выгоды, однако на эти дискурсы также влияют и неявные, непреднамеренные представления о земле. Итак, мы утверждаем, что концепция «представлений о земле»⁷ будет полезной для выявления этих, более скрытых, понятий о земле.

Представления о земле

Действия инвесторов и других акторов не являются только лишь прямым выражением их экономических или политических интересов. Интересы и стратегии, а также конкретные операции с землей и ее трансформация опосредуются представлениями о земле, а именно — пониманием того, что такое земля, что она может или должна давать, и как люди могут или должны с ней взаимодействовать (Sippel, Visser, 2020; более широкий взгляд на социотехнические представления см. в: Jasanoff, 2015). Подобные представления далеко не всегда выражаются в явном виде или используются сознательно. Напротив, представления о зем-

7. Или образов земли (в оригинале — land imaginaries). — *Прим. пер.*

ле составляют мыслительные структуры, которые влияют неявно и подсознательно на практические действия в отношении земли (Davis, 2011). В этом смысле представления о земле суть само собой разумеющиеся идеи о земле, выработанные в рамках тех или иных групп, которые, однако, на бессознательном уровне влияют на практики землепользования. Подобные представления могут быть отражены в нарративах, финансовых показателях, картах или веб-сайтах. Скрытая и нерелексивная природа представлений о земле подразумевает, что они могут иметь непредвиденные или нежелательные последствия. Соответствующая литература часто представляет земельных инвесторов в виде беспринципных жонглеров понятиями, старающихся таким образом представить свои инвестиции в наиболее выгодном свете перед фондами, государствами и сообществами, чтобы получить еще более высокую прибыль. В нашей статье мы постарались показать, что в то время как продвигаемые инвесторами дискурсы о земле безусловно влияют на общество, более общие представления о земле, распространенные в этом обществе, одновременно влияют на самих инвесторов.

Чересчур оптимистичный дискурс инвесторов, основанный на поверхностных представлениях о земле (т. е. не учитывающих ряд рисков и, следовательно, переоценивающих продуктивность земли), может привлечь поддержку со стороны фондов и государства, но одновременно, загнать инвесторов в ловушку, вовлекая их в рискованные, заведомо неосуществимые проекты (ср.: Visser, 2017). Мы постарались сформулировать, какие именно представления преуменьшаются или вовсе игнорируются, опираясь, во-первых, на публикации о представлениях (образах) о земле, а во-вторых, о незнании (или «агнотологии») (Proctor, 2008), особенно об окружающей среде (Proctor, 2008; Uekotter, Lubken, 2014). Если дискурсы инвесторов и представления (образы) о земле можно преувеличить или приукрасить, то материальная природа земли сопротивляется человеческому вмешательству. Тогда как некоторые исследования материальности в первую очередь нацелены на вопрос о том, как взаимодействие между человеческими и нечеловеческими акторами создает социоприродные объекты, в данной статье мы исходим из того, что физические объекты природы существуют или изменяются и в результате взаимодействия с людьми, и независимо от него (ср.: Moon, 2020: 22). С этой точки зрения можно утверждать, что даже те черты природного окружения, которые по большей части существуют независимо от человеческого влияния, воспринимаются избирательно (Hirsch, 1995), посредством различных ощущений или инструментов (ср.: Cosgrove, 2003). Подобная избирательность воздействует на то, как люди используют и формируют образ природы, и в конечном счете влияет на сознание самих людей.

Чтобы понять, как чернозем стал настолько важен для дискурсов инвесторов в сельское хозяйство России и Украины, мы изучили литературу о том, как природные объекты превращаются в природные ресурсы (Richardson, Weszkalnys, 2014), а впоследствии и в финансовые активы (Larder et al., 2017; Li 2014; Ouma, 2016; Visser, 2017). Хотя транснациональные земельные инвесторы, особенно из финансового сектора, считаются все более независимыми, виртуальными и далекими от «реального» хозяйства, однако при инвестировании в землю в иностранном государстве они вынуждены серьезно относиться к материальной природе объекта инвестирования. Во-первых, хотя ресурсы являются во многом результатом деятельности человеческого разума, не следует забывать об ограничениях, которые «неодушевленная» природа устанавливает нашему сознанию и практикам использования этих природных ресурсов (Richardson, Weszkalnys, 2014: 15). Действительно, как утверждают Т. Ричардсон и Г. Вескалнис, «сегодня “превращение” в ресурсы понимается скорее в терминах использования и возможностей, предоставляемых нам материей, это можно охарактеризовать как силу или потенциал материи, которые, в свою очередь, зависят от исторических, социальных и материальных обстоятельств, конституирующих ресурсную материю» (Ibid.) (ср.: Bennett, 2010). Другой важный тезис состоит в том, что природные ресурсы являются «мощной социальной категорией, в которую могут попадать (а также исключаться) и те части нечеловеческого мира, которые люди наделяют ценностями» (Bridge, 2009: 1218). Когда финансовые активы рассматриваются в виде ресурсов, они могут быть пересобраны и перегруппированы (Li, 2014; Visser, 2017). Превращение в ресурсы означает не только приобретение или потерю статуса ресурса, это зачастую более сложный и разнонаправленный процесс (Visser, 2017)⁸. В своей основе создание ресурсов и его продвинутая форма в виде создания активов — есть процесс абстрагирования (Richardson, Weszkalnys, 2014: 13), в том числе разделения и упрощения/редукции как на материальном, так и на концептуальном уровнях. Эти два аспекта — разделение и упрощение — ярко представлены в образах чернозема: ресурс может подвергаться также гомогенизации и стандартизации (Richardson, Weszkalnys, 2014: 3). Сам термин «(сельскохозяйственная) земля» уже является абстракцией (Li, 2014). До того как она стала восприниматься как «земля», она была «грунтом», «почвой», «пастбищем», «сушей» и т.п. (Ibid.)

О. Виссер
Западные агро-
инвесторы в Рос-
сии и Украине:
очарованные поч-
вой — разочарован-
ные климатом

8. Это еще более справедливо в случае создания активов, которые можно рассматривать как более «продвинутой» форму коммодификации, чем создание ресурсов (Visser, 2017).

ТЕОРИЯ

В среде критических аграрных исследований существует обширная академическая литература по земельным инвестициям, опираясь на которую можно проводить широкие сравнения, в особенности с эпохой колониализма и огораживания в Англии (White et al., 2012). К сожалению, эти сравнения на глобальном или макроуровне в большинстве своем были довольно общи, в них отсутствовали серьезные социальные и/или экологические истории земельных инвестиций в конкретные регионы или страны. Недостаток литературы по земельным инвестициям, в которой бы уделялось внимание (1) материальности в форме экологической/биофизической основы и (2) историческим траекториям земельных инвестиций (и соответствующим представлениям), вынуждает обратиться к истории окружающей среды, которая изучает материальность природы и ее влияние на людей, в свою очередь людей на природу, а также восприятие природы людьми (Worster, 1977). В нашей статье мы рассматриваем в основном первый и последний аспекты.

История окружающей среды крайне важна для нашего исследования по целому ряду причин. Черноземный регион стал родиной науки «почвоведение». Более того, работа пионера — и, возможно, отца-основателя почвоведения — Василия Докучаева, основанная на результатах его экспедиции в черноземный регион, также послужила источником для первых экологических историй. Однако в советский и постсоветский периоды исследования сельского хозяйства и земли в данном регионе ставили во главу угла концепции политической экономики, собственности и социальной борьбы. Таким образом изучение масштабных идеологических и политических изменений в регионе маргинализировало роль окружающей среды в социальных исследованиях. Среди редких исключений можно выделить работы Дж. Смита и С. Уиткрофта, в которых природе отводилось более важное аналитическое место (Smith, 2014; Wheatcroft, 1977; см. также: Wheatcroft, Davies, 1994). Кроме упомянутых работ мы опираемся на ключевое исследование чернозема Дэвида Муна, в котором описывается экспансия российского сельского хозяйства в степи черноземного региона в дореволюционный период (Moon, 2013). Впрочем, мы не претендуем на выработку обобщенной истории окружающей среды, в которой бы сопоставлялись и оценивались различные репрезентации, а лишь используем различные исторические и современные суждения о земле, в том числе суждения историков окружающей среды, в качестве объектов анализа для теории представлений/образов о земле.

Черноземная зона: региональные особенности и методология

В статье речь идет о земельных инвестициях в черноземную зону России и Украины. Так как агроэкологические условия в этой зоне

схожи, то имеет смысл ограничить объект исследования природными условиями, нежели границами между странами. Кроме того, благодаря общей истории — как в имперский, так и в советский периоды — эти две страны имеют много схожих черт, так же как и их аграрное развитие в постсоветский период. Несмотря на различия в характере и скорости аграрных реформ и формировании рынка земли, обе страны одновременно столкнулись с появлением иностранных инвесторов, которые аккумулировали значительные земельные площади и объединили хозяйства множества приватизированных колхозов и совхозов в так называемые агрохолдинги (Visser, Spoor, 2011). Наконец, многие инвесторы рассматривали черноземную зону как единый регион для земельных инвестиций (с земельными площадями, пересекающими российско-украинскую границу), по крайней мере до 2014 года, когда между Украиной и Россией разразился конфликт и отношения между двумя странами испортились (Kuns et al., 2016). Агрохолдинги в Украине и в России, как иностранные, так и местные, контролируют огромные земельные площади, доходящие до нескольких сотен тысяч гектаров и двух тысяч работников (Visser et al., 2012; Kuns et al., 2016).

Источниками для нас послужила первичная и вторичная литература, а также полевые данные из разных мест⁹. Глубинные интервью и неформальные беседы с иностранными и местными земельными инвесторами в России и в Украине были проведены с 2013 по 2017 год. Респондентами выступили представители шведских, датских, голландских, немецких, британских и американских компаний, которые приобрели землю в России и/или в Украине. Четыре из этих компаний (три скандинавских и одна немецкая) входили в число 25 крупнейших землевладельцев РФ. Интервью сопровождались посещением предприятий, штаб-квартир и бизнес-встреч в Западной Европе. Также нами проводился анализ русскоязычных и англоязычных документов и веб-сайтов, корпоративных документов котируемых на биржах компаний, деловых СМИ, исторических источников, визуальных современных источников (фотографии и видео). Термин «дискурс инвесторов» включает в себя нарративы инвесторов и менеджеров/директоров управляемых инвесторами сельскохозяйственных предприятий, материалы деловой прессы о земельных инвестициях и соответствующих консультациях и посредниках. Отметим, что правительства Украины и России существенно ускорили земельные инвестиции, используя образы земли, схожие с представлениями самих инвесторов (Visser et al., 2012).

Погружаясь в историю представлений иностранцев о черноземном регионе, можно заметить, что их состав сильно менялся. Соответственно, меняются и источники исследования. Сегодня большинство приезжих составляют иностранные компании, следо-

9. Некоторые интервью и материалы были собраны в ходе совместной работы с Брайаном Кунцем (Kuns et al., 2016).

вательно, источниками служат корпоративные документы и статьи в деловой прессе. В советское время таковыми были иностранные сельскохозяйственные консультанты и ученые, которые посещали этот регион. Знакомство этих гостей с черноземом можно проследить по скудным академическим источникам (Ioffe, Nefedova, 1998; Smith, 2014). В досоветское время «приезжими» можно считать американских ученых, работавших на министерство сельского хозяйства США (в конце XIX — начале XX века), а также российских и западных ученых и путешественников на службе у расширяющейся Российской империи (в XVIII–XIX веках). При анализе досоветского периода мы опираемся на прекрасные истории окружающей среды Муна, а также на первичные (оцифрованные) исторические источники (Moon, 2013, 2020; Tooke, 1800; Johnson, 1843; Carleton, 1900; Dokuchaev, 2017).

Очарование черноземом

«Пойдем на восток» — это название ветки на веб-форуме для немецких фермеров, заполненной яркими комментариями про инвестиции в Россию. «Пойдем, парни, — с воодушевлением написал один фермер в 2012 году, — тающая вечная мерзлота ждет нас... Идем туда и будем сеять до горизонта!» (Winter, 2012). Обширные площади сельхозугодий и доступность заброшенных земель часто отмечались в отчетах западных инвесторов, нацеленных на Восток (Visser et al., 2012). «Нью-Йорк Таймс» писал, что там можно найти «миллионы акров нетронутой, первозданной земли», которая ждет инвестиций (Kramer, 2008). Образ почти бескрайних плодородных полей, которые можно заполучить, захватил воображение западных инвесторов. Возникли и другие образы сельскохозяйственной земли в черноземной зоне, например, что участки там большие, ровные и квадратные. Тем не менее воображение покорило прежде всего сам чернозем. На него особенно обращали внимание в отчетах иностранных инвесторов и новых статьях о земельных инвестициях в черноземный регион, в которых иногда приводились цитаты из Василия Докучаева, родоначальника российского почвоведения XIX века, называвшего чернозем «царем почв» (Dokuchaev, 2017: 343) и утверждавшего, что он «дороже золота» (Dokuchaev, 1994). В корпоративных документах и на веб-сайтах царил восторг, иногда проиллюстрированный фотографиями этой замечательной почвы. Одна шведская инвестиционная компания, Black Earth Farming, даже использовала слово «чернозем» в своем названии. На ее веб-сайте восхвалялись многочисленные качества этой земли, такие как «большая доля гумуса», «значительная глубина слоя» и структура, помогающая удерживать влагу¹⁰. Очарование почвой привело

10. См. сноску 2.

к излишнему вниманию к земле, отделив ее от других важных для земельного инвестирования факторов, впоследствии преуменьшенных или вовсе забытых. Пристальное внимание к земле — и игнорирование других характеристик и более широкого контекста — можно проиллюстрировать на примере действий директора-основателя Black Earth Farming Михаэля Орлова. С целью привлечь инвесторов, он отправился на «гастроли» по европейским финансовым центрам. В качестве реквизита он взял с собой немного чернозема, который он демонстрировал потенциальным инвесторам, призывая их рассмотреть его и потрогать, дабы оценить качество (Visser, 2017; Deutsche Welle, 2008). Это прекрасно иллюстрирует процесс упрощения и абстрагирования, посредством которого из контекста вырывается один аспект ресурса, что представляет собой ключевой шаг в создании актива (Li, 2014; Visser, 2017). Инвесторы, таким образом, начинают использовать подобные представления о земле, которые и низводят «землю» до уровня «почвы».

Долгая история очарования черноземом

Очарование черноземом имеет долгую историю, которая уходит по меньшей мере ко времени экспансии Российской империи в черноземные степи в конце XVII века. Корнелиус Крюйс, голландский морской офицер, служивший Петру I во время завоеваний южных окраин империи в конце XVII — начале XVIII века, отмечал, что там «земля так жирна, что без внесения удобрений местные жители получают урожай вдвое выше, чем земледельцы в других странах» (Cruys, 1824: 286). В XVIII веке, во время путешествия по новым землям, которые сейчас считаются югом России и Украиной, императрица Екатерина II писала: «где бы они ни сеяли, везде изобилие... Эти земли и впрямь райские... здесь, без напряжения природы, без особых забот и затрат есть все, что человеку нужно» (Moon, 2013: 44). Многие иностранцы, посетившие черноземную зону после Крюйса, также отмечали необычайное плодородие почв (Johnson, 1843: 6; Veber, 1795: 169).

В исторических и современных заметках о черноземе часто упоминается его глубина, или толщина, как индикатор необычайного плодородия. Современные иностранные инвесторы, посещавшие черноземный регион, оставались под впечатлением от того, насколько «поразительно глубока» эта почва при ее «чудовищной производительности»¹¹. «Это идеальная земля — глубокая черная земля с невероятно толстым слоем гумуса» (Winter, 2012). Компания Black Earth Farming, которая на своем веб-сайте детально обсуждала многие особенности чернозема, в честь которого и выбра-

11. <https://www.ft.com/intl/cms/s/c/268d74fc-f8ec-11e1-8d92-00144feabdco.html#axzz3mSYeirp2>

ла свое название, особо подчеркивала, что земля, «как правило, очень глубокая, более 1 метра». Когда агроном Black Earth Farming показал на форуме компании фотографии толстого слоя черной почвы, аудитория «застонала от зависти» (Winter, 2012; ср.: Vissier, 2017: 195).

В процессе упрощения, необходимого для превращения природных ресурсов в стандартизованные финансовые активы, глубина почвы выступает ключевым параметром, затмевающим все иные индикаторы (содержание органических веществ, структуру, способность удерживать влагу и т.п.). Так, еще со времен Геродота приезжающие в черноземный регион всегда обращали внимание в первую очередь на «хорошую, глубокую почву» и ее плодородие (Moon, 2013: 44). А в середине XV века Йозефат Барбар утверждал, что в южном черноземном регионе возле дельты Дона местные жители получают урожай 1:100 благодаря плодородной почве (Moon, 2013: 44). В 1767 году сторонник освоения степей Петр Рычков говорил в Оренбурге о русском черноземе, как о «доброй, богатой, мягкой и глубокой черной земле» (Sunderland, 2004: 76); в книге 1795 года о хозяйстве Поволжья автор восхищается глубиной «знаменитой» почвы, которая «состоит в основном из верхнего слоя от 3 до 4 футов¹², но иногда толщина черного слоя доходит до нескольких аршин» (Veber, 1795: 169).

В отчете члена Санкт-Петербургского вольного экономического общества и Императорской Академии наук Вильяма Тука от 1900 года упомянуто, что в некоторых местах чернозем бывает «глубиной до локтя» (Тооке, 1900: 65). На Всемирной парижской выставке 1889 года получившая приз курируемая Докучаевым коллекция российских почв, содержала кубический метр чернозема, наглядно демонстрировавший его глубину, а сам чернозем был назван «стандартом плодородия» (Shevchenko, 2008). В отчете министерства сельского хозяйства США от 1900 года делался вывод, что глубина российского чернозема «в среднем, видимо, несколько больше, чем в наших прериях» (Carleton, 1900: 8). Восхищение невероятной глубиной чернозема подразумевало бесконечное плодородие и легкость ведения сельского хозяйства. Наблюдения досоветских посетителей российского Черноземья о том, что крестьяне не утруждают себя удобрением почвы (Moon, 2013), подтверждают убеждения о столь глубокой почве, на которой без особых усилий можно вести безрысковое сельское хозяйство. Западные наблюдатели были поражены тем, что крестьяне не удобряли навозом поля, а просто наваливали его «огромными кучами» за своими сараями (Johnson, 1843: 6). В 1795 году один из путешественников писал, что чернозем «знаменит тем, что не требует новых удобрений» (Veber, 1795: 169). Даже без удобрений урожаи были настолько обиль-

12. 1 фут равен 30,48 см; старая мера длины, равная 71,12 см.

ны, что крестьяне порой оставляли часть зерна необранным на полях (Moon, 2013: 44).

В целом же удивительно, как с XVII века и по сей день в представлениях о земле множество характеристик чернозема (структура, содержание органических веществ, химический состав, содержание минералов и т.п.) постоянно сводилось к одной — глубине почвы. Видимо, этот индикатор был выбран по двум причинам: во-первых, он простой и легко наблюдаем; во-вторых, кажется очевидной прямая связь между глубиной чернозема и его почти бесконечным плодородием. Кстати, установление подобной связи отмечается и в других черноземных регионах мира¹³.

О. Виссер

Западные агроинвесторы в России и Украине: очарованные почвой — разочарованные климатом

Печальные результаты и игнорирование агроклиматических факторов

В этом разделе мы покажем, что заикленность на глубине почвы не позволила более трезво оценить выгоды и риски ведения сельского хозяйства в черноземном регионе, при этом особо сфокусируемся на климатическом риске как влекущем за собой наибольшие последствия. Первоначально инвесторы не уделяли достаточно внимания климатическим рискам ведения хозяйства в черноземной зоне, а потому оказались не готовы к суровому климату и соответствующим издержкам. Далее мы покажем, что инвесторы могли предвидеть подобные риски, если бы ознакомились с научной литературой. В последнем подразделе мы опишем, как постфактум инвесторы относятся к тому, что вовремя не учли климатические риски.

Как инвесторы оценивали погодные риски

Обратной стороной образа земли, сфокусированного на качестве почвы, стало то, что зарубежные инвесторы уделили недостаточно внимания погоде и агроэкологическим рискам ведения хозяйства в черноземном регионе. Компании признавали, что «неблагоприятные или неожиданные погодные условия» могут представлять «существенный» риск и что вегетационный период в России и в Украине довольно короткий (BEF, 2007: 17; Trigon Agri, 2007: 15). Тем не менее подобные высказывания оказались «слишком общими, шаблонными и/или самоочевидными» (Kuns et al., 2016: 209). При оценке рисков в корпоративных документах (занимаю-

13. Например, У. Кронон пишет, что американским поселенцам глубокая черная почва на Великих Равнинах «казалась почти неиссякаемым источником плодородия» (Cropon, 1991: 98).

ших 10–15 страниц) основное внимание уделялось политическим рискам, а климату отводился маленький параграф, причем о специфических погодных наблюдениях не было сказано вообще ничего (Kuns et al., 2016). В компании Trigon Agri (2007: 30) даже утверждали, что «черноземный регион менее подвержен экстремальным погодным условиям», нежели Западная Европа и США (см. также: Kuns et al., 2016). Западный менеджер украинского предприятия заявлял о «рае для фермера, (идеальном) климате... и феноменальной продуктивности земли». Климатические изменения также не занимали существенного места в оценке рисков иностранными инвесторами, так как многие ученые и политики предполагали, что изменения климата будут скорее выгодны российскому сельскому хозяйству.

Неудовлетворительные результаты

Несмотря на огромный потенциал чернозема, отмечавшийся многими, результаты сельскохозяйственной деятельности зарубежных инвесторов в России и в Украине часто оказывались разочаровывающими (Kuns et al., 2016; Visser, 2017). Например, три крупных иностранных компании, чьи акции котировались на биржах, в течение многих лет терпели убытки, и в результате они стремительно упали в цене. Две компании были даже вынуждены уйти с биржи и распродать свои земельные владения, а третья (ранее называлась Trigon Agri, а теперь Agromino) продала свои земли в России¹⁴. Можно отметить ряд причин такого безрадостного положения дел: слабая транспортная и складская инфраструктура (особенно в России), коррупция, избыточная бюрократия (Winter, 2012), негативные экономические эффекты быстро растущих и управляемых финансовым капиталом крупных предприятий (Kuns et al., 2016), низкая оплата труда и мотивация работников, геополитические трения, возникшие после конфликта между Россией и Украиной в 2014 году. Данные политические и социально-экономические обстоятельства были неплохо отражены в литературе, однако практически никакого внимания не уделялось тому, каким образом на отдачу от инвестиций повлияли представления инвесторов о земле, особенно игнорирование сурового климата, который постоянно доставлял неприятности местному сельскому хозяйству.

14. Прямой причиной этого стал геополитический конфликт между Россией и Украиной в 2014 г., однако более фундаментальным фактором все же были длительные экономические проблемы, вызванные недооценкой климата.

Хорошо известно, что советское (и досоветское) сельское хозяйство испытывало ряд проблем, а урожаи сильно колебались от года к году. Причины этого все еще обсуждаются, особенно в связи с ролью советского государства в усилении и игнорировании последствий, или даже создании неурожая и голода в сталинский период. Если мало кто сомневается в существенной роли изменчивой погоды (Wheatcroft, 1977; Wheatcroft, Davies, 1994; Ioffe, Nefedova, 2004; Smith, 2014), то по поводу ее значимости в сравнении с другими факторами ведутся споры. Для нас более важно то, что центральная часть бывшего Советского Союза (сейчас это черноземный регион России и Украины) характеризуется более суровым климатом и изменчивой погодой в сравнении с другими сельскохозяйственными районами в мире. Очевидно, что при сопоставлении с Западной Европой климат в черноземной зоне России и Украины более суров, зимы холоднее и длиннее, а вегетационный период короче (Dronin, Bellinger, 2005: 228). Г. Иоффе и Т. Нефедова отмечают, что «в Курске (52 градуса северной широты), расположенном в середине черноземного пояса России, более холодные зимы, чем в Финляндии в Хельсинки (61 градус северной широты)» (Ioffe, Nefedova, 2004: 47). Континентальный климат североамериканских прерий, казалось бы, более схож с черноземным поясом России и Украины, однако многочисленные исследования, начиная с начала XX века и по сей день, показывают, что на деле климат в российском Черноземье оказывается более суровым, чем даже в США (Carleton, 1900; Field, 1968; Wheatcroft, 1977; Ioffe, Nefedova, 2004; Dronin, Bellinger, 2005).

Начиная с конца XIX века все больше американских ученых, путешествовавших в Россию, в том числе по заданию министерства сельского хозяйства США, помимо множества сходств с американскими Великими равнинами отмечали более суровые климатические условия в России (Moon, 2020: 95-96, 112). Наиболее детальные наблюдения можно найти у М. Карлетона (Carleton, 1900; см. также: Moon, 2020). Он утверждал, что такие сходства, как крайне неравномерное выпадение осадков в течение года, «избыточная жара в середине лета и очень холодные зимы», относительно небольшой снежный покров (что ведет к недостатку влаги весной), «сильнее выражены в зерновом поясе России (почти совпадающем с черноземным поясом. — О. В.), нежели в США» (Carleton, 1900: 9). А именно: «снега здесь меньше, чем на Великих равнинах. Дождевых осадков существенно меньше, а колебания температур много выше (Ibid.).

В Самаре, важном зернопроизводящем регионе в восточной, более засушливой, части российского Черноземья, среднегодовые осадки составляли 396,4 мм, тогда как в Бисмарке в Северной Дакоте, который и так считается крайне засушливым местом для вы-

О. Виссер

Западные агроинвесторы в России и Украине: очарованные почвой — разочарованные климатом

ращивания пшеницы, среднегодовые осадки составили 482,6 мм (Ibid.). Экстремальные температуры также оказались немного выше в Самаре, где в июле средняя температура была на 1,1 градуса выше, чем в Бисмарке, при среднегодовой температуре на 0,4 градуса ниже (Ibid.: 9-10).

В работе Н. Филда по советскому периоду представлено редкое сравнение агроклиматических условий в СССР и США (Field, 1968). На основании анализа длины вегетационного периода и отношения осадков и испарений он пришел к выводу, что около 80% пахотных земель в Советском Союзе относятся к наименее благоприятной термальной зоне (Field, 1968: 9). Согласно Филду (Field, 1968: 8), климат в Ростовской области, одном из главных сельскохозяйственных регионов России, расположенных на юге черноземной зоны, эквивалентен Южной Дакоте, занимающей маргинальное положение в сельском хозяйстве США (Ioffe, Nefedova, 2004: 47). В постсоветское время Иоффе и Нефедова (Ioffe, Nefedova, 2004: 48) воспроизвели методологию Филда на улучшенных данных и пришли к тем же выводам, а Н. Дронин и Е. Беллинджер также указывали на более суровый климат в России (Dronin, Bellinger, 2005: 8). Помимо более экстремального климата, что выражено в годовых температурах и осадках, погода в России более изменчива от года к году. С. Уиткрофт, долгие годы занимавшийся исследованиями советского сельского хозяйства и влияния на него погодных условий, делает следующий вывод: «Вследствие целого ряда метеорологических факторов погода в СССР, и в особенности в главных сельскохозяйственных зонах, гораздо более изменчива, чем в других сельскохозяйственных регионах. Степень изменчивости среднегодовых температур и уровней осадков все еще существенная, даже если сгладить их с помощью пятилетней скользящей средней» (Wheatcroft, 1977: 3).

Изменчивость погоды происходит из «комбинации выраженного континентального климата и случайных сезонных циклонов» (Ibid.), порождающих «сухие горячие восточные ветра», которые дуют «из Центральной Азии через Поволжье, Северный Кавказ и Украину» (Ibid.). Эти горячие ветра из пустынь повышают температуру и затрудняют дожди, приводя к серьезным засухам по всему черноземному региону.

Иностранные компании борются с климатом

Когда иностранные компании зашли в черноземный регион, они почти не обратили серьезного внимания на историю неустойчивых урожаев и роль в этом сурового и изменчивого климата, а лишь иногда указывали на неправильное управление и неэффективность в советском сельском хозяйстве. Содержание корпоративных документов таково, как если бы не существовало никакой истории ведения сельского хозяйства в регионе (Kuns et al., 2016). Однако как

только компании начали свою деятельность, они быстро столкнулись с теми же климатическими проблемами, что и советские предприятия. Долгие зимы приводят к коротким «окнам» для сельскохозяйственных работ, вроде посева, внесения удобрений и сбора урожая (по мере того как погода быстро меняется в течение короткого вегетационного периода). Превозносимый чернозем становится непреодолимой преградой, когда тающий снег превращает его в грязь. Вот как это описывает иностранный менеджер предприятия на юге России: «Большая часть удобрений вносится в снег или на мерзлую почву... Только в это время можно ездить; как только снег растает, поля станут непроходимыми на несколько недель! К тому времени, когда ездить станет можно, будет уже поздно вносить азот, иначе станет слишком сухо, чтобы от него была какая-то польза!» (Jewer, 2013).

В отчете Trigon Agri (Agrimoney.com, 2015) суммируются все погодные угрозы, с которыми столкнулась эта скандинавская компания только за один год: наводнения в июле («задержали и навредили» раннему сбору урожая, за ними последовала «сухая и крайне жаркая» погода с августа по середину октября, когда не было «ни одного нормального дождя за три месяца»). Наконец, в ноябре случился «нехарактерный для этого сезона мороз», повлиявший на поздний сбор урожая и на подготовку к следующему году. Инвесторы, с которыми мы проводили интервью, признали, что сильно переоценили важность плодородия почвы для достижения хороших сельскохозяйственных результатов и прибылей (Kuns et al., 2016). Один из них заявил, что его компания, как и другие западные, «опирались на чересчур упрощенный взгляд» (Visser, 2017: 195). С течением времени, терпя убытки, инвесторы поняли, что погодные условия, особенно дожди, более важны, чем они первоначально считали. Как мне в интервью сказал один инвестор: «У вас может быть лучшая почва в мире, но если температура подсакивает выше 35 градусов, а температура почвы доходит до 60 градусов, тогда у вас не будет дождей 4–5 недель подряд, а это убьет ваш урожай» (Visser, 2017: 196).

Итак, сельскохозяйственные образы, заикленные на почве и в особенности на ее глубине — хороший пример разделения, упрощения и абстрагирования, что является частью процесса превращения земли в ресурс и актив — оказались слишком поверхностными. Инвесторы использовали образы, которым не хватало «глубины» с точки зрения знания региональных агроклиматических условий и истории сельского хозяйства. В тех редких случаях, когда инвесторы учитывали, например, осадки, они использовали стандартные показатели вроде среднегодового уровня осадков в области, что не отражает огромных региональных и сезонных различий. В результате созданные активы базировались на шатком фундаменте. Как только сельскохозяйственные предприятия и их акционеры, столкнувшись с постоянными засухами, поняли,

что плодородие почвы оказалось слабым критерием успешности для получения хороших урожаев и высокой прибыли, земля как финансовый актив серьезно потеряла в доверии, что выразилось в падении цен на акции и ликвидности землевладений (Kuns et al., 2017; Visser, 2017).

Почему представления о земле не учитывают климат?

Многовековое игнорирование климата в представлениях о черноземе вызывает вопрос: как такое могло случиться? Данный вопрос также открывает путь к более широким, нежели только чернозем, и более теоретическим размышлениям об игнорировании климата в образах земли. Редкие исследования, где затрагивается этот вопрос (и то мимоходом), подсказывают, что умаление значимости климатических условий в представлениях инвесторов о земле не относится исключительно к черноземному региону. Например, в ходе колонизации Великих равнин в США фермеры часто недооценивали риски засух (Worster, 1979; Rees, 2004). В Австралии, известной своим тяжелым климатом, ряд инвестиционных проектов и крупных инвесторов потерпели неудачу, так как недооценивались климатические риски (Magnan, 2015). Следуя за утверждением Ф. Ойкоттера и У. Любкена, что «игнорирование окружающей среды имеет множество сторон и причин» (Uekotter, Lubken, 2014: 3), в данном разделе мы попытаемся раскрыть их на примере представлений о земле. Мы предлагаем остановиться на поиске ответов на следующие вопросы: Является ли такое игнорирование в образах земли «нормальным» результатом избирательности, присущей процессу создания ресурсов? Или это имеет отношение только к созданию ресурсов на фронтах? Существуют ли иные исторические или материальные аспекты ресурса, которые могут объяснить устойчивое игнорирование климатических рисков, как в случае с черноземом?

Создание ресурсов и игнорирование климата

Подготовка объектов природы к эксплуатации и/или инвестированию включает в себя процесс отбора и упрощения (Li, 2014; Richardson, Weszkalnys, 2014; Visser, 2017). Не все аспекты природного объекта в одинаковой степени подходят для этого с точки зрения бизнеса, поэтому выделяются определенные из них, а другие удаляются в лучшем случае поверхностного внимания, а то и вовсе игнорируются. Однако именно климат оказывается очень важным с точки зрения успеха либо провала сельскохозяйственного предприятия, так что общий процесс упрощения, являющийся частью создания ресурсов, не может объяснить его игнорирования.

Более того, поскольку его игнорирование было столь устойчивым на протяжении веков даже перед лицом накапливающихся фактов, следует принять во внимание какие-то дополнительные факторы/силы.

Фронтиры игнорирования климата

В литературе по ресурсным фронтам можно найти дополнительное объяснение более известных случаев игнорирования климата. В ситуации фронта, когда новый ресурс или новый регион становится объектом ресурсной эксплуатации, знания инвесторов об этом ресурсе или местности «почти всегда скудны» (Uekotter, Lubken, 2014: 4). Кроме того, с фронтами обычно связывается идея о преимуществах первопроходца, что ведет к поспешным решениям инвесторов, основанным на крайне ограниченных доступных знаниях (Li, 2014: 595). В досоветское (и до определенной степени в постсоветское) время черноземный регион можно считать ресурсным фронтиром, так как имперская колонизация степей в XVII–XVIII веках вытеснила кочевое животноводство за счет оседлого земледелия¹⁵. В XIX — начале XX века распространение железных дорог и превращение черноземной зоны в мирового экспортера пшеницы означали интенсификацию ресурсного фронта. Уже до установления советской власти в 1917 году практически все Черноземье России и Украины было распаханно (Ioffe, Nefedova, 1998). В постсоветский период идея о черноземной зоне как о ресурсном фронтире для международных сельскохозяйственных инвестиций вновь появилась в популярных и академических публикациях (Kramer, 2008; Visser et al., 2012; Winter, 2012). Она подкреплялась доступностью обширных площадей предположительно «чистой, нетронутой» земли (Kramer, 2008), которая оказалась заброшенной во время глубокого кризиса 1990-х годов (Visser et al., 2012), а также быстрым возвращением продукции регионального сельского хозяйства на мировые рынки.

В досоветские времена новичкам фронта не хватало информации о его агроклиматических условиях, так как ведение сельского хозяйства в Черноземье продолжалось недолго, и знания о почве и климате были все еще в зачаточном состоянии¹⁶. Климат игнорировался в существенной степени из-за нехватки информации о нем. Во время земельной лихорадки 2000-х годов уже имелись богатые научные знания об агроклиматических факторах и инструменты для измерения агроклиматических условий (сен-

15. Сюда же можно отнести и часть XIX века.

16. Тем не менее почвоведение постепенно зарождалось, особенно в России (Moon, 2013, 2020).

соры влажности, данные погодных станций и т.п.). Однако такое (современное) знание не сильно повлияло на земельных инвесторов, поскольку ими руководило типичное фронтирное мышление: быстрое накопление как можно большего количества дешевого ресурса (земли), пока цены не выросли. Исполнительный директор одной скандинавской компании жаловался, что его совет не покупать крупное сельскохозяйственное предприятие из-за неблагоприятных агроклиматических характеристик его расположения был проигнорирован советом директоров, у которых преобладало стремление купить как можно больше черноземных площадей (Kuns et al., 2016). Стратегия, ориентированная на лихорадочную скупку земель, фактически без учета агроклиматических обстоятельств, объяснялась, в частности, тем, что высший менеджмент крупных сельскохозяйственных компаний зачастую состоял из выходцев из финансовой сферы, сектора недвижимости и т.п., а вовсе не из агробизнеса¹⁷. Ни в одной из трех скандинавских компаний, чьи акции обращались на фондовых рынках, в совете директоров в течение первых лет работы в России и в Украине не было никого с сельскохозяйственным опытом (Kuns et al., 2016).

Представители иностранных компаний, конечно, знали кое-что про климатические риски, но полагали, что их можно сгладить. Они хотели справиться с погодой и рисками изменения климата с помощью так называемого «погодного хеджирования», т. е. такого географического распределения земельных площадей, чтобы неблагоприятная погода в одном регионе (например, засуха или град) компенсировалась более благоприятной погодой в другом (Trigon Agri, 2011: 7). Иными словами, что им не нужно будет сильно волноваться по поводу местных агроэкологических особенностей, поскольку природные риски выравниваются в масштабе географически распределенных землевладений. Однако предположения, что климат в черноземной зоне является довольно мягким, предсказуемым, что он разнообразен внутри региона, и это позволит применить погодное хеджирование, противоречили научным данным. Как мы писали выше, многочисленные исследования с начала XIX века говорили о высоком риске засухи в данном регионе и убедительно показывали, что климат здесь значительно суровее, чем в сельскохозяйственных районах США. Например, Уиткрофт доказал, что большинство засух накрывали черноземный пояс почти целиком, на протяжении тысяч километров от Западной Украины до европейской части России, подрывая тем самым удобную версию о погодном хеджировании (Wheatcroft, 1977). Однако более сба-

17. Научно обоснованные действия также могут быть неоднозначными. Например, Дэвис показал, как неверные идеи французских ученых об обезлесении и опустынивании Северной Африки ввели в заблуждение колониальные аграрные проекты (Davis, 2007).

лансированным оценкам, учитывающим знания о климате, мешали не только поспешные, типичные для ресурсных фронтиров, решения компаний. Как мы покажем ниже, оплошности инвесторов проистекали из гораздо более широкого и устойчивого в западной науке и политическом консультировании о постсоветском сельском хозяйстве игнорирования климата.

Идеология и игнорирование климата

Игнорирование инвесторами множества научных данных и исторического опыта по поводу климата в черноземной зоне стоит рассмотреть в более широком контексте длительного игнорирования подобного знания в рамках западных обществ, как политических консультантов, так и ученых. Множество факторов повлияло на то, что инвесторы упустили климат из виду.

Во-первых, озабоченность идеологией привела к забвению исследований климата, что мешало выносить беспристрастные оценки, предвзятые суждения были характерны как для академических, так и для политических исследований, а также для инвесторов. В западной литературе провалы советского сельского хозяйства часто объясняли только политическими факторами (неэффективностью командной экономики, слабой трудовой мотивацией в колхозах и т.п.), тогда как фактор климата объявлялся простой отговоркой советского режима (Ioffe, Nefedova, 2004: 47; Smith, 2014). Здесь мы имеем дело с пассивным «созданием» незнания (незнания как «селективного выбора» или как «потерянной области» в терминах Р. Проктора (Proctor, 2008: 4)). Досоветские исследования, как, например, работа Карлетона и других, были забыты, а новые исследования климатических факторов оказались практически неизвестны в советский период (за исключением работы Филда (Field, 1968)). Сама советская власть твердо верила в инженерию и поэтому не терпела, когда председатели колхозов ссылались на климат в качестве оправдания неудач (Dronin, Bellinger, 2005). Как отмечал Дж. Смит: «Крайне важно, что советское государство не видело своей главной угрозы, которая была природной, а не культурной. Оно считало советское село социально отсталым, и чтобы стать современным, нуждающимся в наведении порядка и дисциплине» (Smith, 2014: 61).

Однако сельское хозяйство «управлялось суровой реальностью природы в гораздо большей степени, нежели отсталым социальным мышлением или революционным политическим духом» (Ibid.). В целом же, несмотря на наличие значительного корпуса литературы о климатических рисках в черноземном регионе, она была по большей части забыта по причине того, что Проктор называл незнанием в форме «селективного отбора» или «пассивного конструктора» (Proctor, 2008: 6).

Во-вторых, главенствующий дискурс, который описывал неудачи советского сельского хозяйства исключительно политическими причинами, хорошо подходил для восприятия иностранными земельными инвесторами, поскольку помогал создавать в будущем многообещающий образ российского сельского хозяйства, свободного от социалистической бюрократии. Наблюдения инвесторов о большом количестве заброшенных земель (AlpcotAgro, 2008) также повлияли на представления о том, что в российском сельском хозяйстве все можно начать с чистого листа. Идеология переселенцев/колонизаторов обычно негативно оценивает то, как взаимодействуют с природой аборигены, и это часто приводит к игнорированию ими погодных рисков. Например, американские переселенцы считали применяемые индейцами способы борьбы с засухой примитивными и неадекватными (Moon, 2020), французские колониальные плантации в Северной Африке в свое время жестоко пострадали от поверхностных представлений, согласно которым засушливые земли образовались не в результате климатических условий, а из-за выпаса скота и вырубки лесов местным населением (Davis, 2007).

Сознательное климатическое невежество?

Возникает вопрос, насколько земельные компании и брокеры были в курсе климатических рисков, продолжали ли они их сознательно умалывать или вовсе игнорировать, или даже шли на фальсификацию информации, в результате чего незнание уже выступало в форме «активного конструкта» и «стратегической хитрости» (Proctor, 2008: 8). Исследования Великих равнин в США дают множество примеров активного придерживания неблагоприятной информации о земле, или даже сознательного создания ложной, излишне оптимистичной картины со стороны американских инвесторов, замалчивающих климатические риски. Например, в 1844 году Джошуа Грегг распространил слух, что усиленная обработка земли может увеличить количество осадков (Rees, 2004: 82; Uekotter, Lubken, 2014: 5). Эта «теория» была сперва взята на вооружение неким ученым и множеством фермеров, стекавшихся на западный фронт. Знания, которые опровергали подобные истории, утаивались. Член американского геологического общества, активно опровергавший подобные мнения, недооценивающие климатические риски, был вынужден покинуть свой пост (Rees, 2004: 83-84). Изучение корпоративной документации и глубинные интервью с инвесторами в российские сельскохозяйственные земли не выявили признаков сознательного замалчивания климатических рисков, следовательно, незнание в данном случае можно считать прежде всего «пассивным конструктом» (Proctor, 2008: 6), покоящимся на фундаменте дли-

тельной истории пассивного незнания в науке и политике эпохи холодной войны.

О. Виссер

Западные агроинвесторы в России и Украине: очарованные почвой — разочарованные климатом

Чувства, знания и игнорирование климата

Трудности в правильном восприятии климата способствовали тому, что идеология смогла относительно легко превратить большой корпус литературы по климату в черноземном регионе в «потерянную область» (Proctor, 2008: 4). Одновременное очарование почвой и игнорирование климата также оказалось результатом различий в способности собрать воедино знания по этим двум вопросам. Здесь будет интересно напомнить описание Д. Керансом того, как предполагаемые путешественники в Тамбовскую губернию XIX века могли бы воспринять эту сельскую местность: «Если путешественники никогда прежде здесь не были, то почва под травой, скорее всего, обратила бы на себя их внимание. Везде, где земля обнажалась под недавней вспашкой, ее темно-коричневый оттенок, иногда почти черный, выдавал плодородность земли. Пройдя далеко на юг или восток, путешественник заметил бы, что источники воды оскудели. Если бы он по пути расспросил местных, то узнал бы, что дожди тут идут не так исправно. Дальше на юго-восток монотонность ландшафта сопровождается непредсказуемостью осадков. Качество почвы там остается непревзойденным, но угроза засухи навсегда бы осталась в крестьянском сознании» (Kerans, 2001: 28).

Данное описание дает представление о важном различии в наших способностях при оценке почвы или климата. Качество почвы, особенно открытой, можно оценить визуально. Напротив, число дождей (и риск засухи) нужно оценивать косвенным образом, внимательно наблюдая за уменьшающимися источниками воды и расспрашивая местных крестьян. Более того, относительный недостаток чего-либо, например, дождей, труднее заметить, нежели постоянное присутствие чего-либо вроде почвы, многочисленные параметры которой (например, цвет, глубину и структуру) можно оценить в любое время. Зрение оказывается основным средством восприятия ландшафтов, да и мира в целом, особенно в европейском (включая российское) обществе, где знания преобладают над эмоциями. «Существует сильная связь, формировавшаяся более 500 лет, между современным восприятием ландшафта <...> и использованием зрения в качестве главного средства установления соответствия между пространством и человеческими нуждами» (Cosgrove, 2003: 249). Через картины, а позднее фотографии визуальные наблюдения становились более понятными средствами коммуникации, нежели информация, собранная в виде запаха или вкуса, таким образом, они быстро превращались в приемлемое знание. Как мы упомянули выше, компании, работающие

в черноземном регионе, использовали визуальные образы чернозема как напоминание о благоприятных условиях ведения в нем хозяйствования.

Кроме зрения почву можно потрогать или понюхать, что дает еще больше информации о ее структуре. Прикосновение, запах и даже вкус рождают эмоции сопричастия, что усиливает положительные связи с почвой. Иоффе и Нефедова описывают, как западных ученых, посещавших Советский Союз, просили выйти из автобусов, чтобы потрогать чернозем, они «растирали жирные сырые комки почвы в руках», впечатленные ее плодородием (Ioffe, Nefedova, 1998: 196). Оценивать климат значительно труднее, ведь погода не являет себя в относительно неизменном виде, подобно почве, которую легко увидеть, запечатлеть и передать в виде изображения. Погода может меняться ежедневно, и для обнаружения погодных закономерностей (климата) нужен целый набор менее очевидных индикаторов, измеряемых с помощью разнообразных приборов. Подобное разнообразие оказывается значительным препятствием для оценки климата, особенно когда климат крайне изменчив по годам или сильно варьирует хотя бы по десятилетиям¹⁸. Так, в течение всего периода с 1878 по 1887 год на всей территории Великих равнин к западу от 98-го меридиана шли необычайно обильные дожди (Rees, 2004: 84). Крайне нетипичные осадки привлекли в эту область множество фермеров, которые поверили, что таков климат в этом районе, оптимистично предполагая, что недавно построенные железные дороги, линии электропередач или интенсивная вспашка усиливают дожди. В России от года к году климат еще более изменчив (Dronin, Bellinger, 2005: 5-6). Уиткрофт и Дэвис полагают, что рост сельскохозяйственного производства в России начала XX века, который многие связывают с политическими решениями (например, со столыпинскими земельными реформами), на деле был вызван длительным периодом крайне благоприятных погодных условий (Wheatcroft, Davies, 1994: 45). Трудности в сельском хозяйстве 1920–1930-х годов, которые, безусловно, явились в том числе результатом непродуманной политики, были в значительной степени следствием нескольких последовавших одна за другой засух (Wheatcroft, 1977). Таким образом, погодная изменчивость в целом, а также резкие перемены климата по годам или десятилетиям, могут легко ввести в заблуждение даже ученых, обладающих обширными данными, не говоря уже о приезжих, которые вынуждены оценивать ситуацию на месте, основываясь на собственных ощущениях.

18. И это без учета антропогенного воздействия.

Использованный нами подход к земельным инвестициям и трансформациям с точки зрения анализа истории окружающей среды позволяет сделать выводы о поразительной устойчивости представлений о земле, даже когда их материальные основы довольно шаткие. Очарование земель, в особенности глубиной ее плодородного слоя, со стороны инвесторов имеет многовековую историю. Это приводит зачастую к умалению или игнорированию других факторов, особенно климатических рисков, что серьезно отражается на жизнеспособности сельскохозяйственных предприятий. Исследование образов земли и деятельности инвесторов в черноземном регионе, а также сходных тенденций в других частях света, приводит к выводу, что историческое измерение восприятия земли заслуживает большего внимания. Особенно удивляет частое и вредное игнорирование или недооценка климата.

Неисследованная история окружающей среды, о которой также шла речь в статье, требует уделять больше внимания истории земельных инвестиций (Edelman, Leon, 2013; Ouma, 2016). Несмотря на всю изощренность современных транснациональных земельных инвесторов, опирающихся на образы земли, их ошибкой оказывается все то же недопонимание агроклиматического контекста сельскохозяйственных земель, что и их исторических предшественников. Избирательность и упрощение при создании ресурсов в целом, а также на фронтах в частности; трудности при оценке климата, особенно при его значительной изменчивости, когда часто приходится полагаться на собственные органы чувств; распространенные идеологически предвзятые оценки, приведшие к забвению научных данных советской поры, — все эти факторы и привели к поразительному игнорированию климатических рисков со стороны современных инвесторов в черноземный регион.

«Слепые пятна» в образах земли, используемых инвесторами, воспроизводятся в академических исследованиях по земельным инвестициям и трансформациям по всему миру. Если таким характеристикам земли, как права собственности и территории расположения, уделено много внимания, то климатические условия остаются второстепенной темой. Безусловно, изменения климата как глобальная проблема, присутствует во многих работах, но когда климат рассматривается как более постоянное и сколько-нибудь предсказуемое условие, он перестает быть аналитической категорией. Видимо, климат и впредь будет сдвигаться на обочину человеческого внимания, пока не проявит себя в форме неожиданных, резких и «аномальных» изменений. Это напоминает утверждение Е. Хирша, что ландшафт и природа воспринимаются в лучшем случае как фон для других вещей, как область возможного, место иного, нежели настоящая, фактическая реальность (Hirsch, 1995). Понятие «представления о земле», в купе с историческим подходом и иссле-

О. Виссер

Западные агроинвесторы в России и Украине: очарованные почвой — разочарованные климатом

дованием незнания (Proctor, 2008), может помочь направить наш взгляд на избирательность, незнание и неявную природу человеческих восприятий и репрезентаций при изучении земельных трансформаций и климата, а также их огромного социально-экономического и экологического значения.

Пер. с англ. А. А. Куракина

Western agricultural investors in Russia and Ukraine: From fascination with soil to disappointment with climate

Oane Visser, Senior Researcher, International Institute of Social Studies (ISS), The Hague, of Erasmus University Rotterdam, The Netherlands The Hague, Kortenaerkade 12, 2518 AX. E-mail: visser@iss.nl

Abstract. This article looks at how imaginaries of land and climate play a role in farmland investment discourses and practices. Foreign farmland investors in the fertile black earth region of Russia and Ukraine have 'celebrated' soil fertility while largely ignoring climatic factors. The article shows a centuries-long history of outsiders coming to the region lured by the fertile soils, while grossly underestimating climate which has had disastrous implications for farm viability and the environment. Comparisons with historical and contemporary literature on other regions (e.g. the US prairies and North Africa) suggest that the underestimation of climatic risks by newcomers is remarkably prevalent in resource frontiers.

Key words: land imaginaries, ignorance, soil, farmland investment, climate

References

- Agrimoney.com. (2015). Trigon Agri counts cost of Ukraine drought. Russia land deal. Agrimoney.com. <https://www.agrimoney.com/news/trigon-agri-counts-cost-of-ukraine-drought-russia-landdeal9056.html>. Accessed November 30 2015.
- AlpcotAgro (2008) Annual report 2007, Stockholm. <https://www.agrokultura.com/financial%2520report.aspx>. Accessed January 15 2014.
- BEF (Black Earth Farming). (2007) Invitation to subscribe for depository receipts in Black Earth Farming LTD, Stockholm. https://files.shareholder.com/downloads/ABEA-4N3094/3863033178xox518759/CFB7FA53-345F-4F98-AD65-ACA361379E5F/BEF_Int_Prospectus_Non_US.pdf. Accessed December 15 2014.
- Bennett J. (2010) *Vibrant matter: A political ecology of things*, Durham: Duke University Press.
- Bridge G. (2009) Material worlds: Natural resources, resource geography and the material economy. *Geography Compass*, vol. 3, no 3, pp. 1217–1244.
- Carleton M. A. (1900) Russian cereals. Adapted for cultivation in the United States. *USDA division of botany*, bulletin 23, Washington: Government Printing Office.
- Cosgrove D. (2003) Landscape and the European sense of sight-eyeing nature. *Handbook of cultural geography*, ed. K. Anderson, M. Domosh, S. Pile, and N. Thrift, London: Sage, pp. 249–268.
- Cronon W. (1991) *Nature's metropolis. Chicago and the Great West*, New York: W. W. Norton and Company.
- Cruys C. (1824) 'O nravakh i obyknovenyakh Donskikh Kazakov, v kontse XVII veka' [About mores and customs of Don Cossacks in the end of 17th century]. *Severnaya arkhiv*, vol. 11, pp. 283–296.

- Davis D. K. (2007) *Resurrecting the granary of Rome: Environmental history and French colonial expansion in North Africa*, Athens, OH: Ohio University Press.
- Davis D. K. (2011) Imperialism, orientalism, and the environment in the Middle East. *Environmental imaginaries of the Middle East and North Africa*, ed. D. K. Davis and E. Burke III, Athens, Ohio: Ohio University Press, pp.1–22.
- Deutsche W. (2008) Made in Germany: German farmers discover the Ukraine. *Deutsche Welle-TV*. <https://www.youtube.com/watch?v=TQIQQxxFHg4>. Accessed August 15 2016.
- Dokuchaev V. V. (1994) *Dorozhe zolota Russkii chernozem* [Russian black earth values more than gold], Moscow: MGU Press.
- Dokuchaev V. V. (2017) *Lektsii o pochvovedenii. Izbrannye trudi* [Lectures on soil science. Selected works], Moscow: Yurait. Dronin,
- Dronin N. M., Bellingier E. G. (2005) *Climate dependence and food problems in Russia 1900–1990: The interaction of climate and agricultural policy and their effect on food problems*, Budapest, New York: CEU University Press.
- Edelman M., León A. (2013) Cycles of land grabbing in Central America: An argument for history and a case study in the Bajo Aguán, Honduras. *Third World Quarterly*, vol. 34, no 9, pp. 1697–1722.
- Field N. C. (1968) Environmental quality and land productivity: A comparison of the agricultural land base of the USSR and North America. *Canadian Geographer*, vol. 7, no 1, pp. 1–14.
- Goldstein J. E. (2016) Knowing the subterranean: Land grabbing, oil palm, and divergent expertise in Indonesia's peat soil. *Environment and Planning A*, vol. 48, no 4, pp. 754–770.
- Hirsch E. (1995) Introduction: Landscape-between place and space. *The anthropology of landscape: Perspectives on place and space*, ed. E. Hirsch and M. O'Hanlon, Oxford: Oxford University Press, pp. 1–30.
- Ioffe G., Nefedova T. (1998) *Continuity and change in rural Russia. A geographical perspective*, Boulder: Westview Press.
- Ioffe G., Nefedova T. (2004) Marginal farmland in European Russia. *Eurasian Geography and Economics*, vol. 45, no 1, pp. 45–59.
- Jasanoff S. (2015) *Imagined and invented worlds. In Dreamscapes of modernity: Sociotechnical imaginaries and the fabrication of power*, ed. S. Jasanoff and S.-H. Kim, Chicago: University of Chicago Press, pp. 321–341.
- Jewer R. (2013) Farming in Russia. *Farmers weekly*. <https://www.fwi.co.uk/machinery/farming-in-russia.htm>. Accessed May 2016.
- Johnson C. (1843) The manures adapted for different soils. *The British Farmer's Magazine*, vol. 7, no 25, pp. 5–25.
- Kerans D. (2001) *Mind and labor on the farm in Black-Earth Russia, 1861–1914*, Budapest, New York: CEU Press.
- Kramer A. E. (2008) Russia's collective farms: Hot capitalist property. *New York Times*. 30 August. http://www.nytimes.com/2008/08/31/business/world-business/31food.html?pagewanted=print&_r=0. Accessed 10 Oct 2020.
- Kuns B., Visser O., Wästfelt A. (2016) The stock market and the steppe: The challenges faced by stock-market financed, Nordic farming ventures in Russia and Ukraine. *Journal of Rural Studies*, no 45, pp. 199–217.
- Larder N., Sippel S. R., Argent N. (2017) The redefined role of finance in Australian agriculture. *Australian Geographer*, vol. 49, no 3, pp. 397–418.
- Li T. M. (2014) What is land? Assembling a resource for global investment. *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 39, no 4, pp. 589–602.
- Magnan A. (2015) The financialisation of agri-food in Canada and Australia: Corporate farmland and farm ownership in the grain and oilseed sector. *Journal of Rural Studies*, no 41, pp. 1–12.
- Moon D. (2013) *The plough that broke the steppes. Agriculture and environment on Russia's grasslands, 1700–1914*, Oxford: Oxford University Press.

- Moon D. (2020) *The American steppes. The unexpected Russian roots of Great Plains agriculture, 1870s–1930s*, Oxford: Cambridge University Press.
- Ouma S. (2016) From financialization to operations of capital: Historicizing and disentangling the finance-farmland-nexus. *Geoforum*, no 72, pp. 82–93.
- Proctor R. N. (2008) Agnotology: A missing term to describe the cultural production of ignorance (and its study). *Agnotology: The making and unmaking of ignorance*, ed. R. N. Proctor and L. Schiebinger, Redwood City, CA: Stanford University Press, pp. 1–36.
- Rees A. (2004) *The Great Plains region*, Westport, London: Greenwood Press.
- Richardson T., Weszkalnys G. (2014) Introduction: Resource materialities. *Anthropological Quarterly*, vol. 87, no 1, pp. 5–30.
- Shevchenko V. E. (2008) Slovo o Russkom chernozeme, ili kto spaset tsarya pochvu? [A word about Russian black earth, or who can save the king of soils?]. *Vestnik Ore/GAY*, no 1, pp. 28–29.
- Sippel S. R., Visser O. (2020) Introduction to Symposium: Reimagining land: Materiality, affect and the uneven trajectories of land transformation. *Agriculture and Human Values*. <https://doi.org/10.1007/s10460-020-10152-3>.
- Smith J. L. (2014) *Works in progress. Plans and realities on Soviet farms, 1930–1963*, New Haven: Yale University Press.
- Sunderland W. (2004) *Taming the wild field. Colonization and Empire on the Russian Steppe*, Ithaca: Cornell University Press.
- The Local (2009) *Swedish farm snaps up Russian farmland*. 12 October, AFP/The Local.se. <https://www.thelocal.se/20091012/22606>. Accessed October 15 2016.
- Tooke W. F. R. S. (1800) *View of the Russian Empire during the reign of Catharine the second and to the close of the eighteenth century*, 2nd ed, vol. 1, London: T. N. Longman and O. Rees, Paternoster.
- Trigon Agri (2007) Company description in connection with the admission to trading on First North. https://www.trigonagri.com/wpcontent/uploads/2011/07/Trigon_Agri_Company_Description_2007.pdf. Accessed December 15 2014.
- Trigon Agri (2011) Annual report 2010. <https://www.trigonagri.com/investor-relations/financial-reports/annual-reports/>. Accessed January 15 2014.
- Uekötter F., Lübken U. (2014) The social functions of ignorance. *Managing the unknown. Essays on environmental ignorance*, ed. F. Uekötter and U. Lübken, London: Berghahn, 1–11.
- Veber I. I. (1795) Primechaniya o razlichnykh predmetakh khozyaistva v Ekaterinoslavskom Namestnichestve [Notes on the different economic issues in the Ekaterinoslav vicegerency]. *Trudy Vol'nogo Ekonomicheskogo Obshchestva*, vol. 50, pp. 169–201
- Visser O. (2017) Running out of farmland? Investment discourses, unstable land values and the sluggishness of asset making. *Agriculture and Human Values*, vol. 34, no 1, pp. 185–198.
- Visser O., Mamonova N., Spoor M. (2012) Oligarchs, megafarms, and land reserves: Understanding land grabbing in post-Soviet Russia. *The Journal of Peasant Studies*, no 39 (3–4), pp. 899–931.
- Visser O., Spoor M. (2011) Land grabbing in post-Soviet Eurasia: The world's largest agricultural land reserves at stake. *The Journal of Peasant Studies*, no 38, pp. 299–323.
- Wheatcroft S. G. (1977) The significance of climatic and weather change on Soviet agriculture (with particular reference to the 1920s and 1930s). *CREES-SIP discussion paper*, no 11, Birmingham: University of Birmingham.
- Wheatcroft S. G., Davies R. W. (1994) *Agriculture. The economic transformation of the Soviet Union, 1913–1945*, ed. R. W. Davies, M. Harrison, and S. G. Wheatcroft, Cambridge, New York: Cambridge University Press, pp. 106–130
- White B., Borras Jr. S. M., Hall R., Scoones I., Wolford W. (2012) The new enclosures: Critical perspectives on corporate land deals. *The Journal of Peasant Studies*, no 39 (3–4), pp. 619–647.
- Winter S. (2012) Pig and protection money: German farmers seek their fortunes in Russia. *Der Spiegel International Online*. <https://www.spiegel.de/international/europe/>

- pigs-and-protection -money -german-farmers-seek-their -fortunes-in-russia-a-808377.html. Accessed September 1 2016.
- Wolford W., Borras Jr. S. M., Hall R., Scoones I., White B. (2013) Governing global land deals: The role of the state in the rush for land. *Development and Change*, vol. 44, no 2, pp. 189–210.
- Worster D. (1977) *Nature's economy. A study of ecological ideals*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Worster D. (1979) *Dust bowl: The southern plains in the 1930s*, Oxford: Oxford University Press.

Проблема источников при изучении крестьянских восстаний (случай слободы Рудни, 1918 год)

А. В. Посадский

Антон Викторович Посадский, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории государства, права и международных отношений Поволжского института управления — филиала РАНХиГС. 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 164, в/г № 2. E-mail: Posadav68@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению конкретного случая крестьянского восстания в большой торговой слободе Камышинского уезда Саратовской губернии в начальный период Гражданской войны в России. Работа представляет собой анализ новых материалов по данному кейсу, который уже рассматривался автором ранее. Для исследования привлечено следственное дело на активистов массового выступления. Данный источник позволил лучше различить личностные характеристики участников и активистов восстания, оценить их поведение во время и после возмущения, стратегии защиты на следствии. Рассматривается персональный состав активистов восстания, его ход и развитие в контексте анализа источниковой базы по вооруженным выступлениям крестьянства во время Гражданской войны в целом. Удалось проследить судьбу некоторых участников восстания в структурах белогвардейского формирования на протяжении 1918–1920 годов. Делается вывод о том, что наиболее активные участники вооруженной борьбы в ходе восстаний покидали родные места. Как правило, они не оставляли источников личного происхождения (писем, дневников, мемуаров), их свидетельства не попадали в судебные и следственные материалы, слабо фиксировались инстанциями политического надзора. Поэтому их голос наиболее трудноуловим. Таким образом, активисты крестьянских восстаний слабо представлены в исторических источниках. Наши знания о причинах и динамике вооруженной борьбы крестьян в большинстве случаев базируются на свидетельствах не прямых и не главных участников событий. Это неизбежно искажает общую картину. Данное обстоятельство требует от исследователя как архивных разысканий, так и методологических поисков. Пример, рассмотренный в статье, является вполне типичным в этом отношении.

Ключевые слова: история крестьянства, исторический источник, Гражданская война, Саратовская губерния, вооруженный протест, восстание

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-4-50-64

Такие распространенные события Гражданской войны, как восстания или переходы воинских частей на сторону противника, часто и неизбежно стереотипизируются, представляя неким единым и кратковременным событием. В реальности рискованное деяние реализуется по-разному, бывает протяженным во времени, нередко с применением внутреннего принуждения и демагогии, с элемен-

том случайности. При этом актуализируются разного рода стереотипы и фобии, живущие в сознании крестьян или солдат. Изучение данных процессов сколь необходимо, столь и трудно из-за дефицита адекватных источников.

Проблема источников

«Борьба за установление советской власти» весьма слабо представлена в источниках волостного и уездного уровня, потому что перекраивание институтов местной власти в революционном режиме не оставляло места правильному делопроизводству. Осенью 1917 года начался и пошел по нарастающей многомесячный процесс деградации делопроизводства на местах. К тому же хозяйственный кризис изменил лицо документа: началось время деловых бумаг, написанных на обороте акцизных бланков и иных подобных документов из прошлой имперской жизни. На уровне уезда и волости 1918 год, особенно первые его месяцы, представлен в архивах, как правило, наиболее скупо.

Описанная ситуация актуализирует источники личного происхождения. Таковых немало, так как историческая память участников событий со стороны красных институционализировалась. Долго действовала система истпарта — сбор воспоминаний активных участников революции и Гражданской войны, культивировалась память о местных героях — первых коммунистах и комсомольцах села или района, первых председателях совета, погибших продотрядовцах и т.п. Система официального ветеранства и хранения памяти закрепляла героический ряд персон и событий и способствовала трансляции этой версии памяти следующим поколениям. На данном пути были свои всплески, как широкое празднование 40-летия революции с оживлением всей мемориальной составляющей революции и Гражданской войны при Н. С. Хрущеве, включение в круг официального почитания реабилитированных местных революционных деятелей, ранее преданных забвению. О деревне писали представители «большого» мира, занесенные в сельское пространство заботами о выживании. Так, очень внимательным и разумным свидетелем эволюции настроений и хозяйственных практик калужской деревни выступил Ф. А. Степун в своих воспоминаниях «Бывшее и несбывшееся». Глубокие наблюдения на конкретно-историческом материале содержатся в дневнике М. М. Пришвина. Таких примеров не много. Как и неспровоцированных властью собственно крестьянских воспоминаний. Выразительные рукописи сохранились, например, мемуарный фонд Дома русского зарубежья имени А. И. Солженицына. Следует учитывать, что в крестьянской памяти события коллективизации оказывались часто трагичнее и ярче и отодвигали на задний план впечатления о 1917–1920 годах.

Низовая, сельская живая память вне официоза почти не вырывалась за пределы локального мира. Принципиально важен тот

А. В. Посадский
Проблема источников при изучении крестьянских восстаний (случай слободы Рудни, 1918 год)

факт, что многолетнее почитание местных красных героев подразумевало молчаливое признание, что на их стороне деревенское большинство. Враги же образовывали стереотипный безличный ряд «кулаков», «торговцев», «эсеров», «бандитов», «попов и церковников». Документы личного происхождения из этой среды — чрезвычайная редкость, в противоположность активным представителям Белого движения. Нейтральные воспоминания еще существуют, но голоса активных противников красных, тех, кто поднимал села на восстания или уходил из родных мест, практически не слышны. Остаются только косвенные сведения: воспоминания представителей «большого» мира, данные политического наблюдения красных и белых, иногда оперативные или разведывательные сводки сторон, следственно-судебные материалы.

В обрисованных условиях наиболее информативными оказываются именно судебно-следственные материалы. Во время «архивной революции» начала 1990-х годов на открытое хранение были переданы и дела революционных трибуналов. Данное обстоятельство очень расширило исследовательские возможности. Однако, как правило, следователи интересовал не общий рисунок события и даже не зачинщики, а участники убийств или избиений коммунистов, продовольственных и советских работников. Таким образом, наиболее интересные для реконструкции событий сведения не попадали в фокус внимания и оставляли в источниках неадекватно скромный след.

Восстания в годы Гражданской войны развивались по разным сценариям, в диапазоне от локальной однодневной вспышки до массового выступления с охватом десятков населенных пунктов. Собственная агитационная и деловая документация восставших довольно активно возникала во время больших восстаний 1920–1921 годов, однако применительно к 1918 году это далеко не так. Один из вариантов развития событий — переход наиболее активной части восставших на положение полевого формирования повстанческого и, в перспективе, регулярного типа на белой стороне. При этом восстания, имевшие в своем ядре городское (горнозаводское) население, быстрее давали и собственный документооборот, и свои регулярные формирования. Примерами могут служить Ижевская и Воткинская народные армии в Прикамье, Вольская народная армия после городского восстания в саратовском уезде Вольске. Соседнее же с ижевцами и воткинцами сарапульское повстанческое формирование гораздо хуже представлено в источниках и, соответственно, менее изучено.

Рудня — источник и событие

Один из выразительных сюжетов подобного рода — массовое восстание в большой слободе Рудне Камышинского уезда Саратовской

губернии в начале августа 1918 года¹. Названное событие ярко демонстрирует источниковые возможности и ограничения.

Богатый край с трудом принимал первую версию советской власти. По соседству разворачивалось антибольшевистское движение донских казаков. В результате, на фоне волнений и внутридеревенской борьбы, в уезде вспыхнуло два массовых восстания: в Рудне той же волости и Рыбинке Саламатинской волости. По Руднянскому восстанию имеется ряд мемуарных и судебно-следственных материалов. Они позволили нам представить в свое время общую картину выступления (Посадский, 2012). Однако самым интригующим событием является судьба множества руднян, ушедших из села после подавления восстания. Руднянцы и рыбинцы стали основой белогвардейского формирования под названием Саратовский корпус, создание которого из местных крестьян-добровольцев развернулось вскоре после восстания. Именно об ушедших из своих сел, то есть наиболее активных и непримиримых, доступные источники молчат, что является типичной ситуацией.

В фонде Саратовского губернского революционного трибунала нами выявлено весьма информативное дело «по обвинению 34 человек в контрреволюционном восстании»². Оно касается Руднянского выступления. В описи не указывалось место восстания, поэтому выявление дела в обширном фонде можно считать удачей. Обнаруженные новые источники позволили, во-первых, увидеть дополнительные подробности выступления, имена и характеристики его руководителей. Во-вторых, связать августовские события 1918 года с последующей судьбой руднян, покинувших родную слободу.

Изложим сжато уже известные сведения о Руднянском восстании и его последствиях. В русских слободах и селах Камышинского уезда (уезд наполовину был заселен немцами-колонистами, их сопротивление советской власти имело свою динамику) летом 1918 года зрело восстание. Можно обоснованно предполагать широкую координацию между селами. Для этого вполне хватало традиционных хозяйственных и родственных связей. Выступление было спровоцировано советской мобилизацией пяти призывных возрастов. В слободе Рудне было два сельских общества. Восстание началось со схода II общества, бывших государственных крестьян. Очевидно, оно и стало ведущей силой восстания. Восстание оказалось массовым, в показаниях часто упоминается толпа. В результате погибли военный комиссар Воликов, еще несколько местных активистов и красноармейцев из отряда при волостном военкомате. Сведения о численности жертв разнятся. Восставшие избрали для

А. В. Посадский
Проблема источников при изучении крестьянских восстаний (случай слободы Рудни, 1918 год)

1. Все даты приводятся по новому стилю.

2. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 507. Оп. 2. Д. 691.

руководства некий комитет и пригласили казаков соседней станции Островской — прибыл отряд до 80 человек. Параллельно произошли выступления в Нижней Добринке, Лопуховке и других местах. До двухсот сторонников советской власти ушли из слободы. Конец восстанию положило прибытие легкого бронепоезда красных — бронелетучки. Его орудийным огнем был расстроян благодарственный молебен жителей на площади. Слобода загорелась. Много руднян ушло с казаками.

Завязка трибунальского дела

Весной 1920 года началось возвращение недавних белых солдат и беженцев по домам. Произошло это и в Рудне. Данное обстоятельство стало отправной точкой для дела революционного трибунала. Видимо, первой отреагировала немногочисленная местная большевистская ячейка. 23 мая 1920 года она провела экстренное собрание «о лицах, прибывших из белогвардейского стана». Среди прибывших были «подозрительные». Подробностей в протоколе заседания приводится мало. Так, Васильев и Ржевские, по сведениям коммунистов, являлись убийцами Лемешкина, одного из активных сторонников советской власти в 1918 году. В основном же заявлялось об «активном участии» тех или иных лиц³. Ячейка дала показания человек на 10 без подробностей. Василий Тулупников 23 лет, член сельсовета одного из руднянских обществ, дал показания на весьма многих⁴.

11 июня 1920 года в Рудне арестовали 27 местных жителей, вернувшихся из донских пределов. Видимо, с ними попали под арест и еще какие-то люди, возвратившиеся из плена или утверждавшие это. Арестованные отправились на принудительные работы в Дубовку, недалеко от Царицына, и в Ровное — в Заволжье⁵, а параллельно возникло расследование о событиях августа 1918 года. Само дело по обвинению 34 руднян в контрреволюционном восстании датировано 2–12 ноября 1920 года. Допросы проходили в июне–сентябре. Открывалось отдельное дело по обвинению руднянца Михаила Рзянина в бандитизме, но было прекращено за его смертью⁶. В чем конкретно заключался «бандитизм», уяснить из дела невозможно.

24 августа 1920 года состоялось заседание коллегии коммунистического политбюро при уездной советской милиции по обвинению в контрреволюции и истязании советских работников ряда лиц: Рзянина, Чумакова, Любенко, Божкова, Кузьмина, Гречано-

3. ГАСО. Ф. 507. Оп. 2. Д. 691. Л. 31.

4. ГАСО. Ф. 507. Оп. 2. Д. 691. Л. 35, 35об., 36, 36об., 37, 37об., 38, 38об.

5. ГАСО. Ф. 507. Оп. 2. Д. 691. Л. 57–57об.

6. ГАСО. Ф. 507. Оп. 2. Д. 1054. Л. 4.

го, Зайцева. Коллегия постановила, что они, а также Тулупников, участвовали в восстании и «истязали зверски» совработников и красноармейцев⁷.

А. В. Посадский
Проблема источников при изучении крестьянских восстаний (случай слободы Рудни, 1918 год)

О начале восстания

Новый материал, в частности заключение по делу, позволяет уточнить ход событий в момент начала восстания.

В первых числах августа 1918 года в Рудню прибыли представители советской власти для проведения мобилизации пяти призывных возрастов против казаков Донской армии. В воскресенье, 4 августа, было созвано собрание и поставлен вопрос о мобилизации, но «местными кулаками и контрреволюционными элементами собрание было сорвано, и, заранее организовавшись, контрреволюционеры и кулаки, по назначенному условному знаку на 5 августа 1918 года до восхода солнца ударили в набат, выступили и захватили власть в свои руки». Члены волостного совета и красноармейцы были арестованы. Один из последственных рассказов, что по пути с собрания узнал от односельчанина, что завтра до восхода будет набат и собрание обоих обществ по поводу мобилизации. Многие крестьяне высказывались на собрании, что если воевать против казаков, то тогда, когда казаки подойдут к селу и когда всем гражданам дадут оружие⁸. «Завтра» надо понимать как 5 августа.

В то же время, чуть ранее, по соседству развивался следующий сюжет. Он известен из другого трибунальского дела. 3 августа днем в соседнюю с Рудней волостную Лопуховку прибыли из Рудни трое, один из них лопуховец Лушников. На сходе, собравшемся для обсуждения общественных дел, они заявили, что «в Руднях» вспыхнуло восстание против красной гвардии и им необходима помощь. Сход постановил арестовать советских работников и дать помощь в Рудню. После этого крестьяне обезоружили военкома Цыганова, и «сход пошел к зданию волостного Совета для разоружения его и наход[ившихся] там работников». Возмущившиеся жители избрали комитет из 12 членов. Комитет назначил мобилизацию пяти призывных лет. Вечером того же дня лопуховским жителем В. Крыловым, бывшим матросом, был собран по его воззванию отряд, который пошел в село Гнилой Проток «на помощь крестьянам для борьбы и подавления Сов[етской] власти». Там был убит председатель совета. Повстанческий комитет, кроме мобилизации, ничего не предпринял. На другое утро, 4 августа, некоторые мобилизованные из Громков и Тишанки (деревень Лопуховской волости) идти не захотели, но их сагитировали. При этом «вепышка схо-

7. ГАСО. Ф. 507. Оп. 2. Д. 691. Л. 6.

8. ГАСО. Ф. 507. Оп. 2. Д. 691. Л. 7, 68–68об.

да была мгновенна и говорили все, что надо бороться с крас[ной] гвардией». Видимо, соседняя с казачьей территорией волость по-звала казаков. Уже вечером 3 августа они отобрали наган и пашку у одного из вооружившихся повстанцев. Обрисованная картина вполне подтверждает сведения о широком недовольстве новой властью и мобилизацией, а также факт координации между селами. Точно так же будут развиваться события через неполных двое суток в Рудне. Но интересно, что Руднянское восстание даст уверенное вооруженное продолжение, а из Лопуховки поначалу уйдут в Донщину трое — врач Никольский и еще два активиста, о которых будет рассказано далее⁹.

Выступление в лицах

Общее собрание в Рудне, после расправы с представителями советской власти, избрало Временный комитет из 22 человек с президиумом в составе председателя — Василия Семеновича Серапина 45 лет и членов — Андрея Шевцова и Герасима Амельченко, от двух сельских обществ слободы¹⁰. (Можно предполагать родство В. С. Серапина с известным военным летчиком Александром Васильевичем Серапининым, инструктором Гатчинской авиашколы, жившим в эмиграции в Китае и Австралии, но проверить его пока невозможно.)

Из 34 обвиняемых¹¹ до 25 человек числились неразысканными, то есть домой не вернулись. Среди них купцы, крестьяне, торговцы, «кулаки». Напрямую указана принадлежность к повстанческому комитету у 9 человек. Помимо троих членов президиума остальные имеют возраст от 37 лет до 51 года, среди них врач из крестьян М. С. Чикаев, местный гражданин, бывший член Окружного суда Л. М. Маркин, бывший управляющий имением М. А. Кноре, бывший купец П. Н. Горшков, купец-мануфактурщик В. Ф. Боланин.

Наиболее пожилым участником восстания и членом комитета оказался Михаил Иванович Гречаный 61 года, уроженец Красного Яра (большое село в волжской дельте, много южнее Рудни), житель Рудни, фельдшер, окончивший военную школу при госпитале. В августе 1917 года он был избран гласным волостного земства. Со дня поступления на земскую службу в 1888 году занимался огородничеством, а с 1917 года и хлебопашеством. В 1918 году посеял около 3 десятин и в июле взял отпуск для уборки хлеба.

Гречаный объявил себя «народником»; очевидно, имел отношение к Крестьянскому союзу в 1905 году. Он дал наиболее полные

9. ГАСО. Ф. 507. Оп. 2. Д. 723. Л. 19, 23, 23об., 24.

10. ГАСО. Ф. 507. Оп. 2. Д. 691. Л. 7.

11. ГАСО. Ф. 507. Оп. 2. Д. 691. Л. 8, 8об., 9.

показания, в них, как и у всех остальных, есть расхождения с обвинениями. Так, его обвиняли в активности при выступлении и ведении агитации, вхождении в «кадетский» комитет, который приговорил к расстрелу 30 человек (приговор не исполнили, так как село быстро заняли красные). Он отрицал обвинения, признав, что видел на площади толпу, слышал про убийство нескольких человек, а также назвал нескольких членов комитета, но только тех, кто не вернулся.

Интерпретация событий Гречаного такова. 5 августа в 4–5 утра «по-советски» (передвижения часовой стрелки — примета революционного времени) он собрался ехать верст за пять полоть картофель. В это время послышалось 3–4 выстрела по направлению ко II обществу. Открыв ворота, услышал более частые выстрелы. Тогда он отложил поездку и отправился за новостями в больницу. По площади шел районный комиссар Ситников с 3 красноармейцами в направлении от выстрелов к исполкому. У больницы стояли бывший врач М. С. Чикаев с женой, фельдшерница Рзынина с мужем, бывший мануфактурный торговец А. В. Баранников и член исполкома С. М. Голиков (председатель исполкома в 1920 году). Баранников что-то рассказывал присутствующим, так как Голиков сказал: «Они пришли и говорят — к оружию, а я спрашиваю — в чем дело, они отвечают — некогда разговаривать, к оружию, и ушли», не упоминая, кто. Баранников заявил, что «дело затеялось нехорошее». Гречаный вернулся домой. Опять раздались выстрелы, редкие и отдаленные. На площади стал появляться «изрядно народ», после чего он распряг лошадь и сидел в подвале, пока все не затихло. Часов в 10 утра вышел из помещения и увидел «массу народа», шедшую, видимо, рыть окопы, так как у некоторых были деревянные и железные лопаты. Кто-то крикнул Гречаному, что надо идти на собрание в старое волостное правление. Он отговорился занятостью, но тут же несколько голосов крикнули, что в это время никто не имеет права отказываться и выезжать из села. Гречаный отправился в правление. В арестантском помещении находилось несколько человек. В правлении уже собрались члены комитета, всего 22 человека, он сам оказался выбран от I общества. Избрали президиум, пробыли не более двух часов и больше не собирались. «На 2-й день, когда приехала Красная Армия и началась стрельба с орудий, почти все село выехало кто куда, а я переехал на другую сторону реки в сад (около), не предполагая к дальнейшему». Односельчанин вечером передал разговоры, что большевики будут расстреливать членов комитета. Новый обстрел слободы из орудий и пожар заставили Гречаного с женой отправиться в соседнее село Лопуховской волости, а затем в станцию Островскую. На следующий день Ф. Миронов, взяв Орехово, наступал на Островскую, пришлось уезжать вглубь Донской области. Через три месяца был мобилизован белыми. Когда появилась возможность, отправил семейство домой. На другом допросе

Гречаный указал, что с 6 августа находился у белых, служил заместителем врача в «передовом перевязочном корпусе» и в канцелярии губернатора числился для оказания помощи беженцам («месяцев шесть»). Последнее время служил «при II разряде батареи» (учитывая возраст, очевидно, при обозе II разряда какой-то артиллерийской батареи) с октября 1919 по февраль 1920 года¹². Трудно поверить в мобилизацию человека за 60, даже фельдшера. А вот находиться у белых с 6 августа можно было только в своем же руднянском отряде. Видимо, так и было, и Гречаный организовывал санитарную службу в импровизированном отряде ушедших с боем односельчан.

О М. Гречаном ходатайствовали перед трибуналом соседи — лопуховские крестьяне¹³. Характерно для Гражданской войны распределены судьбы его детей. Дочь Зоя 31 года служила врачом где-то на Украине; сын Иван 33 лет — в канцелярии склада губпродкома; сын Александр 22 лет — в отряде Жлобы; сын Борис 20 лет — до февраля 1920 года находился у белых, далее пребывал в неизвестности; сын Анатолий 17 лет оставался дома и был взят на воинский учет¹⁴. Отметим, что из отряда Жлобы бывали неожиданные пути. Часть взбунтовавшихся жлобинцев, например, пополнила отряды антибольшевистских Степных партизан в Заволжье.

«Искал корову», «лежал больной», «уехал на мельницу» — подобные ответы часты в протоколах допросов крестьян, причастных к выступлениям. Проверить достоверность таких показаний невозможно, но легко предположить, что они маскировали участие в движении и тем более собственную активность. Когда же отрицать участие или присутствие было невозможно, появлялись иные формулы: «Под силой оружия», «под действием толпы» и т. п. Таким образом нивелировалась личная активность, с одной стороны, и подчеркивалась неотвратимая сила большинства, с другой. Сходные объяснения в ответ на обвинения в раздаче восставшим оружия, избиении активистов и убийстве налицо и в Руднянском выступлении. Например: искал быков и ушел из-за страха, поехал в поле, а там казак заставил идти на Дон, выехал «от испуга», «из боязни», «по примеру других» и т. п. В то же время среди обвиняемых — люди состоятельные: хлеботорговец, бывший хлеботорговец, председатель руднянского кооператива, хозяин слесарной мастерской. Можно предполагать, что они были в числе активно недовольных новой властью¹⁵.

12. ГАСО. Ф. 507. Оп. 2. Д. 691. Л. 70б., 80б., 27, 270б., 28, 58–580б.

13. ГАСО. Ф. 507. Оп. 2. Д. 691. Л. 71, 72, 73, 730б.

14. ГАСО. Ф. 507. Оп. 2. Д. 691. Л. 64.

15. ГАСО. Ф. 507. Оп. 2. Д. 691. Л. 7, 70б., 29–290б., 66–660б.

Из показаний усматривается особо деятельное участие отдельных жителей в выступлении. Можно предполагать личные побуждения или же стремление сделать ситуацию необратимой — характерный мотив для активистов массовых выступлений. Описан следующий пароксизм жестокости. Когда захваченного красноармейца Жеребцова вели под руководством офицера М. Любенко, жена Жеребцова подбежала просить о помиловании, но Любенко ударил ее так, что она «упала без памяти». Жеребцов в этот момент вырвался и скрылся в соседнем дворе в погребе. Г. Божков, М. Кузьмин и М. Смирнов его разыскали, вытащили и с ожесточением убили кинжалом и лопатами. Он был закопан полуживым. Божков «бегал с большим ножом». Эти же люди убивали волостного военкома Воликова. Кузьмин был одним из тех, кто привел казачий отряд. Любенко и Смирнов не были разысканы. Подследственные же Божков и Кузьмин отрицали свое участие в восстании в традиционном стиле¹⁶.

На белой стороне

Весьма интересно, что знакомых по трибунальскому делу руднян оказывается возможным увидеть уже на белой стороне. Рудня не вошла в состав района, в котором базировался Саратовский корпус. Напротив, в селе довольно долго стояли красные части Ф. К. Миронова. Ушедшим из слободы повстанцам был заказан путь домой.

Необходимую информацию содержит пространный приказ № 25 1-му стрелковому полку Добровольческой дивизии Донской армии Саратовского района от 31 октября 1918 года (это первая часть будущего Саратовского корпуса). Параграф № 18 гласил: «200 р. 04 к. (двести четыре р. 04 к.)¹⁷ выписать в расход по приходо-расходной книге казначея и денежному журналу из графы переходящих сумм <...> председателю комитета по устройству беженцев пограничного района Серапинину приварочных и провиантских денег на 5 человек за 16 дней октября с/г, т. е. по 1 ноября. Основание: приказание Саратовского военного губернатора полковника Мананина за № 29»¹⁸.

Комитету выписывался аванс на половину месяца из полковых сумм, и содержание надо признать весьма скромным. Таким образом, документально доказывается тот факт, что при полку функционировал комитет по устройству беженцев под председательством того же лица, которое выступало руководителем гра-

16. ГАСО. Ф. 507. Оп. 2. Д. 691. Л. 70б., 15.

17. Разночтение документа.

18. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39457. Оп. 1. Д. 340. Л. 2.

жданского комитета при восстании в Рудне. Комитет стал гораздо компактнее, что вполне естественно.

Командир Саратовского корпуса собрал также совет из представителей освобожденных от большевиков сел губернии. Избиралось по два человека от села. 40 человек поименованы в конце листовки — обращения к красноармейцам от имени этих выборных (Посадский, 2018: 456–457). Среди них мы можем, с большой долей вероятности, определить руднян. Прежде всего это А. Шевцов, член президиума гражданского комитета. Среди восставших не раз заметны Амелъченко (Омельченко), Герасим Амелъченко — второй член президиума. Поэтому в некоем А. Омельченко также можно опознать руднянца. Среди выборных также есть А. Тулупов, а среди судимых руднян налицо Андрей Тулупников. С допущением ошибки возможно определить и третьего руднянца.

Приказом № 47 Корпусу 27 ноября выпускник Московского университета, «не имеющий чина», Ф. Ф. Гар и беженцы Саратовской губернии М. Голубев, А. Батанов, В. Серапинин и М. Гречаный зачислялись в 5-й пехотный полк (так стал именоваться 1-й стрелковый полк) с 14 ноября с прикомандированием к штабу корпуса. Жалованье им платилось из экстраординарных сумм — отдел являлся нештатным. Через десять дней назначалась проверка отчетности и денежных сумм отдела, то есть он реально функционировал (Посадский, 2018: 216).

Таким образом, наиболее авторитетные представители импровизированного повстанческого руководства продолжали свою деятельность на белой стороне в гражданской сфере.

Вернемся к активным персонажам выступления в Лопуховке. Один из них, В. А. Мелешихин, довольно подробно обрисовывает свою биографию и бытие после ухода из родных мест. 34-летний семейный сапожник с тремя детьми, владелец дома и коровы, окончивший церковную школу, правый эсер встретил революцию в Бутырской тюрьме, будучи осужденным на бессрочную каторгу за участие в бунте на военной службе. С 22 марта 1917 года он состоял членом Камышинского комитета партии эсеров («правых эсеров»). Он называет всего пять фамилий членов комитета и указывает, что сам был на собрании всего раз, а его друг Степан Шигаев — ни разу.

Согласно показаниям Мелешихина, в ночь на 5 августа 1918 года он и Шигаев услышали, что Миронов в Рудне производит расстрелы, после чего оба ушли в Островскую станицу к белым. Переходя с хутора на хутор, молотили хлеб и выполняли другие «землеробные» работы. В ноябре 1918 года мобилизованы белыми. Он сам служил артельщиком при штабе Саратовского корпуса, а Шигаев — сапожником в сапожной мастерской. «По разбитии корпуса» назначен писарем в Саратовский полк («попал в писаря через Руднинского перебезчика писаря Михайловского»).

Шигаев — также в полку сапожником. «По разбитии» Саратовского полка перешли в Гренадерский полк, писарем и сапожником. Прослужили до заговенья Великого поста 1920 года. Вскоре полк сдался в плен: «...нас обошли кругом, и мы сдались». В это время он был болен, помещался на квартире в Белой Глине. Выздоровев, попал в Горькую Балку Ставропольской губернии. Занимался сапожным ремеслом, жил без документов и был арестован военкомом Вдовенко 31 мая 1920 года. На вопрос об участии в расстрелах он ответил, что это против его убеждений, и уточнил, что у белых был артельщиком «для пропитания», потом мобилизован в Саратовский полк писарем, потом вошли в гвардейский (так!) полк¹⁹.

Дадим необходимые пояснения. Как видим, в Лопуховке уже в ночь на 5 августа были слухи о расстрелах в Рудне, хотя в это время восстание там только начиналось. Устрашающие слухи — неперемнная принадлежность периода волнений и неопределенности. В ноябре окончательно структурировался Саратовский корпус, и была объявлена мобилизация саратовских жителей, как беженцев, так и тех, кто проживал на небольшой освобожденной от красных территории. Видимо, поначалу Мелешихин устроился артельщиком как вольнонаемный. После мобилизации оба друга служат на нестроевых должностях в Корпусе. Интересно, что писарская должность досталась по протекции руднянца. В «писаре Михайловском» мы вправе узнать А. С. Михайловского, одного из фигурантов руднянского дела. Наследником Саратовского корпуса стал уже в 1919 году сводный Саратовский полк Кавказской армии, а остатки полка, в свою очередь, пошли на пополнение одного из полков разворачивавшейся Сводной гренадерской дивизии. Как видим, при всех перипетиях и неудачах дружба-эсеры исправно служили в Белой армии до самого конца. Упомянутое заговенье Великого поста приходилось в 1920 году на 22 февраля; 21 февраля красными разгромлен 1-й Кубанский корпус, в который входила Гренадерская дивизия. Рассказчик путает гренадерское и гвардейское наименования.

Заключение

Таким образом, новые источники позволили сделать картину восстания более подробной. Удалось увидеть контуры местного «политикума» — тех, кто оказался в организационной структуре поднявшейся против большевиков слободы, но по-прежнему «молчат» более молодые рудняне, которые ушли не в беженцы, а в боевой отряд и затем строевые белые части. Именно из этой среды не было вернувшихся к лету 1920 года. Так, сын купца Бола-

19. ГАСО. Ф. 507. Оп. 2. Д. 723. Л. 22, 220б., 24, 240б., 25, 33, 330б., 34.

нина (Баланина) был одним из активистов выступления. Однако ни в комитете, ни в показаниях он не фигурирует, в отличие от своего отца.

Некий Алексей Гайворонский в ходе восстания убил сторонника советской власти Горинова. Отец же его, Андрей Дмитриевич Гайворонский, уходил к белым и вернулся в июне 1920 года²⁰. В истории Саратовского корпуса известен один из первых добровольцев, погибший в бою, с такой фамилией (Посадский, 2018: 340). Можно предполагать тождество или родство упомянутых персонажей, но доказать это можно только работой на уровне микроистории.

В лице М. Гречаного и В. Мелешихина мы видим убежденных народников, даже с серьезным революционным стажем. Отметим, что в середине февраля 1919 года, в период разложения казачьих частей, некоторые солдаты Саратовского полка заявляли казакам, что теперь Добровольческая армия будет наводить порядок, а с казаками посчитается за 1905–1906 годы. Это происходило после подчинения донцов А. И. Деникину. Такие настроения солдат привели 13-й донской казачий полк к окончательному разложению и сдаче (Посадский, 2018: 292). Подобных «народников» в Рудне и Камышинском уезде могло быть немало. Летом 1906 года уезд отличился революционной активностью. В городе в конце августа произошло вооруженное восстание, а до этого вооруженные выступления были в Рудне, Саламатине и Щербаковке. «Народнический» мотив читается и в прошении жены Мелешихина Матрены. Она писала про недоразумение и «уговор других лиц вместе бежавших с моим мужем в кадетские банды», упоминала его каторжный срок и приводила характерный аргумент: многих офицеров простили «по их красноречию», при большей вине перед советской властью. Резюме прошения очень горькое: «Я ведь с детьми скоро засохну голодной смертью»²¹.

Весьма характерно, что против большевиков поднялась богатая слобода с недавним революционным прошлым, так же было и в окрестностях. Показательно, что сам командир Саратовского корпуса полковник В. К. Манакин полагал, что саратовское начинание было поддержано атаманом П. Н. Красновым в качестве оправдания перед Донским кругом за реакционный путь формирования Астраханской и Южной армий (Посадский, 2018: 98). «Народникам» из числа восставших противостоит небольшое, но активное большевистское меньшинство. По крайней мере, можно различить деятельность ячейки по изобличению постфактум участников восстания.

Итак, весьма информативный новый источник позволил оценить управленческую импровизацию в поднявшейся слободе и круг ак-

20. ГАСО. Ф. 507. Оп. 2. Д. 691. Л. 28.

21. ГАСО. Ф. 507. Оп. 2. Д. 723. Л. 29, 290б.

тивных деятелей гражданского комитета. Более того, можно проследить деятельность тех же активистов уже в белых рядах. Однако наиболее деятельная часть молодых руднян, поднявшая восстание и продолжившая сражаться, по-прежнему описывается лишь косвенными свидетельствами. Отсутствуют также сведения о репрессиях сразу после занятиями красными частями Рудни, хотя об этом есть упоминания. Это еще одно белое пятно и пример «потерянных голосов» участников событий.

Случай Рудни адекватно иллюстрирует обрисованную в начале статьи ситуацию с источниками по истории крестьянских восстаний 1918–1921 годов, особенно на раннем этапе Гражданской войны.

Библиография

- Посадский А. В.* (2012). Руднянское восстание 1918 года // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. Вып. 7. С. 159–177.
- Посадский А. В.* (2018). В. К. Манакин и Саратовский корпус. Эпизод Гражданской войны. М.: АИРО–XXI.

The issue of sources in the study of peasant uprisings (the case of the Rudnya settlement, 1918)

Anton V. Posadskiy, DSc (History), Associate Professor, Department of History of State, Law and International Relations, Volga Institute of Management — a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Moskovskaya St., 164, v/g 2, 140012 Saratov. E-mail: Posadav68@mail.ru.

Abstract. The article considers a specific case of the peasant uprising in the large commercial settlement in the Kamyshinsky district of the Saratov Province at the initial stage of the Civil War in Russia. The author focuses on the investigative case against activists of the mass demonstration, and this source allowed to better identify the personal characteristics of the participants and activists of the uprising, describe their behavior during and after the outrage and defense strategies during the investigation. The personal features of the activists of the uprising, its course and development are considered based on the sources on the armed actions of the peasantry during the Civil War. The author argues that the most active participants of the armed struggle left their native places during uprisings. As a rule, there are no sources of biographical nature even in judicial and investigative materials, because personal data was poorly recorded by the representatives of political supervision. Therefore, the voice of activists is the most elusive, and the most active participants of peasant uprisings are poorly represented in the sources. Our ideas about the causes and dynamics of the peasant armed struggle are based mainly on the indirect and secondary evidence, which inevitably distorts the general picture and requires both archival and methodological searches.

Key words: peasantry, historical source, Civil War, Saratov Province, armed protest, uprising

- ИСТОРИЯ Posadskiy A. V. (2012) Rudnyanskoe vosstanie 1918 goda [The 1918 uprising in the Rudnya settlement]. *Krestyanovedenie. Teoriya. Istoriya. Sovremennost. Uchenye zapiski*, vol. 7, pp. 159–177.
- Posadskiy A. V. (2018) V. K. *Manakin i Saratovskiy korpus. Epizod Grazhdanskoj vojny* [V. K. Manakin and the Saratov Corps. A Civil War Episode], Moscow: AIRO–XXI.

Динамика развития крестьянских (фермерских) хозяйств в годы аграрной реформы (1991–2001) в областях Центрального Черноземья

И. В. Логунова, В. Н. Уродовских

Инна Викторовна Логунова, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Менеджмент и общегуманитарные дисциплины» Липецкого филиала Финансового университета при Правительстве РФ. 398000 Липецк, ул. Интернациональная, 12Б. E-mail: IVLogunova@fa.ru

Виктор Николаевич Уродовских, кандидат технических наук, доцент кафедры «Учет и информационные технологии в бизнесе» Липецкого филиала Финансового университета при Правительстве РФ. 398000 Липецк, ул. Интернациональная, 12Б. E-mail: VNUrodovskih@fa.ru

Аннотация. В статье проведен структурно-динамический анализ процесса становления и развития крестьянских (фермерских) хозяйств в годы аграрной реформы в 1991–2001 годах в областях Центрально-Черноземного экономического района. В основу исследования положены как опубликованные, так и неопубликованные источники — материалы текущих архивов Госкомстата РФ и территориальных органов статистики, сведения из статистических сборников, нормативно-правовые акты. Статистические данные представлены в виде таблиц и графиков. В ходе изучения динамики развития КФХ в указанный период были выявлены как характерные в целом для ЦЧР черты становления фермерских хозяйств, так и особенности их развития в каждой из областей Центрального Черноземья. Проанализированы изменения численности КФХ, величины их среднего размера, а также размеров площади предоставленных КФХ земель. Сделан вывод, что в ходе аграрной реформы 1991–2001 годов фермеры Центрального Черноземья пережили естественный отбор. Отсеялись хозяйства крайне малых размеров, с тяжелым финансовым состоянием и созданные случайными людьми; они составили треть всех КФХ. К 2001 году численность фермеров стабилизировалась, произошло увеличение в 1,5–2 раза площади предоставленных фермерам земель и величины среднего размера КФХ. Сумевшие выдержать «испытание на прочность» фермеры получили новые возможности для своего развития.

Ключевые слова: аграрная реформа, фермеры, крестьянское (фермерское) хозяйство, Центрально-Черноземный экономический район

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-4-65-86

Возникновение фермерских хозяйств в современной России

Крестьянские (фермерские) хозяйства в качестве самостоятельного уклада жизни на селе стали появляться в 1990 году. Начало этому процессу было положено еще в СССР. Выступая на Мартовском 1989 года пленуме ЦК КПСС, М. С. Горбачев впервые за-

явил о необходимости признать «равноправие различных форм собственности и... способов ведения хозяйства», среди которых наряду с колхозами и совхозами им была названа новая форма хозяйствования — «товаропроизводящие крестьянские хозяйства, базирующиеся на личном труде». По итогам работы Пленума было принято Постановление «Об аграрной политике КПСС в современных условиях» от 16 марта 1989 года, в котором данная форма хозяйствования нашла свое юридическое закрепление (Материалы пленума, 1989: 51, 86).

Первые единоличные крестьянские хозяйства привлекали к себе пристальное внимание представителей прессы и ученых-аграрников. Некоторые из них, движимые стремлением поддержать столь необычное для советского сельского хозяйства явление (в их числе писатель-журналист Ю. Д. Черниченко и академик ВАСХНИЛ А. М. Емельянов), инициировали создание Ассоциации крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России (АККОР). В январе 1990 года с этой целью в Москве был проведен I Всероссийский съезд частных крестьянских хозяйств (т. е. фермеров), ставший фактически учредительным съездом АККОР. На нем присутствовали 314 делегатов от 57 регионов России.

Количество фермерских хозяйств, образовавшихся в 1990 году, было весьма скромным. В Белгородской области их насчитывалось 6, в Курской — 3, в Липецкой — 6, в Тамбовской — 3¹. Проведенный в Воронежской области в 1990 году социологический опрос сельских жителей показал, что твердое желание стать фермерами изъявили 7,2% опрошенных, 18,8% отметили, что «в принципе могли бы сделать такую попытку» (Доморацкая, 1991: 127). Иными словами, четвертая часть участников опроса рассматривали для себя возможность хозяйствовать самостоятельно, правда, с разным уровнем решимости. Это дает основание предполагать, что столь малое число крестьянских (фермерских) хозяйств (далее — КФХ) в 1990 году следует объяснять не только консерватизмом и психологиче-

1. Текущий архив Научно-исследовательского института экономики и организации агропромышленного комплекса Центрально-Черноземного района (ТА ГНУ НИИ ЭО АПК ЦЧР): О крестьянских (фермерских) хозяйствах Белгородской области в 1994 г. Аналитическая записка. С. 1; О деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств Курской области в 1992 г. Аналитическая записка. С. 2; О развитии крестьянских (фермерских) хозяйств Липецкой области в 1992 г. Аналитическая записка. С. 1; О наличии крестьянских (фермерских) хозяйств Тамбовской области на 1 января 1993 г. Аналитическая записка. С. 2; О крестьянских (фермерских) хозяйствах Белгородской области в 1994 г. Аналитическая записка. С. 1; О деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств Курской области в 1992 г. Аналитическая записка. С. 2; О развитии крестьянских (фермерских) хозяйств Липецкой области в 1992 г. Аналитическая записка. С. 1; О наличии крестьянских (фермерских) хозяйств Тамбовской области на 1 января 1993 г. Аналитическая записка. С. 2.

ской неподготовленностью селян, но и отсутствием на тот момент нормативно-правовой базы, регламентирующей порядок создания и деятельность таких хозяйств.

Решение аграрного вопроса и, в частности, проблемы формирования фермерского уклада остро стояли на повестке дня и требовали незамедлительного разрешения. В связи с этим в ноябре 1990 года открылся II Внеочередной съезд народных депутатов по проблеме возрождения российского села. Результатом его работы стало принятие ключевых законов, создавших правовую основу для развития фермерского уклада: «О земельной реформе», «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», «О собственности в РСФСР», а также «Земельного кодекса РСФСР»². После этого процесс создания фермерских хозяйств значительно ускорился. За сравнительно небольшой период своего существования они получили распространение на всей территории России, резко увеличив численность с 4,4 тыс. в 1990 году до 49 тыс. в 1991 году³ (т. е. в среднем по стране в 11 раз). В областях Центрального Черноземья этот рост оказался гораздо более впечатляющим: в Белгородской области — в 55 раз, в Липецкой — в 56 раз, в Курской — в 144 раза, в Тамбовской — в 234 раза⁴. Данное обстоятельство можно объяснить, во-первых, тем, что ЦЧР, расположенный на юге европейской части России, характеризуется благоприятными для ведения единоличного хозяйства природно-климатическими условиями; во-вторых, сложившимся здесь к началу 1990-х годов довольно высоким уровнем трудового потенциала сельского населения, отличавшегося большей активностью в сравнении с другими экономическими районами (Нефедова, 2013: 57).

Особый интерес при изучении фермерского уклада представляет период его становления с 1991 по 2001 год.

Историография и источники

Проблема зарождения и развития фермерства получила глубокое освещение в трудах целого ряда исследователей. В числе первых к ее рассмотрению приступили Ю. С. Баландин и Г. В. Чубуков

2. Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 26. Ст. 327; № 30. Ст. 416; 1991. № 26. Ст. 878; № 44. Ст. 1421.

3. Российский статистический ежегодник. М., 1997. С. 383.

4. Рассчитано по: Текущий архив ГНУ НИИ ЭО АПК ЦЧР: О крестьянских (фермерских) хозяйствах Белгородской области в 1994 г. Аналитическая записка. С. 1; О деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств Курской области в 1992 г. Аналитическая записка. С. 2; О развитии крестьянских (фермерских) хозяйств Липецкой области в 1992 г. Аналитическая записка. С. 1; О наличии крестьянских (фермерских) хозяйств Тамбовской области на 1 января 1993 г. Аналитическая записка. С. 2. Российский статистический ежегодник. М., 2001. С. 324.

И. В. Логунова,
В. Н. Уродовских
Динамика развития крестьянских (фермерских) хозяйств в годы аграрной реформы (1991–2001) в областях Центрального Черноземья

(Баландин, 1992; Чубуков, 1993). У истоков изучения фермерства стоял и В. П. Данилов, который обозначил ключевые проблемы процесса фермеризации, объяснил «пассивное отношение» селян к созданию единоличных хозяйств (Данилов, 1994: 129). Опыт личного общения с жителями села и привлечение свидетельств семейных историй позволили И. Е. Козновой выявить мотивы создания фермерских хозяйств в начале 1990-х годов, среди них — «стремление к независимости... и продолжение семейной традиции единоличного хозяйства, разрушенного коллективизацией» (Кознова, 2000: 180). С. А. Никольский, затрагивая проблему укладности, среди прочих аграрных укладов проанализировал представленный фермерами предпринимательно-товарный уклад (Никольский, 2001). Состояние и тенденции развития фермерского движения, как и проблемы, сдерживавшие его, получили рассмотрение в работах В. Ф. Башмачникова, Э. И. Калугиной, О. П. Фадеевой, А. В. Петрикова, (Башмачников, 2009; Калугина, 2009; Петриков, 1995) и др.

Целью настоящего исследования является проведение структурно-динамического анализа процесса формирования и развития крестьянских (фермерских) хозяйств в ходе аграрной реформы 1991–2001 годов в Центрально-Черноземном экономическом районе.

В основу исследования положены как опубликованные, так и неопубликованные источники — материалы текущих архивов Госкомстата РФ и территориальных органов статистики, сведения из статистических сборников⁵, нормативно-правовые акты. Статистические данные представлены в виде таблиц и графиков.

Анализ основных тенденций в изменении численности КФХ по ЦЧР

Рассматривая динамику развития КФХ за указанный период, следует выделить как характерные в целом для ЦЧР черты становления фермерских хозяйств, так и особенности их развития в каждой из областей Центрально-Черноземного экономического района.

Динамика численности крестьянских (фермерских) хозяйств в пореформенное десятилетие представлена на рисунке 1.

5. Текущий архив Госкомстата РФ (ТА Госкомстата РФ): Крестьянские (фермерские) хозяйства Российской Федерации на 1 января (1993–1998 гг.); ВЦ ГКС РФ. 28-202 № 1. 17 января 1993 г.; 1994 г.; 1995 г.; 1996 г.; 1997 г.; ТА ГНУ НИИ ЭО АПК ЦЧР; Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Липецкой области (ТА Липецкстат). Аналитическая записка. О деятельности КФХ Липецкой области за 1990–1999 гг. С. 10; Регионы России. Социально-экономические показатели. М., 2003. С. 348; Регионы России. Социально-экономические показатели. М., 2004. С. 381; Регионы России. Социально-экономические показатели. М., 2005. С. 377; Регионы России. Социально-экономические показатели. М., 2006. С. 379.

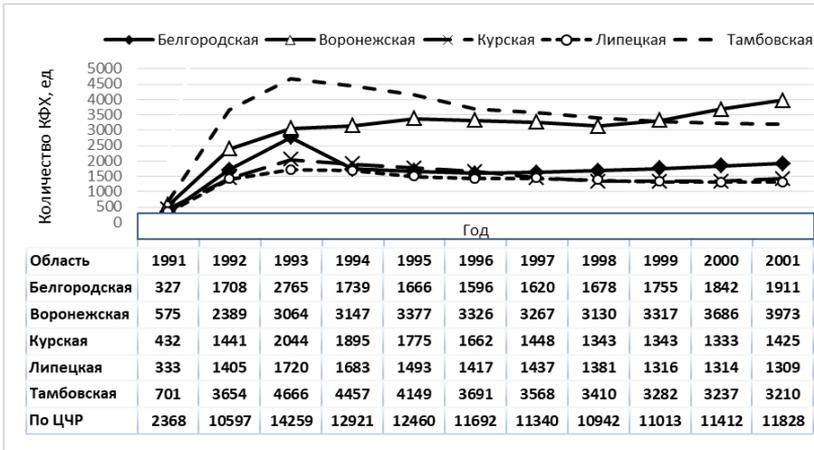

Рис. 1. Динамика численности КФХ в областях ЦЧР, ед.

В Белгородской, Курской, Липецкой и Тамбовской областях активный рост численности КФХ происходил с 1991 по 1993 год (в Воронежской области по 1995 год). За два первых года реформы количество фермеров возросло в Белгородской области в 8,5 раза, в Воронежской — в 5,3 раза, в Курской — в 4,7 раза, в Липецкой — в 5,2 раза, в Тамбовской — в 6,7 раза (рассчитано по таблице рис. 1).

С 1994 года начался процесс сокращения числа фермерских хозяйств, причина этого крылась в изменении политики государства в отношении КФХ. В 1993–1994 годах под предлогом равенства всех форм собственности и хозяйствования государственная поддержка фермеров была сведена на нет. Это повлекло за собой, с одной стороны, заметное сокращение количества желающих образовывать новые КФХ, с другой стороны, увеличение числа фермерских хозяйств, прекративших свою деятельность. В областях ЦЧР процесс снижения численности фермеров был приостановлен в разное время: в Белгородской области — в 1997 году, в Воронежской — в 1998 году, в Курской — в 2000 году, в Липецкой и Тамбовской областях он не прекращался вплоть до 2001 года. Объяснение этому стоит искать в действиях местных органов власти.

В 1997–1999 годах в целом по Черноземью наметился небольшой ежегодный прирост фермерских хозяйств, что стало ответной реакцией на принятие 7 марта 1996 года президентского указа «О реализации конституционных прав граждан на землю», расширившего возможности для действующих и потенциальных фермеров. Разработанная во исполнение данного указа Федеральная целевая программа развития крестьянских (фермерских) хозяйств и кооперативов на 1996–2000 годы предусматривала ряд важных изменений — завершение переоформления в собственность имевшихся

И. В. Логунова,
В. Н. Уродовских
Динамика развития крестьянских (фермерских) хозяйств в годы аграрной реформы (1991–2001) в областях Центрального Черноземья

у фермеров земель, отмену ограничения размеров арендуемых ими земель, введение новых кредитных и налоговых льгот⁶.

После многолетнего сокращения КФХ в период 1999–2001 годов в Белгородской, Курской и Липецкой областях их численность вновь стала возвращаться к уровню 1992 года (но максимум 1993 года так и не был достигнут).

Особенности Белгородской области

Развитие крестьянских (фермерских) хозяйств в Белгородской области в первой половине 1990-х годов характеризуют две отличительные черты: рекордное по ЦЧР (в 8,5 раза) увеличение количества фермерских хозяйств за два первых года реформы и самое резкое (в 1,6 раза) их сокращение в 1994 году.

Первое обстоятельство объясняется активной поддержкой развития фермерского уклада со стороны местных властей. В Белгородской области никому не было отказано в выделении земли для образования фермерского хозяйства. Кроме того, в 1992 году была принята Программа развития и поддержки КФХ, в рамках которой фермерам оказывалась помощь в укреплении материально-технической базы, строительстве производственных помещений, приобретении семян, минеральных удобрений и горюче-смазочных материалов; практически во всех районах области были открыты пункты проката сельскохозяйственной техники⁷.

Одной из основных причин обвального сокращения числа фермерских хозяйств в 1994 году стала проблема малоземелья, которая в Белгородской области стояла особенно остро. Земля выдавалась здесь всем желающим, но площадь областного фонда перераспределения земель была ограничена. В итоге это сказалось на среднем размере КФХ (см. рис. 2). Земельного участка в 20–30 га было недостаточно для ведения товарного фермерского хозяйства; мировой опыт показывает, что в 1990-е годы наиболее рентабельными являлись фермерские хозяйства с размерами 100–500 га (Подобай, 2015). Данная проблема усугубилась в результате отказа государства от оказания фермерам всесторонней поддержки. Многие владельцы КФХ не справлялись с «навалившимися» на них трудностями и прекращали деятельность своих хозяйств.

В период с 1994 по 2001 год число белгородских фермеров поддерживалось примерно на одном и том же уровне: до 1997 года имело ме-

6. О реализации конституционных прав граждан на землю: Указ Президента РФ от 7 марта 1996 г. // Собрание законодательства РФ. 1996. № 11. Ст. 1026; О Федеральной целевой программе развития крестьянских (фермерских) хозяйств и кооперативов на 1996–2000 годы: Постановление Правительства РФ от 18 декабря 1996 г. // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 157.

7. Белгородская правда. 1992. 1 октября.

сто небольшое ежегодное сокращение их количества (в 1995 году на 73, в 1996-м — на 70 единиц). Затем ситуация переменилась, и на протяжении 5 лет ежегодно происходил незначительный, но устойчивый прирост КФХ (в 1997 году — на 24, в 1998-м — на 58, в 1999-м — на 77, в 2000-м — на 87, в 2001 году — на 69 единиц). Положительные изменения были достигнуты благодаря активным действиям местных властей в рамках реализации президентского указа от 7 марта 1996 года и Федеральной целевой программы развития фермерства. В феврале 1997 года главой администрации Белгородской области Е. С. Савченко было принято Постановление «О мерах по выходу сельскохозяйственного производства из кризиса», предоставившее фермерам реальную возможность расширения своего хозяйства путем аренды и купли-продажи земли сельскохозяйственного назначения (земельных долей, а также земель из фонда перераспределения)⁸.

Особенности Воронежской области

Активный рост численности фермеров в Воронежской области проходил вплоть до 1993 года. Затем, в отличие от других областей ЦЧР, где сокращение КФХ было отмечено уже в 1994 году из-за ослабления внимания государства к фермерскому сектору, здесь на протяжении еще двух лет сохранялся небольшой прирост количества фермерских хозяйств. Заслуга в этом принадлежала исключительно местным властям, которые взяли на себя все обязательства по поддержке фермеров. В 1995 году было принято постановление главы областной администрации «О мерах по поддержке крестьянских (фермерских) хозяйств», целью которого стало оказание практической помощи фермерам по финансированию и сохранению льготного кредитования КФХ, обеспечению их сельскохозяйственной техникой, созданию социальной и производственной инфраструктуры путем электрификации, водоснабжения, газификации, проведения автодорог⁹. Большое значение имел и Закон Воронежской области «О регулировании земельных отношений», в котором гораздо раньше, чем на федеральном уровне, были разрешены вопросы купли-продажи, залога, дарения, наследования земельных участков; защиты земельных прав, земельных споров; ведения земельного кадастра; платы за землю¹⁰. По полноте регу-

8. Постановление главы администрации Белгородской области от 07.02.1997 № 70 «О мерах по выходу сельскохозяйственного производства из кризиса» / URL: <https://docs.cntd.ru/document/469028847> (дата доступа: 18.05.2021).

9. Постановление главы администрации Воронежской области от 16.08.1995 № 866 «О мерах по поддержке крестьянских (фермерских) хозяйств в 1995 году» / URL: <https://base.garant.ru/18101781/> (дата доступа: 18.08.2021).

10. Закон Воронежской области от 25.05.1995 № 18-з «О регулировании земельных отношений в Воронежской области» / URL: <https://docs.cntd.ru/document/460161357> (дата доступа: 18.05.2021).

лирования земельных отношений он фактически являлся земельным кодексом Воронежской области.

В целом в Воронежской области сложилась наиболее благоприятная по ЦЧР ситуация для развития КФХ в первое десятилетие их существования. В период с 1991 по 2001 год здесь только дважды отмечалось некоторое сокращение количества фермерских хозяйств: в 1996 году (на 51 единицу) и в 1998 году (более заметное — на 137 единиц). После каждого случая снижения численности КФХ в Воронежской области в последующий год вновь происходило увеличение их количества, благодаря чему число фермеров поддерживалось примерно на одном уровне. Местная власть своевременно реагировала на негативные изменения и предпринимала необходимые меры. Была принята Областная целевая программа развития КФХ, в которой отмечалось, что в 1995–1997 годах из-за «полного прекращения финансовой помощи со стороны государства... показатели развития фермерских хозяйств резко снизились», и «особенно болезненно это сказалось на вновь организованных хозяйствах»¹¹. В связи с этим начиная с 1995 года финансирование воронежских фермеров осуществлялось за счет средств областного бюджета как на возвратной, так и на безвозмездной основе. Размер этой помощи год от года возрастал (см. табл. 1).

Таблица 1. Финансирование КФХ Воронежской области в 1994–2000 годах (по расчетам Главного управления сельского хозяйства и Воронежской областной АККОР «Нива»)¹²

Финансирование за счет средств областного бюджета	1994 (отчет)	1995 (отчет)	1996 (отчет)	1997 (отчет)	2000 (прогноз)
Общий объем (млн руб.)	—	500	119	1850	8500
В том числе:					
на безвозмездной основе	—	300	119	750	1000
на возвратной основе	—	200	—	1100	7500

11. Постановление главы администрации Воронежской области от 29.12.1997 № 1310 «Об областной целевой программе развития крестьянских (фермерских) хозяйств и кооперативов на 1997–2000 годы» / URL: <https://base.garant.ru/18104623/> (дата доступа: 18.08.2021).
12. Постановление главы администрации Воронежской области от 29.12.1997 № 1310 «Об областной целевой программе развития крестьянских (фермерских) хозяйств и кооперативов на 1997–2000 годы» / URL: <https://base.garant.ru/18104623/> (дата доступа: 18.08.2021).

В 1999 году на федеральном уровне было возобновлено оказание помощи КФХ. Постановление правительства «О государственной поддержке крестьянских (фермерских) хозяйств в 1999 году» определило приоритетность данного направления и установило в качестве основной формы государственной поддержки предоставление некоторых налоговых и иных льгот¹³, что положительно отразилось на росте численности КФХ в Воронежской области (см. график рис. 1). В 2000 году прирост фермерских хозяйств здесь составил 369, в 2001 году — 287 единиц.

Воронежская область стала единственной областью в Центральном Черноземье, где к 2001 году численность КФХ превысила уровень 1993 года (т. е. последнего года накануне отказа государства от всесторонней поддержки фермеров).

Особенности Курской области

В первые два года реформы в Курской области темпы создания фермерских хозяйств были самыми низкими в регионе. В 1992 году по сравнению с предыдущим годом количество КФХ здесь увеличилось в 3 раза, тогда как в остальных областях ЦЧР рост составил 4–5 раз (рассчитано по таблице рис. 1). Недостатка в желающих хозяйствовать самостоятельно не было, однако местные власти под разными предлогами часто отказывали им в предоставлении земли. В 1992 году в Курской области работала комиссия из Москвы по фактам противодействия и волокиты в организации фермерских хозяйств со стороны председателей комитетов по земельной реформе Большесолдатского и Щигровского районов¹⁴. Данные обстоятельства существенно тормозили процесс образования КФХ, несмотря на это, рост их количества в Курской области продолжался вплоть до 1993 года.

В период с 1994 по 2000 год здесь отмечалось стабильное сокращение числа фермерских хозяйств. Ежегодно прекращали свою деятельность более 100 КФХ, в 1997 году этот показатель достиг 214. В течение данного времени Курская областная дума принимала нормативно-правовые акты, необходимые для активизации процесса образования КФХ¹⁵, однако практического действия они, похоже, не возымели.

13. Постановление Правительства РФ от 03.05.1999 № 481 «О государственной поддержке крестьянских (фермерских) хозяйств в 1999 году» / URL: <https://docs.cntd.ru/document/901732578> (дата обращения: 11.05.2021).

14. Курская правда. 1992. 1 августа.

15. Постановление Курской областной думы от 06.05.1995 № 87-8-8 «О регулировании земельных отношений в Курской области» // Курская правда. 1995. 4 июля; Постановление Курской областной думы от 12.09.1997 № 103-II ОД «О Курском областном фонде поддержки АПК» / URL:

Только в 2001 году, впервые за 8 лет, в Курской области произошел прирост КФХ сразу на 92 единицы. Данное обстоятельство можно объяснить возобновлением в 1999 году господдержки фермерских хозяйств и появлением у фермеров надежды на лучшее в связи с принятием Земельного кодекса РФ.

Особенности Липецкой области

Как и в других областях ЦЧР, сокращение численности КФХ здесь началось в 1994 году и было прямым следствием изменения государственной политики в отношении фермерства. Данный процесс приобрел устойчивый характер и продолжился вплоть до 2001 года. Обвальным стал 1995 год, когда прекратили свою деятельность 190 фермерских хозяйств; в 1996 году перестали существовать еще 76 КФХ. В последующие годы сокращение сохранялось, но было уже не таким значительным.

Исключение составил 1997 год, когда произошел небольшой прирост числа фермерских хозяйств — на 20 единиц. Объяснение этому видится в принятии президентского Указа от 7 марта 1996 года, а также Областной программы развития и поддержки фермерских хозяйств на 1997–2000 годы, где предусматривалось увеличение земельного размера КФХ за счет фонда перераспределения, строительство объектов социальной и производственной инфраструктуры, выделение средств на товарное кредитование, земельное и социальное обустройство фермерских хозяйств¹⁶.

Затянувшийся в Липецкой области процесс сокращения КФХ был вызван большим числом хозяйств, прекращавших свою деятельность. Одной из причин этого явилась проблема малоземелья. Даже в 2000 году, когда господдержка КФХ была возобновлена, две трети липецких фермеров имели земельные участки площадью менее 50 га, что затрудняло ведение ими товарного хозяйства¹⁷. Другая причина крылась в большом количестве необрабатываемых фермерами земель из-за тяжелого экономического положения, а также отсутствия у многих из них необходимого образования и опыта работы в сельском хозяйстве. Местные власти вели активную работу по изъятию таких земель у фермеров¹⁸.

<https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/393062> (дата доступа: 18.08.2021).

16. Постановление главы администрации Липецкой области от 23.07.1997 № 361 «О мерах по дальнейшему развитию фермерского движения в области» / URL: <https://docs.cntd.ru/document/428571201/titles> (дата доступа: 15.07.2021).
17. ТА Липецкстат. Аналитическая записка. О деятельности КФХ Липецкой области за 1990–1999 гг. С. 3.
18. Постановление главы администрации Липецкой области «О соблюдении земельного законодательства в области и фактах неудовлетворительно-

В первые два года существования фермерства в Тамбовской области было отмечено самое высокое по ЦЧР число желающих образовать КФХ. В 1992 году прирост составил 2953 человека, в 1993 году — 1012 человек. Естественное развитие данного процесса усилилось благодаря тому, что в результате голодовки, проведенной тамбовскими фермерами в Москве в декабре 1992 года¹⁹, областная АККОР «Возрождение» смогла добиться выделения дополнительных льготных кредитов для местных фермеров. Объем кредитов превышал запросы фермеров, поэтому поток желающих хозяйствовать самостоятельно не иссякал.

В 1994 году в области началось сокращение фермерских хозяйств, которое приобрело устойчивый характер и продолжалось вплоть до 2001 года, в то время как в других областях Центрального Черноземья после временного снижения возобновлялся рост количества КФХ. Одной из причин этого явилось прекращение государственной поддержки фермеров, которые теперь могли рассчитывать только на помощь со стороны местных властей. Однако областной бюджет не мог в полной мере компенсировать отсутствие федеральных льготных кредитов, и число разорившихся фермерских хозяйств стало расти. Вторая причина, по мнению Д. Д. Сазоновой, заключалась в том, что к 1994 году здесь в основном «был исчерпан “человеческий” потенциал» для создания новых КФХ, поэтому «убыль за счет прекративших свою деятельность хозяйств уже не могла быть восполнена притоком новых фермеров» (Сазонова, 2007: 6).

Тамбовская область характеризовалась также самым крупным в ЦЧР сокращением КФХ: в 1994 году здесь перестало существовать 209 фермерских хозяйств, в 1995-м — 308, в 1996-м — 458, в 1997-м — 123, в 1998-м — 158, в 1999-м — 128, в 2000-м — 45, в 2001 году — 27. Приостановить этот процесс не смогла даже призванная стабилизировать ситуацию деятельность местной власти по финансированию, кредитованию, моральному и материальному поощрению фермеров²⁰. Лишь к 2000

И. В. Логунова,
В. Н. Уродовских
Динамика развития крестьянских (фермерских) хозяйств в годы аграрной реформы (1991–2001) в областях Центрального Черноземья

го использования земель сельскохозяйственного назначения» от 3 октября 1994 г. // Ведомости. 1994. № 10.

19. Российская газета. 1992. 8 декабря.

20. Распоряжение администрации Тамбовской области от 09.03.1995 № 82-р «Об утверждении положения о порядке кредитования и финансирования крестьянских (фермерских) хозяйств в 1995 году» / URL: <https://base.garant.ru/28108669/> (дата доступа: 11.09.2021); Закон Тамбовской области от 18.03.1997 № 101-З «О регулировании земельных отношений в Тамбовской области» / URL: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/623284> (дата доступа: 11.09.2021); Постановление главы администрации Тамбовской области от 29.07.1997 № 472 «Об утверждении положения о поощрении крестьянских (фермерских) хозяйств и межфермерских кооперативов,

году процесс сокращения фермерских хозяйств в Тамбовской области перестал быть обвальным и приобрел умеренный характер (см. рис. 1).

Анализ основных тенденций в изменении величины среднего размера КФХ по ЦЧР

Динамика роста среднего размера крестьянских (фермерских) хозяйств в 1991–2001 годах представлена на рисунке 2.

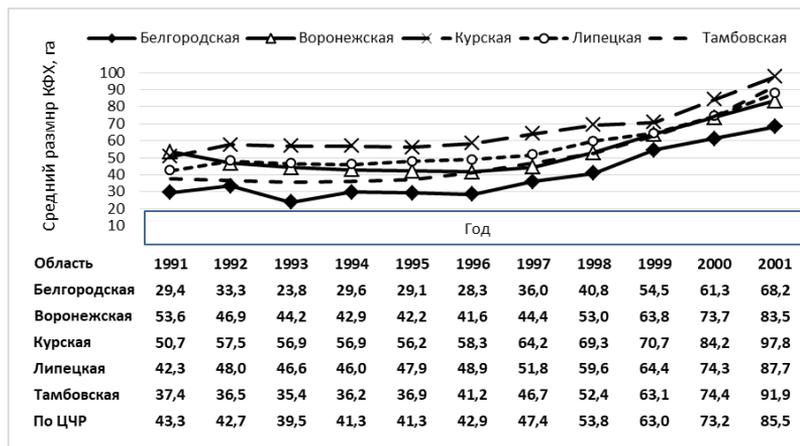

Рис. 2. Динамика среднего размера КФХ, га

В первой половине 1990-х годов динамика среднего размера КФХ напрямую была связана с изменением их количества. Во время активного роста числа фермерских хозяйств в 1991–1993 годах во всех областях ЦЧР средние размеры КФХ были крайне малы; по мере того как с 1994 года численность фермеров стала сокращаться, начал увеличиваться средний размер КФХ. И если в Воронежской области, в отличие от остальных областей ЦЧР, количество КФХ продолжало расти вплоть до 1995 года, то и средний размер фермерского хозяйства здесь уменьшался по 1995 год включительно (см. рис. 2).

Переломным стал 1996 год, когда в результате принятия президентского указа «О реализации конституционных прав граждан на землю» и соответствующих местных нормативно-правовых актов был наведен порядок с землепользованием фермеров, и с 1997 года во всех областях Центрального Черноземья отмечалось ежегодное увеличение среднего размера КФХ.

активно участвующих в реализации целевых программ» / URL: <https://tambov-gov.ru/doc/59062> (дата доступа: 11.09.2021).

Особенно активное приращение среднего размера фермерских хозяйств в целом по ЦЧР происходило в период с 1999 по 2001 год, это было следствием возобновления государственной поддержки фермеров в виде выделения средств на льготное кредитование, создание объектов инфраструктуры, межфермерскую кооперацию, а также введения налоговых льгот²¹.

В целом в пореформенное десятилетие во всех областях ЦЧР произошел рост среднего размера КФХ в 1,5–2 раза, самый высокий показатель — в 2,4 раза — был отмечен в Тамбовской области.

Особенности Белгородской области

В Белгородской области отмечался самый малый по ЦЧР размер крестьянского (фермерского) хозяйства, до 1996 года он практически не превышал 30 га.

Произошедший здесь в 1992 году самый большой за годы реформы прирост КФХ не повлек за собой снижение среднего размера хозяйств, а, напротив, сопровождался его увеличением с 29 до 33 га. Это объяснялось тем, что соразмерно росту числа белгородских фермеров происходило и увеличение площади предоставленных им земель (см. рис. 1, 3).

С 1997 года в области наметилась тенденция к увеличению среднего размера КФХ, которая сохранялась вплоть до 2001 года (самый заметный прирост — на 13 га — произошел в 1999 году). Добиться этого удалось благодаря введению в действие на территории Белгородской области Положения об аренде земельных долей и Временного порядка оформления сделок по купле-продаже земельных долей и земель, находящихся в собственности крестьянских (фермерских) хозяйств, утвержденных постановлениями главы администрации Белгородской области²².

Особенности Воронежской области

В первый год существования фермерства в Воронежской области имел место самый крупный по ЦЧР средний размер КФХ. Мест-

21. Постановление Правительства РФ от 03.05.1999 № 481 «О государственной поддержке крестьянских (фермерских) хозяйств в 1999 году» / URL: <https://docs.cntd.ru/document/901732578> (дата доступа: 11.05.2021).

22. Постановление главы администрации Белгородской области от 07.02.1997 № 70 «О мерах по выходу сельскохозяйственного производства из кризиса» / URL: <https://docs.cntd.ru/document/469028847> (дата доступа: 18.05.2021); Постановление главы администрации Белгородской области от 29.09.1997 № 445 «Об утверждении Положения об аренде земельных долей на территории Белгородской области» / URL: <https://docs.cntd.ru/document/469027132> (дата доступа: 11.09.2021).

ная власть стремительно отреагировала на решения II Внеочередного съезда народных депутатов РСФСР. Уже 27 декабря 1990 года президиум Воронежского областного совета народных депутатов утвердил «Порядок предоставления земель КФХ в Воронежской области», который был разработан постоянной Комиссией по земельным вопросам и ЦЧО НИИ Гипрозем. В январе 1991 года для председателей районных, городских, поселковых и сельских советов были проведены семинары по реализации земельной реформы (Ершов, 2020).

Однако на протяжении последующих пяти лет средний размер КФХ здесь ежегодно сокращался, с одной стороны, по причине продолжавшегося роста численности фермерских хозяйств; с другой стороны, из-за отсутствия возможности увеличения размеров КФХ из других источников, помимо фонда перераспределения земель, площадь которого была ограничена.

Вернуть средний размер КФХ на уровень 1991 года в Воронежской области удалось лишь в 1998 году. Это было связано с началом реализации Областной целевой программы развития крестьянских (фермерских) хозяйств и кооперативов на 1997–2000 годы, в которой была четко поставлена задача укрупнения фермерских хозяйств за счет аренды свободных или высвобождающихся земель²³. Планировалось, что к 2000 году средний размер сельхозугодий в расчете на одно хозяйство составит 43 га. На практике этот показатель был значительно превышен и достиг в 2000 году 71 га, а в 2001 году — 83 га земли.

Особенности Курской области

Курская область — единственная в ЦЧР, где на протяжении всего рассматриваемого периода происходил стабильный ежегодный рост среднего размера КФХ. Небольшая пауза в этом процессе наступила в 1994–1995 годах, что напрямую было связано с прекращением господдержки фермерских хозяйств. В это время участились случаи добровольного отказа фермеров от земли. В Железногорском районе Курской области только в августе 1994 года подобные заявления подали 10 глав КФХ, на основании чего у них было изъято 472,3 га земли²⁴. За счет высвободившейся земли фермеры, крепко стоявшие на ногах, смогли расширить свои земельные наделы.

23. Постановление главы администрации Воронежской области от 29.12.1997 № 1310 «Об областной целевой программе развития крестьянских (фермерских) хозяйств и кооперативов на 1997–2000 годы» / URL: <https://base.garant.ru/18104623/> (дата доступа: 18.08.2021).

24. Курская правда. 1994. 23 сентября.

В 1992–2001 годах в Курской области имели место самые высокие по ЦЧР размеры КФХ, лишь в 1991 году по данному показателю ее немного обогнала Воронежская область (см. рис. 2). С 1995 года устойчивый рост среднего размера фермерского хозяйства в области происходил на фоне стабильного сокращения количества КФХ.

Особенности Липецкой области

В ходе реформы в Липецкой области неоднократно отмечался заметный прирост среднего размера КФХ: в 1992 году он составил 6 га, в 1998-м — 8 га, в 2000-м — 10 га, в 2001 году — 11 га.

Процесс непрерывного увеличения среднего размера КФХ приостановился здесь в 1993–1994 годах, но затем продолжился вновь. Данное обстоятельство объясняется тем, что к 1994 году земли фонда перераспределения земель уже иссякли, и лишь начавшийся в то время по причине прекращения помощи со стороны государства распад фермерских хозяйств привел к высвобождению новых земель, за счет которых более крепкие КФХ смогли увеличить свои размеры.

В Липецкой области сложилась ситуация неравномерного распределения земли среди фермеров. Наряду с хозяйствами крайне малых размеров функционировали и гигантские КФХ площадью более 100 га. Даже в 2000 году, когда уже действовал механизм расширения хозяйств за счет аренды земли, 37% липецких КФХ имели площадь от 2 до 20 га, а 17% — свыше 100 га. При этом средний размер фермерского хозяйства составлял 74 га²⁵.

Особенности Тамбовской области

В начальный период аграрной реформы с 1991 по 1995 год в Тамбовской области средний размер КФХ практически оставался неизменным и составлял 37 га, он немного понизился (на 1–2 га) в 1993–1994 годах в связи с истощением земельных запасов фонда перераспределения.

С 1996 по 2001 год в области происходило постоянное увеличение среднего размера фермерских хозяйств: поначалу на 3–5 га, а с 1999 года — на 11–15 га. Количество КФХ, прекративших свою деятельность, с каждым годом росло, что приводило к высвобождению земель и пополнению фонда перераспределения. К тому же в результате принятия указа президента «О реализации конституционных прав граждан на землю», а также Закона Тамбов-

25. ТА Липецкстат. Аналитическая записка. О деятельности КФХ Липецкой области за 1990–1999 гг. С. 3.

ской области «О регулировании земельных отношений» у тамбовских фермеров появилась возможность неограниченной аренды земли²⁶.

В целом по ЦЧР средний размер КФХ в Тамбовской области был невысоким. С 1991 по 1999 год из пяти областей Центрально-Черноземного экономического района по данному показателю Тамбовская область занимала стабильно четвертое место (на последнем пятом месте находилась Белгородская область). Лишь в 2000 году по среднему размеру КФХ области удалось подняться сначала на третье, а в 2001 году — уже на второе место, уступив лишь Курской области.

Анализ основных тенденций в изменении размеров площади предоставленных КФХ земель по ЦЧР

Изменение размеров площади предоставленных КФХ земель по областям ЦЧР можно проследить на рисунке 3²⁷.

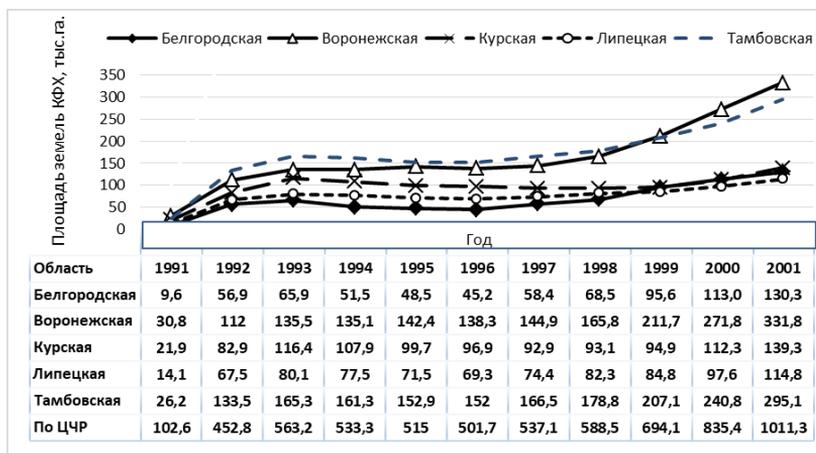

Рис. 3. Динамика площади земель, предоставленных КФХ, тыс. га

В 1992 году в связи с ростом желающих образовать фермерское хозяйство произошло резкое увеличение площади земель, предоставленных КФХ: в Воронежской области — в 3,6 раза, в Курской — в 3,8 раза, в Липецкой — в 4,7 раза, в Тамбовской — в 5,1

26. См.: ст. 49 закона Тамбовской области от 18.03.1997 № 101-З «О регулировании земельных отношений в Тамбовской области» / URL: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/623284> (дата доступа: 15.04.2021).

27. В связи с отсутствием данных по Белгородской и Воронежской областям за 2000 год приведены среднеарифметические значения за предыдущий и последующий годы.

раза, в Белгородской — в 5,9 раза (рассчитано по таблице рис. 3). Данная тенденция сохранилась и в 1993 году.

В период с 1994 по 1996 год во всех областях ЦЧР, кроме Воронежской, объем земельных площадей КФХ стабильно сокращался. Объяснялось это тем, что после отказа государства от всесторонней поддержки фермерства, с одной стороны, заметно поубавилось количество желающих хозяйствовать самостоятельно, с другой стороны, возросло число фермерских хозяйств, прекративших свою деятельность.

С 1997 года вновь начался процесс устойчивого ежегодного прироста земельных площадей КФХ, который продолжался вплоть до 2001 года. В отличие от 1992–1993 годов этот прирост был не резким, а постепенным (см. рис. 3).

В целом в пореформенное десятилетие имело место увеличение доли предоставленных КФХ земель в общей площади сельхозугодий, правда, развитие данного процесса проходило с переменным успехом и разной степенью интенсивности.

Особенности Белгородской области

В 1992–1993 годах в Белгородской области имело место самое значительное среди всех областей ЦЧР увеличение размеров предоставленных фермерам земель: в 1992 году по сравнению с 1991 годом в 6 раз, в 1993 году — в 7 раз (для сравнения: в остальных областях площадь земель КФХ возросла в 4–5 раз).

В 1994–1996 годах происходило уменьшение площади земель КФХ, что напрямую было связано с характерным для того времени во всех областях ЦЧР сокращением численности фермерских хозяйств.

В 1997 году в ответ на принятие постановления «О мерах по выходу сельскохозяйственного производства из кризиса», создавшего в области благоприятные условия для развития арендных отношений, вновь начался прирост земельной площади фермерских хозяйств, который не прекращался до 2001 года. В 1997 году земли КФХ увеличились на 13,2 тыс. га, в 1998 году — на 10,1 тыс. га, в 1999 году — на 27,1 тыс. га; в 2001 году по сравнению с 1999 годом их прирост составил 34,7 тыс. га.

Особенности Воронежской области

В Воронежской области процесс прироста выделенных КФХ земель практически не прекращался на протяжении всего рассматриваемого десятилетия. Лишь дважды за это время было отмечено крайне малое (по сравнению с другими областями) снижение земельных площадей КФХ: в 1994 году — на 0,4 тыс. га, в 1996 году — на 4,1 тыс. га. Тому имелись объективные причины. Прекращение гос-

И. В. Логунова,
В. Н. Уродовских
Динамика развития крестьянских (фермерских) хозяйств в годы аграрной реформы (1991–2001) в областях Центрального Черноземья

поддержки фермеров в 1994 году повлекло за собой ухудшение экономического положения КФХ: часть хозяйств распадалась, другая — пыталась выживать, но работать в полную мощность у них не было сил. В результате стало увеличиваться количество неиспользуемой (заброшенной) земли, которая у фермеров изымалась. В 1996 году принятие президентского указа от 7 марта инициировало переоформление прав владельцев КФХ на землю из пожизненно наследуемого владения и бессрочного пользования в собственность. Возникшие вследствие этого волокита и дополнительные финансовые затраты на оформление документов и межевание земельных участков усугубляли положение. Однако оперативное реагирование областной власти путем грамотного правового регулирования данных процессов позволяло быстро корректировать ситуацию.

Воронежская область — единственная в ЦЧР, где земельные площади КФХ в пореформенное десятилетие не сокращались, а увеличивались.

Особенности Курской области

В Курской области после 1993 года имело место более длительное, чем в других областях ЦЧР, сокращение площади земель КФХ. Здесь этот процесс продолжался до 1997–1998 годов, тогда как в остальных областях он завершился уже в 1996 году. Из постановления курского губернатора А. В. Руцкого, занявшего эту должность в 1996 году, следует, что в первой половине 1990-х годов в области сложилась «система бесконтрольности и невмешательства» глав администраций районов и начальников райсельхозуправлений в хозяйственную деятельность сельхозпроизводителей²⁸, что негативно отразилось и на ситуации с землепользованием фермеров.

Следующее после 1993 года существенное приращение предоставленных фермерам земель произошло в 2000–2001 годах.

Особенности Липецкой области

В Липецкой области в 1994–1996 годах, так же как и в других областях ЦЧР, имело место незначительное снижение площади предоставленных КФХ земель (в пределах от 2 до 6 тыс. га). Ситуация нормализовалась в 1997 году вследствие предпринятых местной властью мер по реализации президентского указа от 7 марта 1996 года. В частности, был утвержден Порядок выкупа органами мест-

28. Постановление губернатора Курской области от 17.05.1997 № 678 «О повышении ответственности за представляемую государственную и оперативную отчетность по агропромышленному комплексу» / URL: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/405005> (дата доступа: 10.07.2021).

ного самоуправления земельных долей для пополнения фонда перераспределения земель с целью последующей их передачи в аренду или собственность владельцам фермерских хозяйств²⁹.

Самые значительные приращения предоставленных КФХ земель имели место в 1992–1993 годах в период активного создания фермерских хозяйств и в 2000–2001 годах, когда у фермеров появилась реальная возможность увеличивать размеры хозяйства за счет аренды земельных долей работников сельхозпредприятий и земель фонда перераспределения.

В целом общий объем земельных площадей КФХ в Липецкой области в пореформенное десятилетие поддерживался примерно на одном и том же уровне, о чем свидетельствует «ровная кривая» на рисунке 3.

Особенности Тамбовской области

Все изменения, связанные с увеличением и сокращением земельных площадей КФХ в пореформенное десятилетие, в Тамбовской области совпадали с общими тенденциями по ЦЧР.

С 1992 по 1998 год здесь отмечался самый большой по сравнению с другими областями размер площади предоставленных КФХ земель, что объяснялось рекордным количеством образованных здесь фермерских хозяйств. Только в 1991 году, а также в 1999–2001 годах Тамбовскую область по данному показателю опережала Воронежская область.

Заключение

В ходе аграрной реформы 1991–2001 годов фермеры Центрального Черноземья пережили естественный отбор. Становление фермерского уклада было поставлено в зависимость от множества факторов — государственной поддержки, отношения местных властей, наличия или отсутствия помощи со стороны коллективных сельхозпредприятий, личных мотивов и подготовленности владельцев КФХ. В результате отсеялись хозяйства крайне малых размеров, с тяжелым финансовым состоянием и созданные случайными людьми; они составили треть всех КФХ. К 2001 году численность фермеров стабилизировалась, произошло увеличение в 1,5–2 раза площади предоставленных им земель и величины среднего размера КФХ. Сумевшие выдержать «испытание на прочность» фермеры получили новые возможности для своего развития.

29. Постановление главы администрации Липецкой области от 18.09.1996 № 422 «О порядке выкупа земельных долей» / URL: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/423349> (дата доступа: 15.07.2021).

- Баландин Ю. С. (1992). Крестьянское хозяйство. М.: Агропромиздат.
- Башмачников В. Ф. (2009). Возрождение фермерства в России: (взгляд очевидца и авангардного участника). Казань: Идел-Пресс.
- Данилов В. П. (1994). Аграрная реформа в постсоветской России (взгляд историка) // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития / Под ред. Т. И. Заславской, Л. А. Арутюнян. М.: Интерпракс. С. 125–136.
- Доморацкая М. П., Романович Н. А., Хайкин С. Д. (1991). Будущие фермеры — кто они? // Актуальные проблемы стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночной экономике. Воронеж–Ижевск.
- Ершов И. (2020). Первые Воронежские фермеры были поставлены властью на грань выживания. URL: <https://bloknot-voronezh.ru/news/pervye-voronezhskie-fermery-by-li-postavleny-vlastyu-1214694> (дата доступа: 18.09.2021).
- Калугина З. И., Фадеева О. П. (2009). Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН.
- Кознова И. Е. (2000). XX век в социальной памяти российского крестьянства. М.: ИФРАН.
- Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 15–16 марта 1989 г. (1989). М.: Политиздат.
- Нефедова Т. Г. (2013). Трансформация сельского хозяйства России: мифология и реальность // Мир России. № 1. С. 29–60.
- Никольский С. А. (2001). Аграрная экономика, сельская общность и проблема социально-экономических укладов // Вопросы философии. № 12. С. 16–27.
- Петриков А. В. (1995). Специфика сельского хозяйства и современная аграрная реформа в России. М.: Энциклопедия российских деревень.
- Подобай Н. В. (2015). Зарубежный опыт функционирования фермерских хозяйств // Вестник Брянской государственной сельскохозяйственной академии. 2015 / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-funktsionirovaniya-fermerskih-hozyaystv> (дата доступа: 18.09.2021).
- Сазонова Д. Д. (2007). Ретроспективный экономический анализ деятельности фермерских хозяйств: результаты обследования в Тамбовской области. М.: Московский общественный научный фонд.
- Чубуков Г. В. (1993). Коллективный, семейный, личный и арендный подряд в сельском хозяйстве: правовые аспекты. М.: Наука.

Dynamics of the peasant (private) farms development during the agrarian reform (1991-2001) in the Central Black-Earth Region

Inna V. Logunova, PhD (History), Associate Professor, Department of Management and General Humanities, Lipetsk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation; Internatsionalnaya St. 12B, 398000 Lipetsk. E-mail: IVLogunova@fa.ru.

Viktor N. Urodovskikh, PhD (Engineering), Associate Professor, Department of Accounting and Information Technologies in Business, Lipetsk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation; Internatsionalnaya St., 12B, 398000 Lipetsk. E-mail: VNUrodovskikh@fa.ru.

Abstract. The article presents the results of the structural-dynamic analysis of the development of peasant (private) farms under the agricultural reform of 1991-2001 in the Central Black-Earth Region. The research is based on both published and unpublished

sources — materials from the archives of the State Statistics Committee of the Russian Federation, data of the territorial statistical bodies, from statistical collections and regulatory legal acts. Statistical data is presented in tables and graphs. The study of the dynamics of the farms' development in the period under study allowed the authors to identify general features of this process in the Central Black-Earth Region and its peculiarities in different areas of this region. The authors analyzed the number of farms, their average size, and the size of their land, and conclude that during the agrarian reform of 1991–2001, farmers of the Central Black-Earth Region were forced to fight for survival. Therefore, farms of extremely small size, in a poor financial situation and created by come-and-go people were eliminated; they made up a third of all farms. By 2001, the number of farmers had stabilized, there was a 1.5–2-fold increase in the area of farmers' land and in the size of the average farm. Farmers who managed to pass the 'test of strength' found new opportunities for development.

Key words: agrarian reform, farmers, peasant (farmer) economy, Central Black-Earth Region, number of farms, average size of farm, land area of farms

References

- Balandin Ju.S. (1992) *Krestjanskoe hozjajstvo* [Peasant Economy], Moscow: Agropromizdat.
- Bashmachnikov V. F. (2009) *Vozrozhdenie fermerstva v Rossii (vzgljad ochevidtsa i avangardnogo uchastnika)* [Revival of Farming in Russia (Assessment of the Eyewitness and Avantgarde Participant)], Kazan: Idel-Press.
- Danilov V. P. (1994) *Agrarnaja reforma v postsovetsoj Rossii (vzgljad istorika)* [Agrarian reform in post-Soviet Russia (Assessment of the Historian)]. Zaslavskaya T. I., Arutyunyan L. A. (red.). *Kuda idet Rossija? Alternativy obshhestvenno go razvitija*, Moscow: Interpraks, pp. 125–136.
- Domoratskaja M. P., Romanovich N. A., Hajkin S. D. (1991) *Budushchie fermery — kto oni?* [Future farmers — who are they?]. *Aktualnye problemy stabilizatsii narodnogo khozjajstva i perekhoda k rynochnoj ekonomike*, Voronezh-Izhevsk.
- Ershov I. (2020) *Pervye Voronezhskie fermery byli postavljeni vlastiju na gran vyzhivanija* [The first Voronezh farmers were put on the brink of survival]. URL: <https://bloknot-voronezh.ru/news/pervye-voronezhskie-fermery-byli-postavljeni-vlastiju-1214694>.
- Kalugina Z. I., Fadeeva O. P. (2009) *Rossijskaja derevnya v labirinte reform: sotsiologicheskie zarisovki* [Russian Village in the Labyrinth of Reforms: Sociological Sketches], Novosibirsk: IEOPP SO RAN.
- Koznova I. E. (2000) *XX vek v sotsialnoj pamjati rossijskogo krestjanstva* [20th Century in the Social Memory of the Russian Peasantry], Moscow: IF RAN.
- Materialy Plenuma Tsentralnogo Komiteta KPSS. 15–16 marta 1989 g. (1989) [Materials of the Plenum of the Central Committee of the CPSU. March 15–16, 1989], Moscow: Politizdat.
- Nefedova T. G. (2013) *Transformatsija selskogo hozjajstva Rossii: mifo-logija i realnost* [Transformation of Russian agriculture: Mythology and reality]. *Mir Rossii*, no 1, pp. 29–60.
- Nikolsky S. A. (2001) *Agrarnaja ekonomika, selskaja obshhnost i problema sotsialno-ekonomicheskikh ukladov* [Agrarian Economy, Rural Community and the Issue of Social-Economic Structures]. *Voprosy filosofii*, no 12, pp. 16–27.
- Petrikov A. V. (1995) *Spetsifika selskogo khozjajstva i sovremennaja agrarnaja reforma v Rossii* [Specifics of Agriculture and Contemporary Agrarian Reform in Russia.], Moscow: Entsiklopedija rossijskikh dereven.
- Podobaj N. V. (2015) *Zarubezhny opyt funkcionirovanija fermerskikh khozjajstv* [International patterns of farms' functioning]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhny-opyt-funkcionirovaniya-fermerskikh-hozyaystv>.

- Sazonova D. D. (2007) *Retrospektivny ekonomichesky analiz deyatelnosti fermerskih khozjajstv: rezultaty obsledovanija v Tambovskoj oblasti* [Retrospective Economic Analysis of Farms' Activities: Results of the Survey in the Tambov Region], Moscow: Moskovsky obshhestvenny nauchny fond.
- Chubukov G. V. (1993) *Kollektivny, semejny, lichny i arendny podryad v selskom khozjajstve: pravovye aspekty* [Collective, Family, Personal and Rental Contracts in Agriculture: Legal Aspects], Moscow: Nauka.

Площадь сельхозугодий, плотность населения и их динамика: опыт изучения взаимосвязей (на примере Бежецкого района Тверской области)¹

П. С. Лебедев, А. И. Алексеев

Павел Сергеевич Лебедев, аспирант факультета географии и геоэкологии Тверского государственного университета. 170021 Тверская область, г. Тверь, ул. Прошина, д. 3, корп. 2. E-mail: lebedevpavelgeo@gmail.com

Александр Иванович Алексеев, доктор географических наук, профессор кафедры экономической и социальной географии России МГУ. Москва, Ленинские горы, д. 1. E-mail: alival@mail.ru

Аннотация. Состоянию сельского хозяйства и системы расселения в Нечерноземном районе посвящено множество работ. Особенно популярен сюжет о постсоветской трансформации сельской местности. Известны основные закономерности современного развития, связанные с центр-периферийными и транспортно-географическими различиями в устойчивости сельских населенных пунктов и работоспособности сельского хозяйства. Целью данной статьи является попытка выявить взаимосвязь двух показателей — плотности населения и площади сельхозугодий на примере Бежецкого района Тверской области. В статье описывается система расселения района, проводится анализ пространственных изменений, прошедших за последние 160 лет, по ячейкам одинаковой площади сопоставляются показатели плотности населения и площади обрабатываемых земель. По результатам исследования сделаны выводы об эволюции системы расселения и трансформации сельскохозяйственной освоенности территории, о взаимосвязи показателей плотности населения и площади используемых сельскохозяйственных полей. В качестве заключения и обобщения перечисляются и раскрываются факторы устойчивости сельских населенных пунктов, характерные для Бежецкого района.

Ключевые слова: система расселения, сельскохозяйственные угодья, плотность населения, факторы устойчивости населенных пунктов, Бежецкий район

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-4-87-106

Бежецкий район — муниципальное образование в северо-восточной части Тверской области с административным центром в городе Бежецке. Издревле район являлся сельскохозяйственным, с XIX века основной отраслью его специализации было льноводство. В советский период Бежецк стал промышленным городом с единственным в СССР заводом льноуборочных комбайнов.

1. Исследование проведено при финансовой поддержке РНФ (проект № 21-17-00112).

Для неформального обозначения территорий, тяготеющих к Бежецку, используется словосочетание «Бежецкий Верх». Важно различать Бежецкий верх, которым именуется моренная возвышенность, протянувшаяся по территории Бежецкого, Кесовогорского, Краснохолмского, Рамешковского и Сонковского районов Тверской области, и «Бежецкий Верх», которым обозначают исторически связанные с Бежецком территории. Вторая трактовка во многом характеризует Бежецк как важный центр системы расселения. Современный город Бежецк — самый крупный в этой части области — на 2021 год его численность составляет около 20 тыс. человек. В часовой зоне доступности проживает порядка 100 тыс. человек, расположены 7 районных центров (Смирнов, Смирнова, Лебедев, 2020).

На протяжении последних 160 лет численность населения района неуклонно снижается. Так, на 1859 год в современных границах насчитывалось около 78 тыс. человек, к 1959 году численность населения составляла 65 тыс. человек, а к 2021-му всего 31 тыс. человек. В 1960-х годах произошел урбанистический переход, и городское население стало превалировать над сельским (рис. 1).

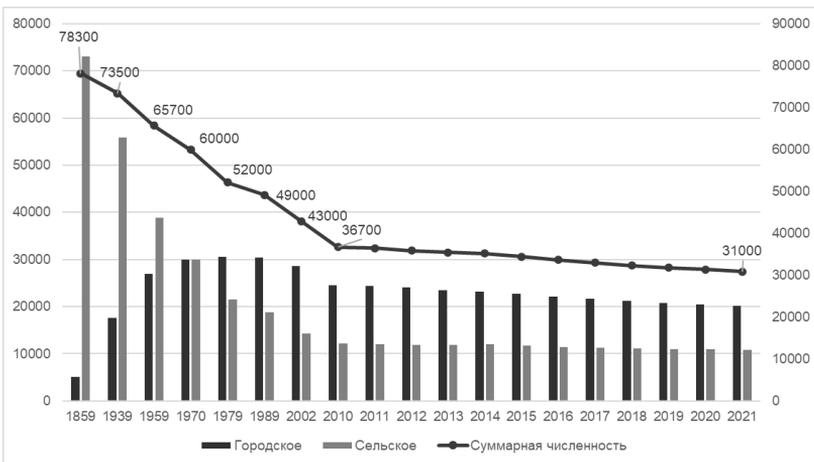

Рис. 1. Изменение численности населения Бежецкого района

Прошедшие политические и экономические изменения в стране за последние 30 лет в значительной степени отразились на малых территориях — небольших городах и сельской местности, поэтому целью нашего исследования стала попытка проследить эволюцию системы расселения и освоения земель Бежецкого района (в современных его границах), определить закономерности в наблюдаемых изменениях, взаимосвязи между объектами исследования. Изучение системы расселения основано на данных о людности сельских населенных пунктов (далее СНП), разновременных картографических и спутниковых материалах. Аналогично картографическая

и спутниковая информация составила основу для изучения сельскохозяйственных полей. Дальнейшая обработка информации проводилась в специализированных картографических программах: QGIS, ESRI ArcMap и ArcGIS Pro.

Эволюция системы расселения

Наиболее ранние, полные и доступные данные о системе расселения Бежецкого района приходятся на середину XIX века. Главным источником пространственной информации является карта А. И. Менде Тверской губернии 1853–1857 годов. О людности населенных пунктов известно по списку населенных мест за 1859 год. В середине XIX века, до того как через район прошла железная дорога, роль главных торговых и транспортных путей выполняли 8 трактов и водный путь по реке Мологе (рис. 2). Основные направления дорог ведут к важным торговым пунктам, таким как Тверь, Корчева (в 1930-х годах затоплена водами Иваньковского водохранилища), Кашин, с. Кой (и г. Углич), Рыбинск, Весьегонск, Вышний Волочек. Водный путь связывал Бежецкий край с Новгородской землей и давал выход на Волгу. По маршруту торгового пути, на берегу реки Мологи, процветало село Еськí, которое к 1859 году насчитывало чуть больше 2 тыс. жителей (при численности Бежецка около 5 тыс. человек). Территория района, за исключением залежённых и заболоченных земель на юге и западе, была практически полностью освоена. Сельские населенные пункты преимущественно сконцентрированы вокруг Бежецка, вдоль дорог и главных рек. На юге, вдоль реки Теблешки между Тверским и Корчевским трактами, существовала линейно-вытянутая система расселения, отделенная от остальной части района лесом.

К сожалению, отсутствие статистической информации с середины XIX века вплоть до 1970 года не позволяет проследить развитие системы расселения. На 1959 год по Бежецкому району доступен только перечень имеющихся СНП. Сопоставление списков населенных мест на 1859 и 1959 годы позволило обнаружить 82 новых населенных пункта. Из них большая часть размещена в северо-западной и западной частях района, на малоосвоенных землях. Из 82 возникших деревень к 2017 году сохранились только 23. Две наиболее крупные деревни насчитывают около 350 человек каждая. На многочисленных картах конца XIX века в этих же местах можно наблюдать множество населенных пунктов, наименований которых уже нет в списках в середине XX века, на современных космических снимках лишь иногда можно различить урочища (рис. 3). Этот факт позволяет выдвинуть гипотезу о том, что в период с 1859 по 1959 год система расселения разрасталась: часть деревень и хуторов были построены вольными крестьянами в дореволюционный период, а некоторые СНП возникли уже советский период.

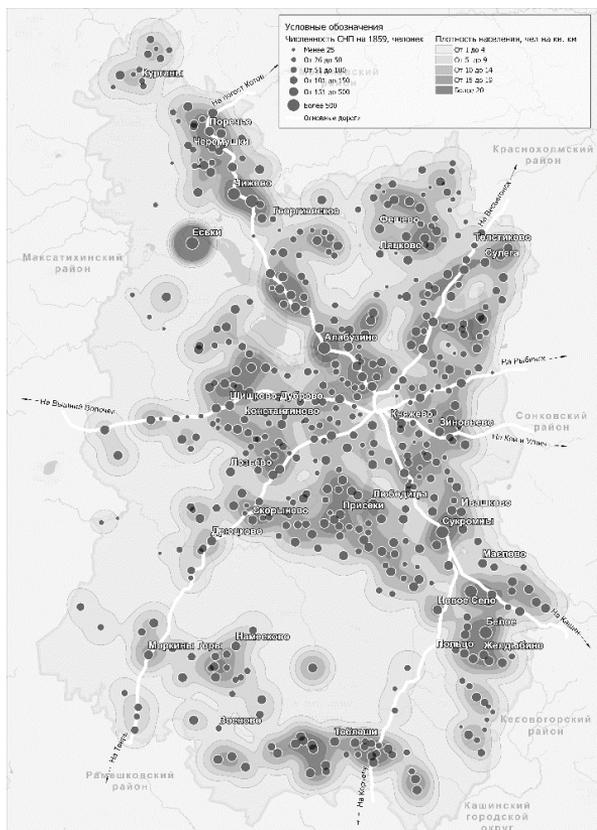

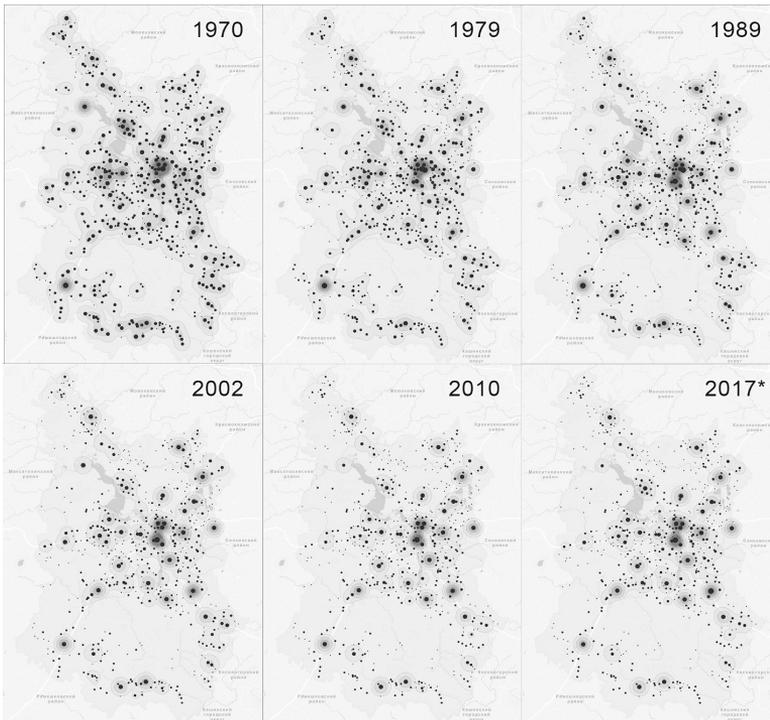
Рис. 2. Людность СНП и плотность населения в границах современного Бежецкого района на 1859 год

Рис. 3. Фрагмент карты Бежецкого уезда 1880–1890 гг. в окрестностях с. Еськи и с. Поречье и космоснимок территории на 2019 год (Landsat 8)

На карте, отражающей состояние системы расселения Бежецкого района в период с 1970 по 2017 год, видно, как постепенно сжимается и фрагментируется освоенная территория, теряют население практически все СНП (рис. 4). Выбранные интервалы по людности и плотности населения позволяют проводить сравнение с 1859 годом.

Отчетливо заметно, как деградировала система расселения на юге. После затопления Корчевы (водами Иваньковского водохранилища) была заброшена и дорога до города, поэтому сельские населенные пункты по реке Теблешке оказались в тупике — отвлении от Тверской дороги, с трех сторон закрытом непроходимыми лесами. Похожая ситуация сложилась и на северо-западе: дорога до погоста Котов изначально была тупиковой, но близость к водному пути с возможностью выхода на Волгу оживляла территорию.

Условные обозначения

Людность СНП, человек

• Без населения • Менее 25 • От 26 до 50 • От 51 до 100 • От 101 до 150 • От 151 до 500 • Более 500

Плотность населения, чел. на кв. км

От 1 до 4 От 5 до 9 От 10 до 14 От 15 до 19 Более 20

Рис. 4. Людность СНП и плотность населения на переписные даты с 1970 года
* Людность СНП на 2017 год получена из портала «Открытый бюджет. Тверская область» по данным о прописке.

Населенные пункты вблизи Бежецка и главных межрайонных дорог оказались наиболее устойчивыми к потерям населения. На фоне общей депопуляции в советское время им лучше удавалось удерживать население, а в некоторых случаях даже увеличивать. Так, например, с 1970 по 2010 год увеличилась плотность сельского населения в пригороде Бежецка, с севера и с юга. Сформировалось два ареала повышенной плотности. Первый на севере между трех деревень — Фралёво (Центр СП), Селезнево, Ивановское (деревня в границах Бежецка), второй за рекой Мологой между деревнями Пестиха и Старово-Подгороднее. В советское время в этих деревнях наблюдался рост населения, связанный, скорее всего, с притоком жителей из соседних деревень. Во Фралёво располагалось управление колхоза «Большевик», а в Пестихе — совхоза «Зареченский». В 1980-х годах и там, и там шло активное жилищное строительство.

В постсоветский период темпы депопуляции сельской местности только ускорились, приведя к разрывам ареалов плотности населения, к концентрации жителей в нескольких НП, имеющих выгодное транспортно-географическое положение. Вызывают недоверие данные 2017 года, которые свидетельствуют об увеличении населения в ряде СНП, поскольку они получены из портала «Открытый бюджет» по пропискам. Возможно, рост людности НП объясняется покупкой жилья и пропиской иммигрантов из Средней Азии — довольно распространенное явление для Тверской области. В некоторых случаях семьи иммигрантов остаются жить и являются единственными жителями деревни: известен подобный случай в деревне Холм в Сонковском районе, пока мужья работают на вахте в Москве или Твери, жены растят и воспитывают детей в деревне. Однако чаще всего прописка является фиктивной. В лучшем случае купленный дом попросту пустует, в худшем — разрушен.

Таблица 1. Общее число сельских населенных пунктов и количество СНП без населения на разные годы

	1859	1970	1979	1989	2002	2010	2017
Число населенных пунктов	519	487	436	378	336	296	309
Число СНП без населения	0	114	165	223	265	305	292
Суммарное число СНП	519	601	601	601	601	601	601

Кроме того, в ряде населенных пунктов, которые на последний переписной год числились обезлюдившимися, к 2017 году появилось население — около 28 единиц. При этом прирост населения в некоторых случаях составлял больше 10 человек. В населенном пункте

д. Ростовищи Фралёвского СП, расположенном на берегу озера Верстово, с 2010 года стало числиться 27 человек. Скорее всего, это объясняется разницей источников данных: данные переписи получены по результатам подворового обхода, а данные 2017 года собраны из документов о прописке. Основываясь на классификации СНП без населения, предложенной И. Н. Румянцевым и А. А. Смирновой (Румянцев, Смирнова, Ткаченко, 2019), 22 НП из 28 можно отнести к типам «обитаемые» и «оставленные» (12 и 10 соответственно). Под «обитаемыми» понимаются населенные пункты, по переписи не имеющие населения, но при просмотре спутниковых снимков обладающие явными признаками жизнедеятельности — огороды, новые постройки, крыши из современных материалов. «Оставленные» имеют постройки, контуры огородов, но их общий вид говорит о слабой хозяйственной деятельности на месте. Два последних типа — «Исчезнувшие» и «Пустоши» отличаются лишь степенью зарастания территории (рис. 5). При сопоставлении открытых снимков в программе Google Earth на конец 2000-х и 2020-е удалось увидеть, что нет сильных различий в освоенности «возродившихся» деревень тогда и сейчас, что позволяет говорить о формальном возрождении данных СНП без населения.

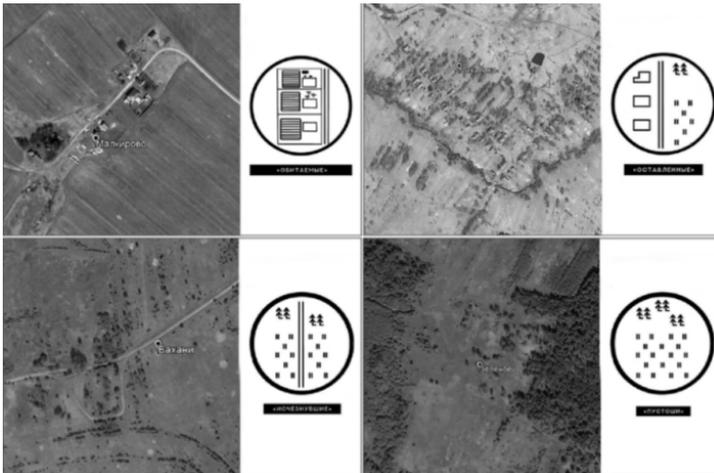

Рис. 5. Типология СНП без населения (по материалам И. Н. Румянцева и А. А. Смирновой)

Несмотря на это, все равно представляется интересным дальнейшее изучение данных деревень, потому что некоторые «возрожденные» СНП расположены на значительном удалении от дорог, в глуши лесов. Яркий пример — д. Заручье во Фралёвском сельском поселении. Деревня расположена у реки Уйвеша (рис. 6), вдоль которой ранее протягивалась целая группа сельских населенных пунктов. По данным 2017 года, только Заручье является населенным.

Рис. 6. Снимки четырех «возродившихся» населенных пунктов

Изменения освоенности земель

Параллельно с изменениями системы расселения происходит и хозяйственная трансформация, отражающаяся в первую очередь на обработке земли. В советский период на территории Бежецкого района функционировало 29 колхозов и совхозов, размещенных повсеместно по территории. К 2021 году крупных организаций осталось всего 15 — одно фермерское хозяйство, несколько СПК, два коллективных хозяйства, несколько обществ с ограниченной ответственностью. Крупными новыми игроками на территории стали ООО «Коралл» — агрохолдинг, специализирующийся на выращивании свиней и мясопереработке, а также ООО «Тверской урожай» — овцекозоводческое хозяйство. Кроме того, в районе зарегистрировано несколько десятков КФХ, поддерживающих жизнь на селе.

На карте представлены населенные пункты, сгруппированные по людности в интервалах, сопоставимых с предыдущими картами (рис. 7). Фоном показаны возделываемые земли на 1859, 1989, 2019 годы. Информацию о земле удалось получить из различных источников: на 1859 год по карте Менде, на 1989-й по космическим снимкам спутника Landsat 5, на 2019-й по снимкам спутника Landsat 8 и открытой спутниковой съемке высокого разрешения ESRI.

Возделывание земли в середине XIX века было тесно связано с выживанием, поэтому вокруг каждой деревни имеются обрабатываемые поля. Заселение территории и обработка земли были связаны между собой: низкая плодородность земли обусловила мелкоселенный характер расселения — густую сеть населенных пунктов

небольшой людности с малыми площадями обрабатываемых земель вокруг каждого из них. Интересным является пример с. Еськй на северо-западе района: при населении в 2 тыс. человек обрабатываемые земли практически отсутствовали. Во многом это связано со специализацией села — основные виды деятельности местных жителей: торговля, рыболовство и промыслы.

К концу 80-х годов XX века площади возделываемых земель были самыми обширными. Однако уточним: часть земель в этот период, возможно, уже не обрабатывалась, но спектральное разрешение спутниковой съемки не позволяет достоверно выделить такие поля. Поэтому рассматривая ситуацию, мы говорим скорее о более широком периоде — где-то с 1980 по 1989 год. Как отмечалось ранее, в каждой части района имелись сельскохозяйственные организации — колхозы и совхозы. К концу советского периода обрабатывались земли, бывшие ранее дикими и нетронутыми, например, на участке между дорогами на Тверь и Вышний Волочек. Можно предположить, что населенные пункты, возникшие там в период между 1859 и 1959 годами, появились уже в советское время, одновременно с процессом освоения земель.

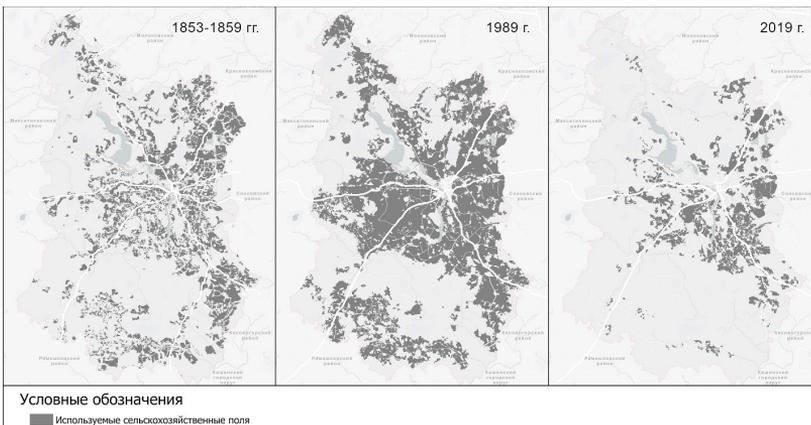

Рис. 7. Обрабатываемые земли на 1859, 1989, 2019 гг.

Ситуация на 2019 год отражает результаты процесса экономической трансформации страны в постсоветский период. Возделываемые сельскохозяйственные поля остались лишь на ближайшем расстоянии от Бежецка, ареал несколько вытянулся вдоль дорог на Кашин, Сонково, Весьегонск. На удаленных от районного центра территориях оказались закрыты практически все крупные сельскохозяйственные организации. Здесь все еще живут люди, но земля возделывается только в личном подсобном хозяйстве. Изменения в постсоветский период привели к возвращению числа площадей возделываемых земель на уровень середины XIX века, а на некоторых территориях

к полному забрасыванию. В сравнении с 1850-ми годами практически полностью не возделываемыми оказались земли на юге и северо-западе района. Объяснить причины таких изменений можно физико-географическими и социально-экономическими факторами.

Используемые сельскохозяйственные поля сохранились в ближайшем окружении Бежецка, на территориях с наиболее устойчивой системой расселения, а также к востоку от города, вдоль дорог к другим близлежащим районным центрам: Красному Холму, Сонково, Кесовой Горе. Восточную часть Бежецкого района, помимо близости к крупным центрам, отличают и относительно удачные физико-географические условия. По карте высот рельефа видно, что здесь начинается подъем возвышенности «Бежецкий Верх» (рис. 8.). Умеренно холмистый, возвышенный рельеф формирует хороший для сельского хозяйства водный режим почв: здесь не требуется создания и поддержания дорогостоящих мелиоративных систем отвода лишней воды. Кроме того, тип этих почв — дерново-подзолистый, а поверхностный слой по механическому составу по большей части представляет собой водопоглощаемый и влагоемкий безвалунный лёссовидный суглинок.

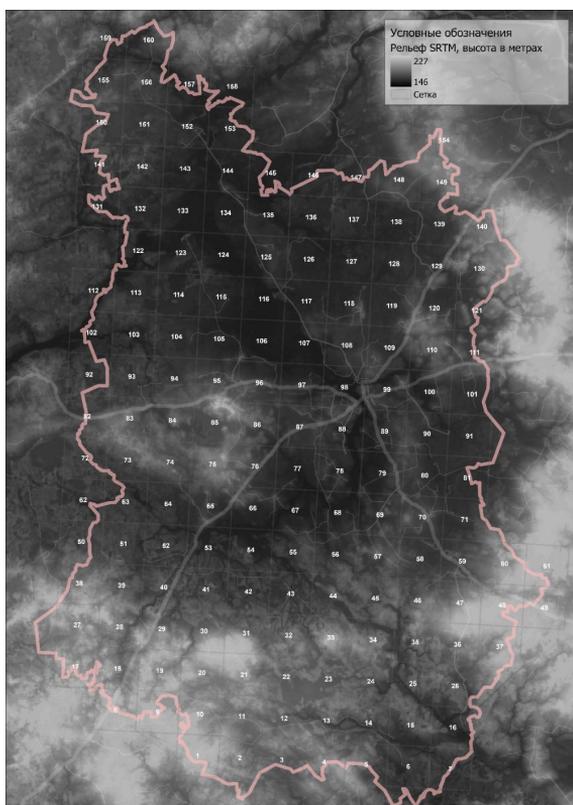

Рис. 8. Карта — цифровая модель высот Бежецкого района

Для объективного и более детального изучения прошедших изменений в системе расселения было проведено сравнение показателей плотности населения и площади возделываемых земель по унифицированным территориальным ячейкам. Территория Бежецкого района была покрыта сеткой из 159 квадратов площадью 20 км². Показатель площади с/х земель и плотности населения рассчитывался отдельно для каждой ячейки. В дальнейшем считалась динамика показателя от года к году. В данном случае для сравнения плотности населения использовались данные по переписным годам — 1989 и 2010 годы, для сельхозземель космические снимки на 1989 и 2019 годы. Результат сопоставления картографирован (рис. 9). В динамике плотности населения меньше всего теряли ячейки, расположенные в непосредственной близости от Бежецка, вдоль дорог, особенно на Тверь и Весьегонск, и около центров сельских поселений. В 4 ячейках наблюдается увеличение плотности, однако лишь о двух можно говорить о статистически значимом увеличении на 14 % и 20 % (ячейки № 120 и № 101). Сельскохозяйственные площади сократились повсеместно, но территории близ Бежецка отличает наименьший показатель убыли — до 25% площади. При этом существует пространственная неравномерность — среди близлежащих к райцентру ячеек меньше всего потеряли восточные. Причинами этого можно считать изначальную историческую освоенность земель, обязанную хорошему качеству почв, а также транспортную проницаемость территории и близость к другим районным центрам — Кесовой Горе, Сонково, Красному Холму. Удаленные территории на северо-западе и юге практически перестали обрабатываться.

Результат сопоставления двух показателей представлен на карте справа. Ячейки с двумя высокими показателями — территории, потерявшие меньше всего населения и площади обрабатываемых земель. Ячейки с высокими значениями размещены вокруг Бежецка с некоторым вытягиванием ареала на юго-запад по Тверской дороге, юго-восток по Кашинской, восток по Сонковской и северо-восток по Весьегонской. С запада и севера ареал «прижат» к Бежецку. При этом северо-западное направление отличает относительно невысокие потери в населении и значительные — в сельхозугодьях. Похожая картина и в самой южной части района — по дороге на Тверь. Карта иллюстрирует связанность двух показателей, при этом для сельхозугодий важна историческая освоенность территории (северо-западное направление на Поречье раньше возделывалось менее интенсивно, чем иные территории, удаленные на такое же расстояние от Бежецка), близость к районному центру, транспортная доступность места (южная часть района, оказавшаяся в тупике, со временем потеряла большую часть населения).

*П. С. Лебедев,
А. И. Алексеев*
Площадь сельхозугодий, плотность населения и их динамика: опыт изучения взаимосвязей

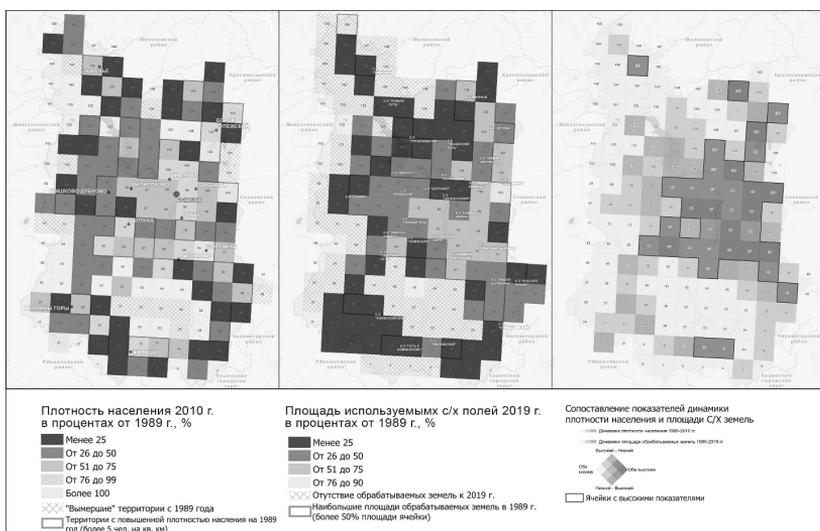

Рис. 9. Изменение показателей плотности населения и площади используемых сельскохозяйственных полей с 1989 по 2010–2019 гг.

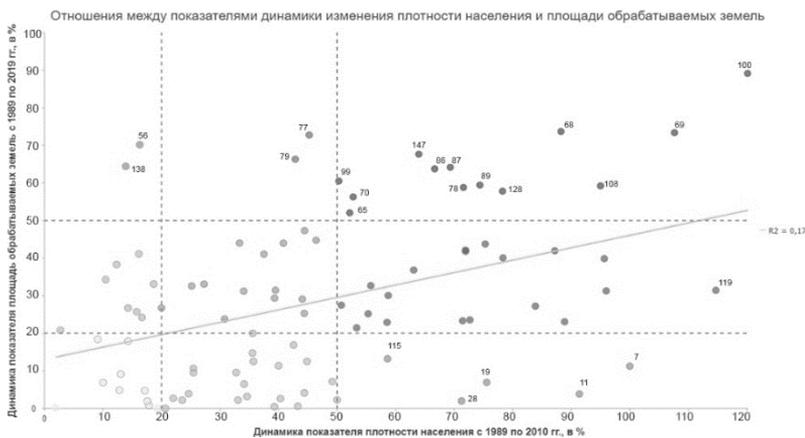

Рис. 10. График сопоставления показателей динамики плотности населения и площади обрабатываемых земель

К карте прилагается график сопоставления показателей динамики плотности населения и площади сельскохозяйственных угодий (рис. 10). Линейный тренд свидетельствует о некоторой зависимости двух показателей друг от друга: ячейки, в меньшей степени теряющие население, меньше теряют площади сельхозугодий. Однако коэффициент детерминации низкий — 0,17 (корреляции — 0,41), что говорит о слабой связи показателей друг с другом. Возможно, на изотропной равнине, с одним центром в виде Бежецка, законо-

мерность рассматриваемых показателей прослеживалась бы четче, но в реальных условиях такое невозможно наблюдать из-за того, что пространство неоднородно: где-то проходят региональные дороги, в некоторых ячейках расположены центры сельских поселений, а какие-то места имеют высокую рекреационную ценность.

Факторы устойчивости СНП

По результатам сопоставления можно выделить несколько факторов, влияющих на устойчивость сельских территорий, и различия между изучаемыми показателями:

- Заселенность и сельскохозяйственная освоенность — изначально наиболее освоенные и плотно заселенные территории оказались более устойчивыми.
- Центр-периферийность — более устойчивыми оказались кварталы, примыкающие к Бежецку и центрам сельских поселений.
- Транспортно-географическое положение — различия в устойчивости, обусловленные близостью к важным автомобильным дорогам.
- Рекреационная привлекательность места.

Заселенность и сельскохозяйственная освоенность территории — важный фактор устойчивости. Для выявления взаимосвязей между двумя показателями составлено три графика. В первом учитываются ячейки с наибольшей плотностью населения в 1989 году: такими ячейками признаны квадраты с плотностью населения более 5 человек на км². Во втором — все остальные, имеющие на 1989 год показатель плотности и к 2010 не утратившие население. В двух графиках с плотностью населения сопоставляется показатель динамики населения с 1989 по 2010 год. Третий график сравнивает освоенность земель (долю возделываемых земель от площади ячейки) с динамикой населения.

Из первого графика исключена одна ячейка — № 98. Она захватывает большую часть города Бежецка и деревни, включенные в границы города, либо примыкающие к ним. Коэффициент корреляции по оставшимся ячейкам равен 0,45. Коэффициент детерминации — 0,2. На графике видно, что квадраты с плотностью населения на 1989 год больше 15 чел/км² в редких случаях теряют больше 50% показателя динамики. С плотностью от 5 до 10 чел/км² ситуация не так однозначна, поскольку только 8 ячеек из 19 потеряли до половины своей плотности, а в одной ячейке наблюдался прирост. Всего три ячейки — 120, 101, 70 отличает положительный показатель динамики населения. В квадрате № 101 расположен всего один населенный пункт — д. Подобино, возникшая в 1960-х как поселок в животноводческом совхозе «Подобино» (376 человек на 2010 год). В квадрате № 120 — крупный населенный пункт с. Градницы (178 человек), в № 70 находятся центр сельского поселения — с. Сукромны (488 человек).

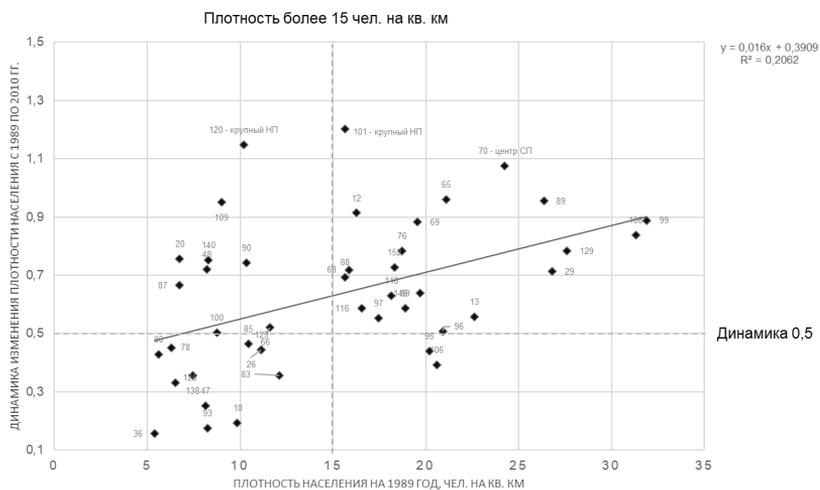

Рис. 11. Сопоставление показателя плотности населения на 1989 год и динамики изменения плотности населения с 1989 по 2010 год. Плотность населения от 5 чел./км². Всего 44 ячейки

Второй график охватывает ячейки с плотностью до 5 чел./км² (рис. 12). Из 48 квадратов только 5 имеют показатель динамики больше 0,5. Линейный тренд более пологий, чем на предыдущем графике (корреляция — 0,3), но, как и на первом графике, видно, что с постепенным увеличением изначальной плотности населения, темпы убыли снижаются. Однако если рассматривать два графика, то можно заметить особенность: у более плотно населенных ячеек разброс показателя убыли значителен, что нельзя сказать про слабозаселенные территории, в которых темпы убыли колоссальны, но все примерно на одном уровне, к тому же зависимость между изначальной плотностью и скоростью депопуляции менее выражена. Похожая ситуация наблюдается при анализе уменьшения численности населения в СНП разной людности, где в крупных СНП темпы убыли незначительны, из средних (перешедших из разряда крупных) люди активнее начинают уезжать, а из малых СНП «уже все уехали», остались доживать только пенсионеры, поэтому темпы убыли незначительны. С ячейками плотности схожая ситуация, вероятно, по похожему причинам: плотно населенные квадраты (возьмем значение в 15 чел. на км²) в целом теряют население медленнее, чем средние по плотности (от 5 до 15 чел. на км²), среди которых уже увеличивается доля сжимающихся значительными темпами. И квадраты с низкой плотностью, в которых все «стабильно плохо». Однако данная гипотеза требует дальнейших исследований. По совокупности всех изучаемых ячеек коэффициент корреляции составляет 0,58 (R_2 — 0,34).

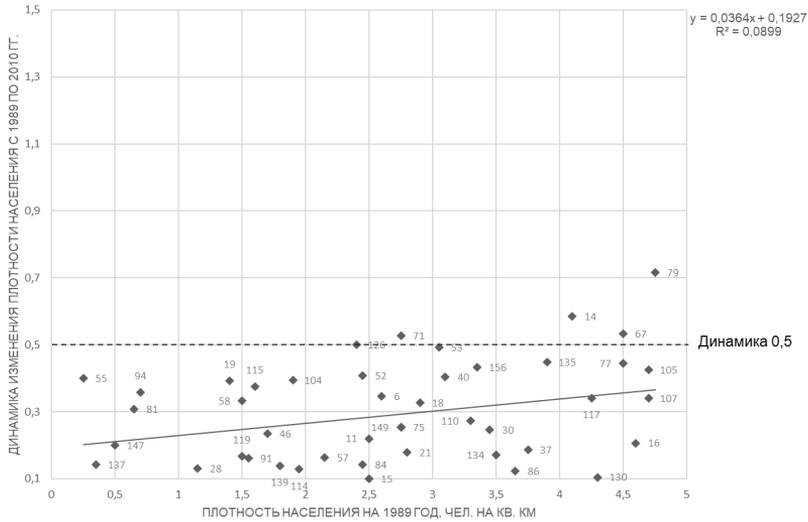

Рис. 12. Сопоставление показателя плотности населения на 1989 год и динамики изменения плотности населения с 1989 по 2010 год. Всего 42 ячейки

В третьем графике сравнивается площадь сельхозугодий и динамика населения с 1989 по 2010 год (рис. 13). Линейный тренд также отражает связь одного показателя с другим — с увеличением площадей в целом снижаются потери населения. Корреляция — 0,31. График разделен на 4 сектора. В первый сектор попали ячейки, имеющие на 1989 год небольшие площади с/х полей и к 2010 году потерявшие относительно немного населения. Во втором секторе ячейки с наибольшей площадью с/х полей и небольшими потерями в населении. Третий сектор — малые площади с/х и значительные потери населения. Четвертый сектор — значительные потери населения и значительные площади с/х.

Картографирование полученных секторов позволяет лучше понять распределения ячеек на графике (рис. 14). На карте линейей объединены ячейки с наибольшей площадью с/х полей — больше 50% площади квадрата, поэтому 2 и 4 сектора отделяются от 1 и 3. Между вторым и третьим секторами прослеживается закономерность — территории с выгодным транспортно-географическим положением (близким положением к районному центру, дорогам или центрам СП) практически все попали во второй сектор — имели высокую долю площади с/х полей и потеряли сравнительно небольшое количество населения. В третий сектор попали отдаленные территориальные ячейки. Исключение — квадраты в западной части района, по дороге на Максатиху и Вышний Волочек — территории в той части района стали наиболее активно осваиваться только в советский период, поэтому можно предположить, что

слабая освоенность в дореволюционный период может быть связана с низким качеством почв и залесённостью. Ячеек в первом секторе всего 9: из них 2 приходятся на территорию Бежецка (№ 98, 99), одна большей частью захватывает озеро Верестово (№ 116), три ячейки приходятся на границу освоенных территорий и граничат с лесом (№№ 126, 20, 56), три на границе района, вдоль дорог (№№ 140, 48, 8).

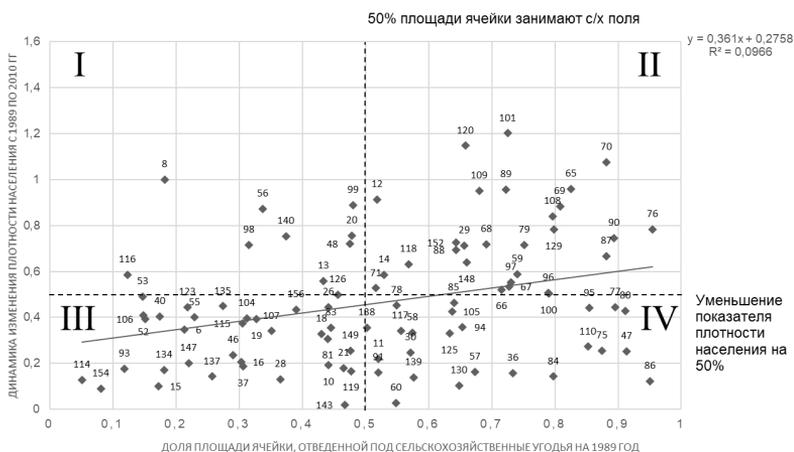

Рис. 13. Сопоставление показателя площади сельскохозяйственных полей и динамики плотности населения

Картографирование полученных секторов позволяет лучше понять распределения ячеек на графике (рис. 14). На карте линейей объединены ячейки с наибольшей площадью с/х полей — больше 50% площади квадрата, поэтому 2 и 4 сектора отделяются от 1 и 3. Между вторым и третьим секторами прослеживается закономерность — территории с выгодным транспортно-географическим положением (близким положением к районному центру, дорогам или центрам СП) практически все попали во второй сектор — имели высокую долю площади с/х полей и потеряли сравнительно небольшое количество населения. В третий сектор попали отдаленные территориальные ячейки. Исключение — квадраты в западной части района, по дороге на Максатиху и Вышний Волочек — территории в той части района стали наиболее активно осваиваться только в советский период, поэтому можно предположить, что слабая освоенность в дореволюционный период может быть связана с низким качеством почв и залесённостью. Ячеек в первом секторе всего 9: из них 2 приходятся на территорию Бежецка (№ 98, 99), одна большей частью захватывает озеро Верестово (№ 116), три ячейки приходятся на границу освоенных территорий и граничат с лесом (№№ 126, 20, 56), три на границе района, вдоль дорог (№№ 140, 48, 8).

П. С. Лебедев,
А. И. Алексеев
Площадь сель-
хозугодий, плот-
ность населения
и их динамика:
опыт изучения
взаимосвязей

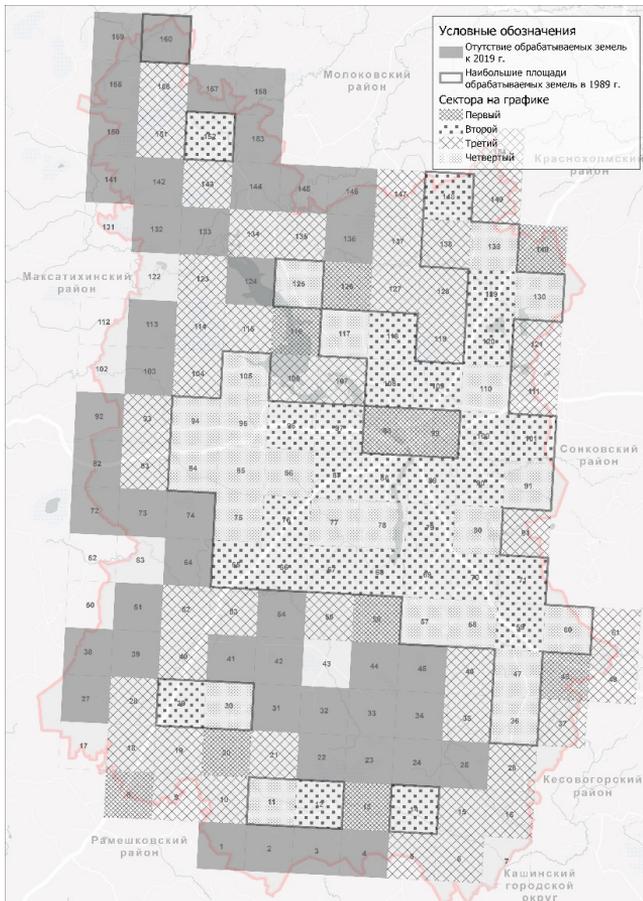

Рис. 14. Карта — сопоставление показателя площади сельскохозяйственных полей и динамики плотности населения

Центр-периферийность и транспортно-географическое положение в значительной степени влияют на изменение плотности населения и площади сельхозугодий. Довольно четко прослеживается закономерность небольших темпов убыли населения и площади с/х полей вблизи Бежецка. При этом обработка земель сильнее зависит от близости к крупному центру. Территории на востоке района, обладающие лучшей транспортной проницаемостью и не отделенные от Бежецка крупным физическим барьером — рекой Мологой, освоены лучше. Кроме того, они расположены довольно близко к соседним районным центрам — Кесовой Горе, Сонково, Красному Холму и на хорошей почве.

Если площади обрабатываемых земель довольно быстро уменьшаются по мере удаления от центра района, то показатель плотности населения более устойчив к центр-периферийным различиям.

На удержание населения влияет близость к автомобильным дорогам и центрам сельских поселений. На карте ряд ячеек, удаленных от Бежецка, отличается относительно низкими темпами уменьшения плотности населения и значительным уменьшением площади с/х полей. Расположены эти квадраты на северо-западе, в сторону с. Поречье и на юго-западе, по дороге в Тверь. При этом если дорога на Тверь является транзитной, то до Поречья тупиковой, однако она примыкает к озеру Верестово — территории, имеющей рекреационное значение. Данный факт позволяет выделить *рекреационный* фактор устойчивости сельских населенных пунктов.

Выводы

В процессе трансформации системы расселения Бежецкого района за последние 160 лет можно выделить две стадии: развития и деградации. Первая пришлась на период с 1859 года до середины XX века. Уже на 1939 год численность населения района сократилась в сравнении с серединой XIX века. Из-за отсутствия статистических и картографических данных судить о прошедших изменениях в этот период сложно. Отрывочные данные позволяют предположить, что освоение территории в дореволюционный период происходило за счет переселения освободившихся крестьян, в советский — за счет коллективизации и вовлечения в сельскохозяйственный оборот новых земель. Вторую стадию развития удастся проследить точнее. Результатом изменений в системе расселения за последние 70 лет является сжатие освоенного пространства вокруг районного центра — Бежецка, главных дорог и крупных центров сельских поселений. Такие тенденции уже неоднократно отмечались и другими исследователями расселения в лесной зоне (Нефедова, 2013).

Трансформация сельскохозяйственной освоенности во многом повторяет изменения в системе расселения. По-видимому, до 1970–1980-х годов происходило постепенное увеличение площадей возделываемых сельскохозяйственных полей. В советский период за счет модернизации и механизации сельского хозяйства особенно активно начали вовлекаться в оборот дикие земли. В частности, для этого использовались и дорогостоящие мелиоративные мероприятия, направленные на удаление избытков влаги. За последние 30 лет общий рисунок хозяйственного освоения земель изменился и оказался близок к ситуации середины XIX века. При этом быстрее всего оказались невостребованными земли, введенные в оборот в советское время (на снимках их сложнее всего отличить от леса), земли в удаленных и низменных частях Бежецкого района. Современная хозяйственная деятельность сосредоточена вокруг Бежецка, на возвышенных участках. При этом на восток от города ареал освоения расширен по дорогам к соседним районным центрам.

Взаимосвязь между сельхозугодьями и плотностью населения выражена, но регулируется множеством факторов, среди которых наиболее важными являются историческая освоенность и близость к крупным центрам и трассам. Заметна разница влияния центр-периферийного положения на два показателя. Показатель плотности населения в меньшей степени подвержен изменениям, во многом за счет влияния дорог и центров СП. Обработка земли сильнее зависима от положения к Бежецку. При этом территории, имеющие наиболее площади освоенных земель и выгодное ТПП, лучше других удерживают население.

По результатам изучения взаимосвязи двух показателей для Бежецкого района можно выделить факторы устойчивости сельской местности: 1) изначальная заселенность и сельскохозяйственная освоенность территорий; 2) близость к Бежецку и соседним районным центрам — Кесовой Горе, Сонково, Красному Холму; 3) близость к транспортным артериям — межрайонным дорогам; 4) наличие рекреационных ресурсов; 5) наличие мест приложения труда. Для мест приложения труда необходимо отметить, что одни из немногих оставшихся работодателей на селе являются немногочисленные сельскохозяйственные предприятия. Необходимость быть рентабельным в современных рыночных условиях обязывает выбирать перспективные территории, близкие к инфраструктуре и ресурсам: дорогам, точкам сбыта, наиболее плодородным землям, трудовым ресурсам. Густая сеть населенных пунктов вблизи Бежецка обеспечивает высокую плотность населения, районный центр дает работников более высоких компетенций, чем село. К тому же в меру своих возможностей райцентр способен привлекать специалистов из других районов или регионов, обслуживать и давать работу.

Библиография

- Нефедова Т. Г. (2013). Десять актуальных вопросов о сельской России. Отчеты географфа. М.: Ленанд.
- Румянцев И. Н., Смирнова А. А., Ткаченко А. А. (2019). Сельские населенные пункты «без населения» как географический и статистический феномен // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 1. М.: Изд-во Московского ун-та. С. 29–37.
- Смирнов И. П., Смирнова А. А., Лебедев П. С. (2020). Малые города Тверской области: в поисках формулы места // Региональные исследования. № 3. Смоленск: Изд-во Смоленского гос. ун-та. С. 105–113.

The area of farmland, the population density and their dynamics: A study of relationships (on the example of the Bezhetk district of the Tver Region)

Pavel S. Lebedev, PhD Student, Faculty of Geography and Geocology, Tver State University, Proshina St., 3, bldg 2, 170021 Tver. E-mail: lebedevpavelgeo@gmail.com

Alexander I. Alekseev, DSc (Geography), Professor, Department of Economic and Social Geography of Russia, Moscow State University. Leninskie Gory, 1, 119991 Moscow.
E-mail: alival@mail.ru

Abstract. Many works consider the state of agriculture and the settlement system, especially the post-Soviet transformation of the countryside. The main patterns of its contemporary development are well-known — they are the center-peripheral and transport-geographical differences in the stability of rural settlements and the efficiency of agriculture. The article aims at identifying the relationship of two indicators — population density and agricultural area — on the example of the Bezhetsk district in the Tver Region. The authors describe the settlement system of the district, analyze its spatial changes during the last 160 years, compare the indicators of population density and the area of cultivated land. Based on the research results, the authors make conclusions about the evolution of the settlement system and the transformation of the territorial agricultural development, about the relationship between the population density and the area of agricultural land used, and about the factors of sustainability of rural settlements' features on the Bezhetsk district.

Key words: settlement system, agricultural land, population density, factors of settlements sustainability, Bezhetsk district of the Tver Region

References

- Nefedova T. G. (2013) *Desyat aktualnyh voprosov o selskoj Rossii. Otveti geografa* [Ten Topical Questions about Rural Russia. Answers of the Geographer], Moscow.: LENAND.
- Rumyantsev I. N., Smirnova A. A., Tkachenko A. A. (2019) Selskie naselennye punkty "bez naseleniya" kak geografichesky i statistichesky fenomen [Rural settlements "without population" as a geographical and statistical phenomenon]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya*, no 1, pp. 29–37.
- Smirnov I. P., Smirnova A. A., Lebedev P. S. (2020) *Malye goroda Tverskoj oblasti: v poiskah formuly mesta* [Small cities of the Tver Region: In search for a settlement formula]. *Regionalnye issledovaniya*, no 3, pp. 105–113.

Типология населенных пунктов в полиэтничном регионе (на примере Чувашии)¹

Л. Р. Имангулов

Линар Рамилевич Имангулов, магистрант кафедры экономической и социальной географии географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1.
E-mail: linar.imangulov.1999@mail.ru

Аннотация. В статье на примере Чувашии (Батыревский район) рассмотрены стадии и факторы трансформации как сельского расселения в целом, так и отдельных сельских населенных пунктов в дореволюционный, советский и постсоветский периоды. На разных этапах эволюции сельского расселения обнаружено соотношение разных факторов трансформации. В дореволюционный период развитие сельского расселения определялось экологической емкостью территории и демографическими ресурсами, в советский период — фактором административно-территориальных преобразований и «внешними шоками» (войны, голод и т. д.), в постсоветский период — масштабами оттока населения в крупные города, институциональными условиями и фактором этнической структуры населения. В результате обследования сельской местности Чувашии была выявлена дифференциация сел в зависимости от их этнической структуры населения и других особенностей. На основе анализа статистических данных и материалов полевых наблюдений создана типология сельских населенных пунктов в полиэтничном регионе, учитывающая широкий набор характеристик села через призму преобладающего этноса (время основания населенного пункта, его административный статус, динамика численности населения в разные периоды, экономическое благосостояние населения, уровень развития социальной инфраструктуры, масштабы миграционного оттока и т. д.). Примеры выделенных типов населенных пунктов: чувашские центральные села, чувашские села — «локальные центры», чувашские «рядовые села», татарские центральные села, русские села с бывшей индустриальной специализацией и т. д. На уровне отдельных типов сельских населенных пунктов трансформация села в постсоветский период происходит под воздействием факторов внутренней и внешней природы в разных соотношениях. Выявлено, что социально-экономическая обстановка в чувашских населенных пунктах определяется сравнительно высокой рождаемостью и возможностями занятости в сельском хозяйстве вследствие сохранения паевого распределения земель. В татарских селах социально-экономическая обстановка зависит от степени проявления этнопсихологических универсалий среди населения. Так, наиболее зарегламентированные, закрытые и сплоченные сообщества экономически успешнее и наиболее устойчивы по отношению к внешним факторам.

Ключевые слова: география сельской местности, факторы трансформации села, этническая структура населения

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-4-107-124

1. Исследование проведено при финансовой поддержке РНФ (проект № 21-17-00112).

СОВРЕМЕННОСТЬ

Основы изучения сельской местности в отечественной науке были заложены еще в советский период (Ковалев С. А., Алексеев А. И.). Направления изменения села ранее рассматривались через призму основных характеристик населенного пункта и его производственных функций (положение в колхозно-совхозной системе) (Алексеев, Сафронов, 2017). На современном этапе в условиях активной трансформации села на количественном и качественном уровнях различаются несколько подходов к изучению. В их основе лежат разные основополагающие характеристики населенных пунктов. Например, мера центральности населенных пунктов (Вихрёв, Ткаченко, Фомкина, 2016), наличие и уровень развития социальной инфраструктуры (Зубаревич, 2013), состояние и уровень развития производства в сельском хозяйстве (Нефедова, 2012а, 2012б, 2018), наличие постоянного населения и мест приложения труда (Алексеев, Сафронов, 2017).

Обозначенные выше подходы к типологии сельских населенных пунктов практически не учитывают этнические и культурные особенности территории, несмотря на высокую значимость этнокультурного фактора в трансформационных процессах «национальной» сельской местности. Учет различий в трансформации между селами с разным этническим составом обусловлен особенностями хозяйственного уклада народов, степенью завершенности демографического перехода, спецификой миграционного и демографического поведения и т. д. На региональном уровне влияние этнокультурного фактора детально рассмотрено в работах Т. Г. Нефедовой (Нефедова, 2012а, 2012б) и Э. М. Эльдарова (Эльдаров, 2008), где авторы при анализе дифференциации социально-экономической ситуации села Чувашии и Юга России обращаются к фактору этнических и культурных различий. На локальном уровне зависимость между направлениями трансформации села и его этнической структурой описана в работах А. И. Алексеева, Л. Р. Имангулова, М. С. Савоскул, С. Г. Сафронова, А. С. Чучкалова и других (Алексеев, Сафронов, 2017; Имангулов, Максименко, Савоскул, Сафронов, 2021; Чучкалов, Алексеев, 2020).

Отсутствие исследований в данной области особенно подчеркивает актуальность учета «этнических и культурных рамок» в типологии сельских населенных пунктов согласно направлениям их трансформации в постсоветский период. Исследовательская гипотеза состоит в следующем: в полиэтничном регионе направления трансформации населенных пунктов соответствуют общегосударственным тенденциям изменения села с определенными отклонениями, обусловленными различиями в психологических установках населения, его религиозной и этнической идентичности, силе социального капитала и «связи с землей».

Статья основана на материалах полевых исследований, проведенных в июле 2021 года в Батыревском районе Республики Чувашия, и статистическом материале о социально-экономической характеристике населенных пунктов в разные периоды (например, людность села, инфраструктурная оснащенность и т. д.). Материалы полевых наблюдений включают данные глубинных интервью с местными жителями (более 40 глубинных интервью), представителями руководства и работниками сельских администраций и хозяйств разных категорий (личные подсобные хозяйства (далее — ЛПХ), крестьянско-фермерские хозяйства (далее — КФХ), сельскохозяйственные организации), а также заметки о социально-экономической ситуации и внешнем виде более чем 30 населенных пунктов (всего в районе их насчитывается 56). В статье используются качественные и количественные методы исследования: метод полевых наблюдений, глубинного интервью, статистический, сравнительный, аналитический и картографический методы.

При создании типологии сельских населенных пунктов использовались следующие показатели — степень центральности населенного пункта в районной системе расселения (географическое положение и административный статус населенных пунктов), количественные (людность и динамика численности населенных пунктов, возрастная структура населения и т. д.) и качественные (особенности демографического и миграционного поведения, степень проявления этнопсихологических установок и т. д.), инфраструктурная оснащенность населенного пункта (наличие детских садов, школ, фельдшерско-акушерских пунктов (далее — ФАП)) и уровень экономического благосостояния населенных пунктов (источники и размер доходов населения).

Краткая справка о районе обследования

Батыревский район находится на юге Чувашии. Через центральную его часть проходит федеральная трасса А-151, соединяющая Чебоксары и Ульяновск (расстояние до региональных центров — 128 и 111 км соответственно). Располагаясь в пределах южной части Чувашии, район отличается лучшими агроклиматическими условиями для ведения сельского хозяйства в регионе (по производству сельскохозяйственной продукции Батыревский район занимает второе место в Чувашии после Чебоксарского района) (Чувашская энциклопедия, 2020).

Численность населения Батыревского района в 2020 году составила — 32 878 человек. На современном этапе в районе отмечается сокращение населения (по сравнению с 1989 годом на 25,7%). В этнической структуре преобладают чуваша, далее — татары (ми-

Л. Р. Имангулов
Типология населенных пунктов в полиэтничном регионе (на примере Чувашии)

шари), русские и мордва (2010 год — 70, 27, 2 и 1%) (Федеральная служба, 2020). Экономика Батыревского района функционирует за счет сельского хозяйства, представленного как растениеводством (выращивание зерновых), так и мясомолочным скотоводством. Обрабатывающая промышленность слабо развита.

Эволюция системы расселения Батыревского района

Батыревский район обитаем с глубокой древности. Длительное время его земли входили в состав Волжской Булгарии. На протяжении последнего тысячелетия эта территория испытывала несколько этапов развития и опустошения. В результате многочисленных походов монголо-татар, Тамерлана и русских князей современная территория района неоднократно разорялась и вновь была заселена лишь в XVI–XVII веках вследствие строительства защитных рубежей русского царства на востоке (Карлинская и Кубнинская зачатые черты) (Чувашская энциклопедия, 2020).

Начальной точкой отсчета формирования современного облика сельского расселения Батыревского района является вторая половина XVI — первая половина XVII века. Первые населенные пункты были основаны преимущественно переселенцами из центральной и восточной части Чувашии, юго-запада Татарстана. На начальном этапе большая их часть тяготела к рекам. Так, в срединной части речной долины Булы образовались первые поселения — Сугуты, Шыгырданы, Алманчиково, Туруново, Яншихово, часть из которых впоследствии стала центрами волостей.

По мере развития системы расселения основывались новые населенные пункты, преимущественно вдоль притоков Булы, в меньшей степени Карлы. В XVII веке сформировался каркас системы расселения (рис. 1). В первой половине XVII века было образовано 28 сел из 56 существующих, большая часть из них до сих пор сохранилась (например, Первомайское, Тарханы, Тойси, Бахтигильдино и т. д.), что обусловлено выгодным географическим положением и центральностью по отношению к соседним деревням-выселкам. Во второй половине XVII века число «новообразованных» населенных пунктов сокращается (всего лишь 8), в большей степени заселяется восточная часть района.

В XVIII–XIX веках населенные пункты в основном основывались в пределах труднодоступной лесной зоны района (например, Ульяновка, Люля, Хурама-Твар, Ясная Поляна и т. д.) и на свободных приречных пространствах (например, Шигали, Козловка, Малое Батырево). Большая часть таких сел находилась на дорогах межволостного значения и, как правило, в XIX–XX веках имела собственные фабрично-заводские предприятия. С утратой транзитного положения социально-экономическая ситуация в них постепенно ухудшилась.

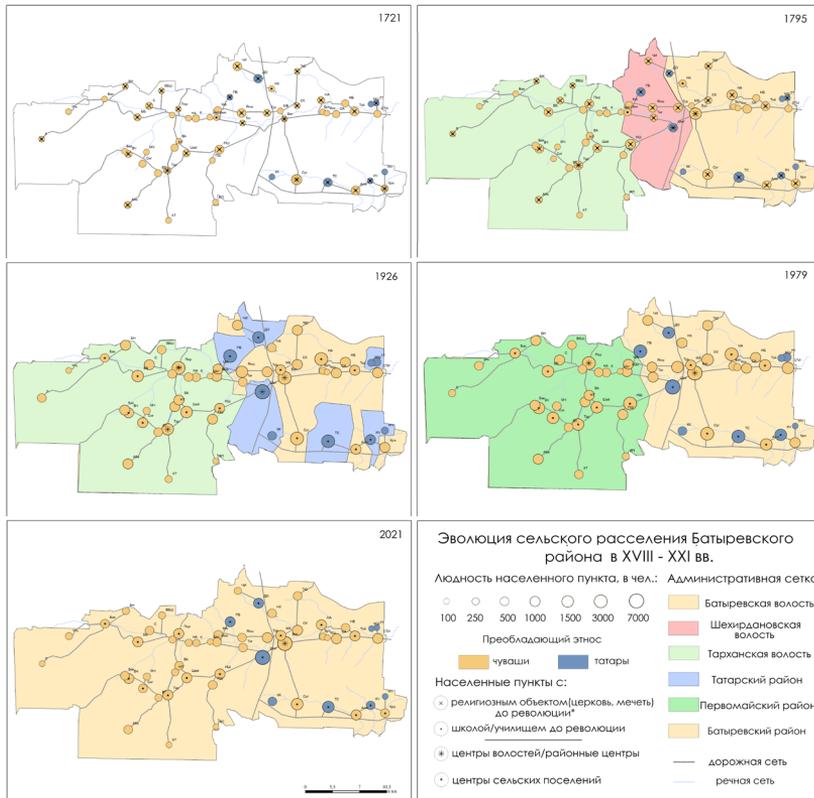

Рисунок 1. Эволюция сельского расселения Батыревского района Чувашии в XVIII–XXI вв. Составлено автором на основе (Исторические карты, 2020), (Чувашская энциклопедия, 2020)

После аграрной реформы П. А. Столыпина увеличивается число мелких населенных пунктов за счет «выделения» из общины части зажиточных крестьян, селившихся в хуторах. К 1917 году на территории современного Батыревского района уже существовало несколько сопоставимых по численности населения и площади систем расселения одного уровня — Тарханская, Шихердановская и Батыревская. С приходом советской власти развитие сел все в большей степени определяется последовательным изменением административно-территориального устройства и планировочной организацией района.

Сначала в рамках государственной политики предоставления национальных автономий на месте Шихердановской волости был создан единственный в Чувашии татарский национальный район, включающий в себя места компактного проживания татар. Далее ввиду «рваной» пространственной конфигурации и, как следствие, низкой транспортной связности национального татарского района происходит его объединение с соседним Батыревским рай-

оном. Современный облик АТД Батыревский район получил лишь в 1959 году после его объединения с Первомайским районом (в прошлом — Тарханская волость).

К довоенному времени система расселения достигла максимального территориального охвата и людности за счет внутренних ресурсов развития. Во второй половине XX века заметно замедлился прирост населения. Демографическая ситуация в поздний советский период осложняется увеличением миграционного оттока в Ульяновск, Чебоксары и Казань. В постсоветский период этот отток только увеличился в связи с развалом колхозно-совхозной системы, являющейся основным местом приложения труда в сельской местности Чувашии.

Типология населенных пунктов

В результате проведения полевых наблюдений и обработки статистических данных были установлены различия в успешности отдельных населенных пунктов. Анализ социально-экономической обстановки в селе продемонстрировал важность фактора этнической структуры населения в трансформации села в постсоветский период. Рассмотрим основные типы сельских населенных пунктов (типология населенных пунктов — рис. 2; описание типологии — табл. 1).

Из всех населенных пунктов района большая часть — чувашские (45 из 56). Обращаясь к характеристике социально-экономической ситуации в чувашском селе, важно подчеркнуть его традиционность и аграрность. Отмеченные выше черты проявляются в сохранении традиционных установок среди населения (например, склонность к созданию большой семьи) и его «привязанности к труду на земле». По мере структурирования сельского расселения фиксируется нарастание дифференциации чувашских населенных пунктов.

Обратимся к описанию основных типов чувашских населенных пунктов.

Чувашские центральные села (1.1). Главные критерии выделения данного типа населенных пунктов — время основания и степень центральности села по отношению к прочим элементам системы расселения. Как правило, это крупные населенные пункты с наличием мест приложения труда не только в сельском хозяйстве (например, в администрациях, школах и т. д.).

Центральные села разнородны по социально-экономической ситуации — они часто не похожи друг на друга. Так, внешний вид села Тойси производит особенно сильное впечатление — большая часть домов двухэтажная, крыши и заборы в основном из профнастила, в дворах встречается новая сельскохозяйственная техника. К домам примыкают большие по площади обрабатываемые приусадебные участки. Вокруг села значительная часть площадей распахана, вместо «монолитных» полей множество делянок пло-

щадью более 4–5 соток, засеянных луком-севком (индикатор высокой роли ЛПХ в доходах семей). В других населенных пунктах, например, Первомайском, Тарханах и Сугутах, внешний вид села иной — на улицах встречаются старые деревянные покосившиеся дома, часть приусадебных участков заброшена.

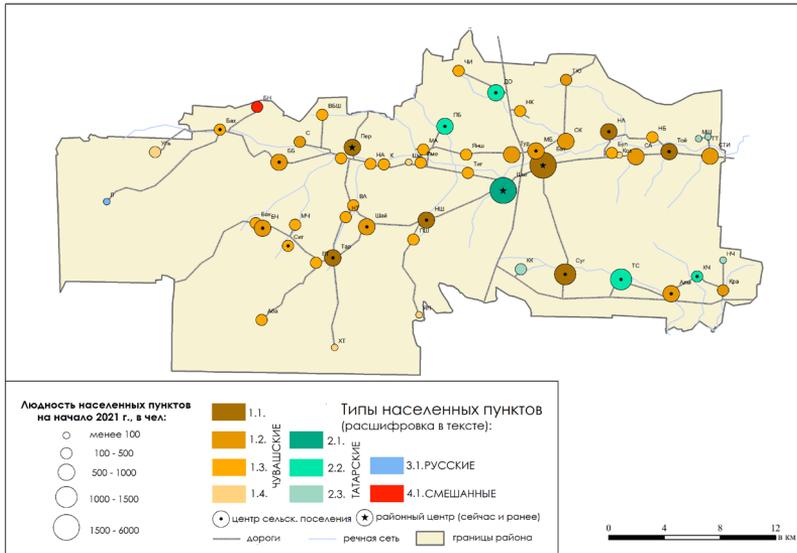

Рисунок 2. Типы населенных пунктов в полиэтничном регионе (на примере Батыревского района Чувашии). Составлено автором

Жителям наиболее «старых» сел (Тойси, Первомайское, Тарханы и Сугуты) свойственны иные психологические установки и выраженная локальная идентичность. Несмотря на большее развитие модернизационных процессов в центральных селах, в семьях по-прежнему по 2–3 ребенка (средний размер частного домохозяйства в 2010 г.: Тойси — 2,9, Первомайское — 3, Тарханы — 3,1, Сугуты — 3,2 человека) (Федеральная служба, 2020). Наиболее успешная часть жителей центральных населенных пунктов стремится любыми способами «устроить своих детей» в Чебоксарах из-за отсутствия перспектив на селе. Основными источниками доходов населения является занятость в бюджетной сфере (больше для Батырево как районного центра), предпринимательстве и ЛПХ. Важной статьей доходов становится отходничество в Москву.

«Стараемся оплатить образование, купить квартиру, поэтому оседают в городе молодые. В селе остаются одни старики» (женщина, чувашка, 48 лет, с. Первомайское).

«Практически в каждом пятом доме население уезжает на заработки в Москву — в основном перерабатывать мусор, либо раз-

норабочими. Остальные — заняты в ЛПХ выращиванием лука-севка» (женщина, чувашка, 50 лет, с. Тойси).

Чувашские села — «локальные центры» (1.2). Чувашские «локальные центры» представлены преимущественно населенными пунктами — центрами сельских поселений. Данный тип наиболее ярко иллюстрирует аграрность и традиционность чувашского села. Как правило, это населенные пункты с положительной социально-экономической ситуацией за счет сохранения мест приложения труда в сельском хозяйстве. Несмотря на разрушение колхозно-совхозной системы, на производственной базе последних в постсоветский период стали функционировать сельскохоззяйственные производственные кооперативы (далее — СХПК) с высокой занятостью населения (до 100–150 занятых). Однако население еще и активно участвует в отходничестве, занимается ведением ЛПХ. В отходничестве участвуют в большей степени мужчины — работают по две недели, соотнося график с важными сельскохоззяйственными работами (посев и уборка урожая, заготовка корма и т. д.).

«Сельское хозяйство развивается за счет государственной грантовой поддержки. Особенно это касается фермеров, число которых в последнее время увеличилось» (женщина, чувашка, 35 лет, с. Алманчиково).

Чувашские «рядовые села» (1.3). «Рядовые села» — это населенные пункты без административного статуса. По некоторым демографическим показателям (например, возрастной структуре населения и рождаемости) «рядовые села» схожи с «локальными центрами». Серьезным отличием от прочих является восприятие местными жителями перспективности жизни в их селе (крайне негативное из-за отсутствия зачастую объектов минимальной социальной инфраструктуры: детские сады, школы, ФАПы, либо их удручающее состояние). Жизнь в «рядовых селах» тесно переплетена с сельским хозяйством и отходничеством. По-прежнему «выживание» семьи зависит от «коровы-кормилицы». В среднем в дворах население держит не менее 2–3 молочных коров (молоко реализуется перекупщикам). Рентабельность скотоводства связана с устоявшейся системой взаимодействия между местным населением и сельхозпроизводителями, когда последние за аренду земельных паев «расплачиваются» в натуральной форме (зерном, кормовыми травами).

«Чувашская деревня в основном живет за счет сдачи молока. Если бы не было у нас земельных паев, держать скот было бы невыгодно» (женщина, чувашка, 42 года, с. Бахтигильдино).

Чувашские периферийные «новые села» (1.4) отличаются от «рядовых сел» удаленным положением и недавним основанием села (в XIX–XX вв.). Социально-экономическая ситуация в них крайне негативная — высокий миграционный отток населения, в возрастной структуре преобладают люди преклонного возраста (средняя доля населения старше трудоспособного возраста — от 26 до 57%).

Населенных пунктов с татарским населением в районе насчитывается всего девять. Татарское село отличается от чувашского средним размером (людность в 2021 году, татарское село — 1024 человека, чувашское — 514) (Федеральная служба, 2021), уровнем благосостояния, особенностями миграционного и демографического поведения населения. Вопреки бытующему представлению об исключительной успешности татарского села есть как успешные, так и села с депрессивной социально-экономической обстановкой. Обращаясь к описанию татарских сел, необходимо отметить особенности этнического самосознания населения, так как это и определенный хозяйственный уклад, и иные психологические установки. Татары, проживающие в Чувашии, имеют определенные различия с татарами Татарстана. К основным отличиям относятся иной уровень проявления религиозной и этнической идентичности, степень «привязанности» к родной земле. Татары Чувашии являются частью субэтнической группы татар — татар-мишарей (мещёрские татары) и ввиду особенностей исторического развития субэтноса в меньшей степени склонны к тяготению к Казани как исторической родине.

Татарские центральные села с выраженной этнической и религиозной идентичностью (2.1). Тип татарских центральных сел включает всего лишь один населенный пункт в рамках Батыревского района — Шыгырданы, что обусловлено масштабами села (официально — около 6 тыс. человек, фактически — до 7–8 тыс.), его экономическим успехом и доминированием целой совокупности этнопсихологических установок (например, закрытость сообщества и религиозность населения). Аналогом села за пределами Чувашии можно считать такие мишарские села Поволжья, как Средняя Елюзань, Лямбирь, Татарская Каргала и Белозерье (численность населения в 2010 г.: 8,7, 8,4, 3,8 и 2,9 тыс. человек соответственно) (Численность населения, 2012).

Характеризуя данный тип населенных пунктов, необходимо отметить незавершенность демографического перехода (в среднем в Шыгырданах — по 3–4 ребенка в семье; средний размер частного домохозяйства в 2010 году — 3,8 человека) и сохранение многопоколенной традиционной семьи в одном доме (старые родители — дети — внуки). Население отличается крайне высокой религиозностью — в Шыгырданах располагаются 4 крупных мечети, пользующиеся высоким спросом со стороны населения. Характеризуя татар из Шыгырдан, можно оперировать такими этнопсихологическими универсалиями, как «традиционализм», «закрытость», «коллективизм», «маскулинность» и «регламентированность».

«Ислам — это традиции. Без них невозможно ни родиться, ни умереть...» (мужчина, татарин, 87 лет, с. Шыгырданы).

«Если у кого-то серьезные проблемы, например, ребенок родился больным, либо сгорел дом, в краткие сроки собираем со всего

села деньги. С каждого дома по 10–20 тысяч рублей. Редко кто противится» (женщина, татарка, 40 лет, с. Шыгырданы).

«Когда я приехала в Шыгырданы, меня никто не воспринимал. Свекровь сказала мне, что я не буду жить здесь, не приживусь. Первое время для меня было особо сложным — нужно было носить платки дома, часто были конфликты, недопонимание, хотя, казалось бы, мы все одни татары» (женщина, татарка, 40 лет, с. Шыгырданы).

Уникальность села Шыгырданы также связана с крайне высоким всеобщим благосостоянием населения. Подтверждением сказанного можно считать дома местных жителей большой этажности (2–3-этажные дома), из недешевого конструкционного материала и с дорогостоящими элементами убранства (например, высокие заборы, массивные ворота и т. д.). Источником благосостояния села является трудолюбие, предприимчивость и сплоченность населения. В селе функционирует целый «мясной кластер», имеющий огромную сырьевую зону (в нее входят преимущественно районы Чувашии, Татарстана и Ульяновской области), инфраструктуру по убою и глубокой переработке мяса и каналы сбыта готовой продукции (в основном рынок Татарстана). Местное население занято как в выращивании скота на убой (в среднем в каждом втором хозяйстве не менее 3–5 голов КРС), так и в переработке мясной продукции на обрабатывающих предприятиях.

«Татарское население более успешное. Наверное, это связано с занятостью — лес, мясо. Для них работа — это увлечение» (женщина, чувашка, 45 лет, с. Батырево).

«Мы вне конкуренции по поголовью в Батыревском районе. У нас все завязано на выращивании, забое и переработке скота» (женщина, татарка, 43 года, с. Шыгырданы).

«В Шыгырдамах экономика процветает. В каждом хозяйстве есть конь. Они уверены в себе, поэтому и семьи большие и людей не так много уезжает» (женщина, 30 лет, с. Батырево).

Татарские села — «локальные центры» (2.2). Татарские села — «локальные центры» уступают предыдущему типу населенных пунктов по численности населения, экономическому благосостоянию и степени проявления этнической и религиозной идентичности. Как правило, это старые села с меньшими конкурентными преимуществами, но собственной экономической «специализацией» (например, производство молока в Полевых Бикшиках).

«В Полевых Бикшиках и Долгом Острове население предприимчивое — кто-то занимается молоком, кто-то животноводством. Но татары там другие, не похожи на шыгырданцев, хотя также религиозны» (мужчина, татарин, 40 лет, с. Шыгырданы).

В отличие от села Шыгырданы, «локальные татарские центры» испытывают миграционный отток населения (в основном преобладает «этническая миграция» в Казань). Особенно больших мас-

штабов данное явление достигло в Кзыл-Чишме, где молодых семей осталось крайне мало. В прочих селах наблюдаются меньшие темпы оттока населения.

«В Кзыл-Чишме остались одни старики. Молодежь практически вся уехала. Выходцев из нашего села много в Казани. Сейчас успешные сельчане помогают своим — кто-то устраивает на работу, кто-то строит дороги, социальные объекты» (мужчина, татарин, 57 лет, с. Кзыл-Чишма).

Деревни-выселки часто с негативной демографической ситуацией (2.3). Как правило, это небольшие, часто недавно освоенные населенные пункты (XVIII–XIX вв.) — выселки крупных татарских сел. Для данного типа населенных пунктов характерно сокращение людности, обусловленное деформированной возрастной структурой (средняя доля населения старше трудоспособного возраста — 45%; максимальное значение среди всех типов населенных пунктов). Одной из причин высокого оттока населения являются земельные ограничения по строительству домов в Татарских Тимяшах и Малых Шыгырданах (причина ограничений неизвестна). Лучшая демографическая ситуация отмечается лишь в селе Кзыл-Камыш (деревня-выселок села Шыгырданы), что обусловлено его транзитным положением на трассе федерального значения А-151.

«В Татарских Тимяшах и Малых Шыгырданах живут одни старики. Многие молодые оттуда уехали еще при СССР — землю не выдавали для строительства домов. Сейчас эти деревни вымирают» (мужчина, татарин, 50 лет, с. Татарские Тимяши).

Помимо чувашских и татарских в районе также встречаются русские и смешанные (русско-мордовские) села (по одному населенному пункту).

Села с индустриальной специализацией и транзитным положением в прошлом (3). Выделение населенных пунктов данного типа оправдано особенностями исторического развития. Как правило, это успешные в дореволюционный период русские села с индустриальными функциями и транзитным положением. На современном этапе социально-экономическая обстановка в русских селах негативная — большая часть населения при разрушении колхозно-совхозной системы в 1990-е годы покинула село (минимальная «привязанность» к земле вследствие высокой миграционной подвижности). Остальные заняты в ЛПХ.

«В Люле живет около 50 человек. Деревня очень маленькая, раньше в ней был стекольный и винокуренный завод. Сейчас там в основном старики, есть несколько больших молодых семей» (женщина, чувашка, 37 лет, с. Бахтигильдино).

«Рядовые села» с трансформированной этнической структурой населения (4). Данный тип населенного пункта мало чем отличается от обозначенного выше типа чувашских «рядовых сел» по ряду показателей. Единственное серьезное отличие — сравни-

тельно худшая демографическая ситуация: людность населенного пункта с 1920–1930-х годов по настоящее время сократилась практически в четыре раза. Сокращение численности села обусловлено не только его периферийным положением, но и отчасти действием этнокультурного фактора, проявляющегося в изменении психологических установок чувашского большинства населения вследствие его активного «смешивания» с мордвой.

«Балабаш-Нурусово не сильно отличается от других чувашских сел. Единственное, знаю еще от бабушки, что там раньше жило много мордвы. Сейчас ее почти там не осталось — многие «сместились» с чувашими или русскими, но характер жителей в селе особенный» (женщина, чувашка, 37 лет, с. Бахтигильдино).

Факторы трансформации населенных пунктов

Трансформация разных типов населенных пунктов в полиэтническом регионе протекает под действием факторов внутренней (позиционный, трудовой, инфраструктурный, демографический, психологический) и внешней природы (институциональный и миграционный). При изучении трансформации села в полиэтническом регионе необходимо также учитывать фактор этнокультурных различий, действие которого распространяется практически на все элементы сельской местности (например, в населении — особенности демографического и миграционного поведения, в хозяйстве — доминирующий хозяйственный уклад и т. д.).

В связи с различиями в степени завершенности демографического перехода, хозяйственной специализации и силе социального капитала между этносами соотношение факторов трансформации села в полиэтническом регионе будет определяться исходными характеристиками населенных пунктов. Рассмотрим ведущие факторы трансформации села для отдельных этносов и обозначенных типов населенных пунктов (табл. 1).

В трансформации чувашского села на современном этапе особенно важную роль играет *фактор наличия рабочих мест*. Трудоизбыточная аграрная чувашская сельская местность в результате разрушения советской производственной системы в сельском хозяйстве испытала серьезный отток населения в крупные города, что в свою очередь отразилось на ускорении процессов модернизации общества. Сравнительно лучшая социально-экономическая ситуация в чувашском селе обусловлена *особенностями землепользования* (паевое распределение земель) и созданием на основе производственной базы колхозов и совхозов многочисленных СХПК, что снизило отток молодого населения в крупные города (положительное влияние на рынках труда центральных сел и сел — «локальных центров»). В населенных пунктах с ограниченным кругом мест приложения труда *основным источником доходов населения ста-*

ло ЛПХ («корова-кормилица»)/выращивание рентабельных культур) и отходничество в Москву.

Большое значение в сохранении чувашского села сыграл *демографический фактор*, в частности высокая рождаемость. Повышенный суммарный коэффициент рождаемости в чувашском селе (СКР > 2) обусловлен незавершенностью демографического перехода и действием программы материнского капитала (денежные выплаты являются «поощрением», но не основным фактором планирования рождения ребенка). Действие демографического фактора в трансформации всех типов населенных пунктов оценивается как положительное — вне зависимости от характеристик населенного пункта (в среднем в семьях по 2–3 ребенка).

В татарских населенных пунктах ситуация с занятостью менее острая — часть жителей работает в собственных хозяйствах, другая — работает в бизнесе (например, торговле). Несмотря на лучшую экономическую обстановку в селе, *более половины молодежи уезжает за пределы района*. Один из важных факторов трансформации татарского села демографический. Очень часто в менее успешных селах деформирована возрастная структура населения, количество детей в семьях редко превышает двух из-за того, что миграционный отток населения из них начался раньше (в XX веке). *Влияние этнокультурного фактора* прослеживается через уровень экономического благосостояния населения и характер демографической ситуации в тех населенных пунктах, влияние городов на которые минимально и по сей день (например, Шыгырданы).

В селах иной этнической структуры (русской и смешанной) влияние многих обозначенных выше факторов сводится к отрицательному. Конкурентные преимущества, позволявшие активно развиваться данным селам в дореволюционный период, исчезли (транзитное положение, развитие промышленных предприятий). В условиях их максимальной удаленности от районного центра, отсутствия мест приложения труда, а также менее устойчивой психологической связи жителей с «родной землей», стремительное сокращение численности населения и, как следствие, исчезновение села практически неизбежно.

Основные выводы

Постсоветская трансформация села в полиэтничном регионе определяется не только историко-генетическими особенностями населенного пункта и его положением в локальной и региональной системах расселения, но и институциональными условиями, факторами близости города и этнической структуры населения. «Этнические рамки» определяют дифференциацию сельской местности в экономике, демографическом и миграционном поведении населения и т. д.

Л. Р. Имангулов
Типология населенных пунктов в полиэтничном регионе (на примере Чувашии)

Трансформация сельской местности Чувашии происходит в условиях модернизации традиционных сообществ при сохранении аграрных функций и увеличении роли отходничества в Москве. Анализ социально-экономической ситуации в селах с разным этническим составом продемонстрировал различия в соотношении и значимости факторов трансформации населенных пунктов в постсоветском период.

Наиболее интенсивно эти процессы изменения села протекают в чувашских населенных пунктах. Основные изменения касаются увеличения миграционной мобильности чувашского населения из-за отсутствия мест приложения труда не в сельском хозяйстве и широкой «трансляции» городского образа жизни. Масштабы миграционного оттока в чувашском селе определяются степенью центральности населенного пункта в системе расселения (инфраструктурная оснащенность населенных пунктов и возможности несельскохозяйственной занятости) и наличием мест приложения труда. Наименее устойчивыми к внешним факторам становятся села с более поздним основанием. В настоящее время время лучшее состояние чувашского села в сравнении с другими «национальными» селами (например, мордовскими, украинскими и т. д.) определяется занятостью населения в личном подсобном хозяйстве и сравнительно высокой рождаемостью.

В татарских населенных пунктах фиксируется дифференциация социально-экономической обстановки в зависимости от действия мощного внешнего фактора — города. Населенные пункты с сохранением традиционных установок среди местных жителей демонстрируют иное демографическое и миграционное поведение, уровень экономического благосостояния и сплоченности сельских сообществ. В населенных пунктах, испытавших серьезный миграционный отток населения еще в советский период, перспективы села тесно связаны с ролью институционального фактора (например, значимостью связей сельчан и выходцев из села; направления взаимодействия — физическая и финансовая помощь, содействие в трудоустройстве и т. д.).

Населенные пункты с иной, менее выраженной, этнической идентичностью населения (русской и мордовской) характеризуются худшей социально-экономической ситуацией (отсутствие мест приложения труда, высокий отток населения и т. д.). Трансформация села в них происходит более быстрыми темпами, либо вовсе уже завершилась (русские села) по причине низкой устойчивости сельских сообществ к внешним факторам. Население русских населенных пунктов не «привязано» к родной земле ввиду более позднего освоения территории, поэтому при наличии возможностей по переезду в город чаще стремится покинуть село.

Таблица 1. Характеристика и факторы трансформации типов сельских населенных пунктов в полиэтничном регионе (на примере Батыревского района Чувашии)

ПРЕОБЛАДАЮЩИЙ ЭТНОС	ЧУВАШИИ			ТАТАРЫ			ПРОЧИЕ	
	Центральные села	Села — локальные центры*	«Рядовые села»	Периферийные «новые села»	Центральные села с выраженной религиозной идентичностью*	Села — «локальные центры»		Деревни-выселки
ТИП НАСЕЛЕННОГО ПУНКТА	Центральные села	Села — локальные центры*	«Рядовые села»	Периферийные «новые села»	Центральные села с выраженной религиозной идентичностью*	Села — «локальные центры»	Деревни-выселки	
	Время основания, в.в.	XVI–XVII райцентры, центры сельсоветов	XVII центры сельсоветов	XVIII–XIX «рядовые» НП	XIX–XX «рядовые» НП	XVI–XVII центры сельсоветов	XVIII–XIX «рядовые» НП	XVIII–XIX «рядовые» НП
Административный статус	1926/1795	3-34	3-47	-	-	4-54	4-98	-
	4989/1926	1.1	1.12	0.45	1.23	1	0.78	0.63
Динамика численности населения, в раз.	0.87	0.82	0.79	0.7	0.98	0.8	0.72	0.58
	2002/1989	0.8	0.73	0.69	0.67	1.05	0.66	0.53
Размер НП (средняя плотность в 2021 г., чел.)	2021/2002	крупный (1574)	средний (546)	небольшой (270)	крупный (5379)	крупный (974)	мелкий (138)	мелкий (50)
	Уровень экономического благосостояния села	высокий	средний	низкий	низкий	крайне высокий	высокий	средний
Доля населения моложе/старше трудоспособного возраста в 2010 г., %	20/24	19/26	20/26	18/34	20/20	18/27	15/45	19/26
	Миграционный отток населения	невысокий	средний	высокий	высокий	низкий	средний	высокий
Наличие социальной инфраструктуры	есть	есть, минимальная	есть, но не везде	скорее нет, чем да	есть	есть, минимальная	есть, но не везде	нет
	личное подсобное хозяйство	4	1	1	1	1	2	1
Источники доходов (по значимости: 1 — мах, 5 — min)	занятость в с.х. организациях	2	2	1	1	3	2	1
	бюджетная сфера	1	4	4	3	3	3	3
Факторы трансформации НП	отходничество	2	3	2	2	2	2	2
	предпринимательство	3	5	5	5	5	5	5
ВНУТРЕННИЕ	социальные пособия	+	+	+/-	-	+	+	+
	Позиционный	+	+	-	-	+	+	-
ВНЕШНИЕ	Трудовой	+	+	-	-	+/-	-	-
	Инфраструктурный	+	+	+/-	-	+	-	+/-
ВНУТРЕННИЕ (+ положительное влияние; - отрицательное)	Демографический	+	+	+	+	+	-	-
	Психологический	+	+	+	+	+	-	-
ВНЕШНИЕ	Миграционный	+/-	-	-	-	+	-	-
	Институциональный	+	+	-	-	+	+/-	-

Составлено автором на основе исследования, а также (Федеральная служба, 2021), (Численность населения, 2012), (Чувашская энциклопедия, 2020).

СОВРЕМЕННОСТЬ

- Алексеев А. И., Сафронов С. Г. (2017). Типология сельских населенных пунктов Европейской части России в современной демографической и социально-экономической ситуации // Вестник Московского ун-та. Сер. 5. География. № 6. С. 55–61.
- Алексеев А. И., Сафронов С. Г., Савоскул М. С., Кузнецова Г. Ю. (2019). Основные тенденции эволюции сельского расселения России в XX — начале XXI вв. // ЭКО. № 4(538). С. 26–49.
- Вихрёв О. В., Ткаченко А. А., Фомкина А. А. (2016). Системы сельского расселения и их центры (на примере Тверской области) // Вестник Московского ун-та. Сер. 5. География. № 2. С. 30–37.
- Зубаревич Н. В. (2013). Трансформация сельского расселения и сети услуг в сельской местности // Известия РАН. Серия Географическая. № 3. С. 26–38.
- Имангулов Л. Р., Максименко М. Р., Савоскул М. С., Сафронов С. Г. (2021). Влияние этнокультурного фактора на эволюцию сельского расселения на примере полиэтничных районов Башкирии и Марий Эл // Вестник Московского ун-та. Сер. 5. География. № 1. С. 109–119.
- Исторические карты Чебоксарского уезда Казанской губернии и Чувашской АССР. URL: <http://www.etomesto.ru/map-chuvashiya>
- Нефедова Т. Г. (2012а). Десять актуальных вопросов о сельской России: ответы географа. М.: УРСС. С. 180–187.
- Нефедова Т. Г. (2012б). Основные тенденции изменения социально-экономического пространства сельской России // Известия РАН. Серия Географическая. № 3. С. 5–21.
- Нефедова Т. Г. (2018). Факторы и тенденции изменения сельского расселения в России // Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. № 7. С. 4–20.
- Федеральная служба государственной статистики: база данных муниципальных образований Чувашской Республики. URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst97/DBInet.cgi>
- Численность населения (2012) городских округов, муниципальных районов, городских и сельских поселений, населенных пунктов Чувашской Республики по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года: статистический сборник. Чебоксары: Чувашстат.
- Чувашская энциклопедия. Населенные пункты Батыревского района. URL: <http://www.enc.cap.ru/?t=world&lnk=53>
- Чучкалов А. С., Алексеев А. И. (2020). Эффект колеи в эволюции сельских населенных пунктов Республики Марий Эл // Вестник Московского ун-та. Сер. 5. География. № 2. С. 53–65.
- Эльдаров Э. М. (2008). Дагестан: факторы развития сельской системы расселения в постсоветский период // Кавказ & Глобализация. Т. 2. № 1. С. 105–115.

Typology of settlements in a polyethnic region (on the example of Chuvashia)

Linar R. Imangulov, Master's Student, Department of Economic and Social Geography of Russia, Lomonosov Moscow State University. 119991, Moscow, Leninskie Gory, 1.
E-mail: linar.imangulov.1999@mail.ru

Abstract. On the example of Chuvashia (Batyrevsky district), the author considers the stages and factors of the transformation of rural settlements in general and of particular rural settlements in the pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet periods. The author

identifies a relationship of various transformation factors at different stages of the rural settlement development. In the pre-revolutionary period, this development was determined by the ecology of the territory and demographic resources, in the Soviet period — by the administrative-territorial transformations and “external shocks” (wars, famine, etc.), in the post-Soviet period — by the scale of the population outflow to large cities, institutional conditions and ethnic structure. The survey in rural areas of Chuvashia revealed the differentiation of villages on the basis of their ethnic structure and other features. Based on the analysis of the statistical data and field observations, the author presents a typology of rural settlements in the multiethnic region, taking into account a set of characteristics of the village as determined by the prevailing ethnos (the time of the settlement’s foundation, its administrative status, population dynamics in different periods, economic well-being, the development of social infrastructure, the scale of migration outflow, etc.). Examples of the selected types of settlements: Chuvash central villages, Chuvash villages — ‘local centers’, Chuvash ‘ordinary villages’, Tatar central villages, Russian villages with former industrial specialization, etc. In the post-Soviet period, transformations of different types of rural settlements were influenced by factors of internal and external nature in different proportions. Thus, the social-economic situation in the Chuvash settlements is determined by a relatively high birth rate and employment opportunities in agriculture due to the preservation of the share distribution of land. In Tatar villages, the social-economic situation depends rather on the manifestation of ethnic-psychological features of the population — the most regulated, closed and cohesive societies are economically more successful and sustainable concerning external factors.

Key words: geography of rural areas, factors of rural transformation, ethnic structure of the population.

References

- Alekseev A. I., Safronov S. G. (2017) Tipologiya selskih naselennykh punktov Evropejskoj chasti Rossii v sovremennoj demograficheskoj i sotsialno-ekonomicheskoj situatsii [Typology of rural settlements in the European part of Russia in the contemporary demographic and social-economic situation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya 5: Geografiya*, no 6, pp. 55–61.
- Alekseev A. I., Safronov S. G., Savoskul M. S., Kuznetsova G. Yu. (2019) Osnovnye tendentsii evolyutsii selskogo rasseleniya Rossii v XX — nachale XXI vv. [The main trends in the evolution of rural settlement in Russia in the 20th — early 21st century]. *EKO*, no 4, pp. 26–49.
- Vikhrov O. V., Tkachenko A. A., Fomkina A. A. (2016) Sistemy selskogo rasseleniya i ikh tsentry (na primere Tverskoj oblasti) [Rural settlement systems and their centers (on the example of the Tver Region)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya 5: Geografiya*, no 2, pp. 30–37.
- Zubarevich N. V. (2013) Transformatsiya selskogo rasseleniya i seti uslug v selskoj mestnosti [Transformation of the rural settlement and service networks in rural areas]. *Izvestiya RAN, Seriya: Geograficheskaya*, no 3, pp. 26–38.
- Imangulov L. R., Maksimenko M. R., Savoskul M. S., Safronov S. G. (2021) Vliyanie etnokulturnogo faktora na evolyutsiyu selskogo rasseleniya na primere polietnichnykh rajonov Bashkirii i Marij El [The influence of the ethnic-cultural factor on the evolution of the rural settlement on the example of polyethnic areas in Bashkiria and Mari El]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya 5: Geografiya*, no 1, pp. 109–119.
- Istoricheskie karty Cheboksarskogo uezda Kazanskoj gubernii i Chuvashskoj ASSR [Historical maps of the Cheboksary uyezd of the Kazan Province and the Chuvash ASSR]. URL: <http://www.etomesto.ru/map-chuvashiya>.

- Nefedova T. G. (2021a) *Desyat aktualnyh voprosov o selskoj Rossii: otvety geografa* [Ten Topical Questions about Rural Russia: Answers of the Geographer], Moscow: URSS, pp. 180–187.
- Nefedova T. G. (2021b) Osnovnye tendentsii izmeneniya sotsialno- ekonomicheskogo prostranstva selskoj Rossii [The main trends of changes in the social-economic space of rural Russia]. *Izvestiya RAN. Seriya: Geograficheskaya*, no 3, pp. 5–21.
- Nefedova T. G. (2018) Faktory i tendentsii izmeneniya selskogo rasseleniya v Rossii [Factors and trends of changes in the rural settlement in Russia]. *Vestnik Assotsiatsii rossijskih geografov-obshchestvovedov*, no 7, pp. 4–20.
- Federalnaya sluzhba (2020) gosudarstvennoj statistiki: baza dannyh munitsipalnyh obrazovanzij Chuvashskoj respubliky [Federal State Statistics Service: database of municipalities of the Chuvash Republic]. URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munstg7/DBInet.cgi>.
- Chislennost naseleniya (2012) gorodskih okrugov, munitsipalnyh rayonov, gorodskih i selskih poselenij, naselennyh punktov Chuvashskoj respubliky po itogam Vserossijskoj perepisi naseleniya 2010 goda: statistichesky sbornik* [Population of Urban Districts, Municipal Districts, Urban and Rural Settlements, Settlements of the Chuvash Republic According to the Results of the 2010 All-Russian Population Census: A Statistical Collection], Cheboksary: Chuvashstat.
- Chuvashskaya Entsiklopediya (2020) Naselennye punkty Batyrevskogo rayona [Chuvash Encyclopedia. Settlements of the Batyrevsk district]. URL: <http://www.enc.cap.ru/?t=world&lnk=53>.
- Chuchkalov A. S., Alekseev A. I. (2020) Effekt kolei v evolyutsii selskih naselennyh punktov Respubliki Marij El [The track effect in the evolution of rural settlements in the Republic of Mari El]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya 5: Geografiya*, no 2, pp. 53–65.
- Eldarov E. M. (2008) Dagestan: faktory razvitiya selskoj sistemy rasseleniya v postsovet'skij period [Dagestan: Factors of the development of the rural settlement system in the post-Soviet period]. *Kavkaz & Globalizatsiya*, vol. 2, no 1, pp. 105–115.

Положение трудовых мигрантов в период пандемии в сельском хозяйстве России

О. А. Кислый, М. А. Исаева

Олег Алексеевич Кислый, кандидат педагогических наук, доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации Российская Федерация 119571, г. Москва, проспект Вернадского, д. 84, корп. 1. E-mail: razboiniki@yandex.ru

Мария Андреевна Исаева, сотрудник отдела по контролю в сфере миграции Управления по вопросам миграции Главного управления Министерства внутренних дел России по г. Москве, Российская Федерация 115035 г. Москва, Садовническая ул., д. 63, стр. 7. E-mail: masis2001@mail.ru

Аннотация. Многие страны сталкиваются с дефицитом трудовых ресурсов и стремятся решить проблему аграрной занятости, привлекая рабочую силу из-за рубежа. Оценка роли трудовой миграции в развитии сельского хозяйства требует скрупулезного анализа миграционной статистики, поскольку широко распространена нелегальная миграция, а вместе с ней и незаконная занятость, не ведется статистический учет сезонных работников. А потому кажется, что мигранты составляют незначительную часть занятых в сельском хозяйстве и без них можно обойтись. Однако на фоне сложившейся в мире обстановки — пандемии коронавируса — стал ощущаться дефицит рабочей силы иностранных граждан. В допандемийный период в Российскую Федерацию ежегодно въезжали миллионы иностранных работников. А в период пандемии задействование мигрантов в сельском хозяйстве и продовольственной системе многих стран затруднилось, что высветило их важную роль в экономике. Вопросы воздействия пандемии на рынок иностранного труда вышли на передний план в повестке дня международной политики, а меры по борьбе с COVID-19, ограничивающие передвижение людей, привели к дефициту рабочих рук в сельском хозяйстве и осознанию недооценки их вклада в хозяйственную деятельность стран.

Ключевые слова: миграционные процессы, миграционная политика, пандемия, COVID-19, сельское хозяйство, трудовые мигранты, иностранная рабочая сила

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-4-125-135

Миграция как социальное явление

Миграции были характерны для человечества всю его историю. В сегодняшнем глобализованном мире люди находятся в постоянном движении. Миграция размывает традиционные границы между культурами, этническими группами и языками, вносит свой вклад в многообразие, культурное и экономическое богатство. Однако многими миграция воспринимается как вызов или даже угро-

за, например, для механизмов обеспечения прав человека для всех, в том числе и мигрантов, чьи права часто нарушаются.

Миграция — это процесс передвижения либо через международную границу, либо внутри страны; таким образом, она подразумевает любой тип перемещения людей, независимо от того, принимает ли решение о миграции человек свободно, по причинам «личного удобства», либо под воздействием принудительного фактора. В зависимости от контекста есть мигранты, возвращающиеся мигранты, иммигранты, беженцы, перемещенные лица и лица иммигрантского происхождения и/или члены групп этнических меньшинств, которые возникли в результате иммиграции.

При *добровольной миграции* люди уезжают из своего дома либо по собственному выбору, в основном из-за так называемых «стимулирующих факторов» (поиск лучших возможностей для продвижения по службе), даже если имеющийся у них выбор весьма ограничен. *Насильственная миграция* является в основном результатом «выталкивающих факторов» (например, война, голод и др., нарушения основных прав). Однако всегда существует сочетание выталкивающих или стимулирующих факторов: многие мигранты покидают свою страну как по экономическим причинам, так и для того, чтобы не подвергнуться нарушениям прав человека. Даже экономические мигранты могут рассматриваться как вынужденные, когда они спасаются бегством от ситуаций, в которых нарушаются их экономические права.

Формы миграции могут различаться в силу разных факторов, например, мотивов, юридического статуса лиц или продолжительности. Перечислим некоторые общепринятые термины:

- временные трудовые мигранты;
- высококвалифицированные и бизнес-мигранты: специалисты, которые передвигаются в рамках международного рынка труда транснациональных корпораций и международных организаций;
- нерегулярные (или не имеющие документов, не имеющие разрешения) мигранты: лица, которые въезжают в страну без необходимых документов и разрешений;
- вынужденные мигранты: беженцы, лица в поисках убежища или лица, вынужденные передвигаться в результате внешних факторов, таких как вооруженные конфликты или экологические катастрофы;
- члены семьи мигрантов: те, кто присоединяется к своим уже мигрировавшим родственникам;
- возвращающиеся мигранты: лица, возвращающиеся в свои страны происхождения после определенного периода пребывания в другой стране.

Беженцы, лица в поисках убежища и внутренне перемещенные лица пользуются особой защитой на основании международного права. УВКБ ООН определяет эти группы следующим образом: бе-

женец — это «лицо, которое не может или не желает возвращаться в свою страну происхождения в результате обоснованных опасений подвергнуться преследованиям по признаку расы, религии, национальности, принадлежности к конкретной социальной группе или из-за политических взглядов».

Лица в поисках убежища — это «лица, которые стремятся получить международную защиту и на чьи заявления на получение официального статуса беженца еще не дано ответа»¹.

Внутренне перемещенные лица — это лица, которых «заставили или вынудили бросить или покинуть свои дома или места обычного проживания, в частности в результате или во избежание последствий вооруженного конфликта, повсеместных проявлений насилия, нарушений прав человека, стихийных или вызванных деятельностью человека бедствий, и кто не пересекал международно признанных государственных границ»².

Существует еще одна группа лиц, члены которой сталкиваются с аналогичными проблемами и нарушениями прав человека, хотя они могли вообще не менять своего места жительства — лица без гражданства. К этой группе принадлежат лица, которые не рассматриваются в качестве граждан ни одним государством; в силу этого они не могут воспользоваться правами, предоставляемыми только гражданам. Есть самые разные причины, по которым определенное лицо может стать лицом без гражданства, в том числе и распад таких стран, как Советский Союз или Югославия, или создание новых стран в результате деколонизации. УВКБ ООН получило полномочия от Генеральной Ассамблеи ООН предупреждать и сокращать безгражданство в мире, а также защищать права лиц без гражданства.

Все указанные выше типы мигрантов характерны для современной России. Приезжающие в Россию мигранты не составляют однородную массу: различны их мотивы и планы переезда в нашу страну. В данной статье мы остановимся на одной группе — трудовых мигрантах, приезжающих на работу в сельском хозяйстве.

Пандемия, экономика и миграционные потоки: Россия и мир

Государственная политика в сфере миграции всегда занимала ведущее место во внешней и внутренней политике Российской Федерации на протяжении всей ее истории. Исследование многими учеными совокупности ста семидесяти семи видов, масштабов и причин миграции в любом государстве позволяет не только лучше понять

1. Конвенция и Протокол о статусе беженцев, УВКБ ООН: URL: <http://www.unhcr.org/3b66c2aa10.pdf>

2. Руководящие принципы по вопросу о перемещении лиц внутри страны, ООН: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unhcr.org/43ce1cff2.html>

и осознать характерные черты ее истории, идентичности и национального «склада ума», но и наметить курс миграционной политики государства в современных реалиях (Кислый, Лукашин, 2021; Кислый, Потапкин, 2016; Исаева, Кислый, 2021).

Важным направлением в социально-экономическом развитии России становится международная трудовая миграция, ведь в таком глобальном явлении, как межгосударственный трудовой обмен, задействованы чуть ли не все зарубежные страны. Если не брать во внимание вспышку пандемии COVID-19, количество международных трудовых мигрантов в мире достигло отметки в 164 миллионов человек³.

Ввиду нынешней обстановки и стоящих перед нашей страной вызовов социально-экономические параметры притягивания и эксплуатации иностранной рабочей силы имеют существенное значение, а потому трудовая миграция — одна из важнейших «шестеренок» роста российской экономики. Об этом «говорят» данные ведомственных источников информации: только за 11 месяцев 2020 года иностранные граждане, работающие в России по трудовым патентам, перечислили в бюджеты регионов 43,5 млрд рублей⁴.

К примеру, как сообщает Bloomberg, из-за пандемии коронавируса фермеры в Европе и США столкнулись с проблемой нехватки сезонных рабочих-мигрантов для уборки урожая. В Испании, Италии и на юге Франции портятся урожаи клубники и спаржи, возникают проблемы с выращиванием других агрокультур. Две трети сезонных работников в ЕС обычно составляют приезжие из Центральной и Восточной Европы, Туниса и Марокко, однако Евросоюз закрыл границы шенгенской зоны, также ужесточился контроль на национальных границах. В 2019 году в США работало 258 тыс. рабочих-мигрантов, в основном из Мексики, однако в середине марта 2020 года Госдепартамент приостановил выдачу специальных рабочих виз для мексиканцев. По информации Reuters, в Индии серьезная нехватка рабочей силы из-за карантина затруднит сбор урожая озимых агрокультур, в частности пшеницы. В ведущих аграрных регионах страны работают приезжие из Восточной Индии, большинство из которых вернулись домой, когда стал вводиться карантин. Пик уборочной кампании приходится на середину апреля, однако фермеры не могут найти рабочих. Поздняя уборка грозит снижением урожайности и смещением сроков сева под урожай следующего сезона. С аналогичными проблемами столкнутся овощеводы и садоводы.

В Европе складывается сложная ситуация в отраслях тепличного и грунтового овощеводства, в виноградарстве, садоводстве.

3. Для них — границу на замок // Российская газета: [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2021/01/25/skolkim-inostrancam-zapretili-vezd-v-rossiiu-v-2020-godu.html>

4. Там же.

В этих секторах проводится много сезонных работ: весенняя обрезка, подготовка насаждений к лету, уборка. Самый большой в мире поток мигрантов для сезонных аграрных работ — из Мексики и других южноамериканских стран в США. Даже вроде бы такие небольшие сектора агропроизводства, как кофейная индустрия, могут пострадать: часто на уборке (а она практически круглогодичная) в латиноамериканских странах задействовано население соседних государств. В качестве примера — уборщики кофе в Коста-Рике в основном из Никарагуа.

Если говорить о России, то Федеральная служба государственной статистики опубликовала оценку численности населения России на 1 января 2021 г. — 146,238 млн человек, и зафиксировала рекордную за 15 лет убыль населения в 2020 году⁵. По несложным математическим подсчетам она составила за год 511 тыс. человек! Печальную демографическую динамику в 2020 году обусловили три фактора: снижение рождаемости, ускорение естественной убыли из-за пандемии коронавируса, а также резкое снижение иммиграции. Особенности современного российского рынка труда состоят в том, что он очень зависим от труда мигрантов, поскольку в России сложился огромный дефицит низко- и среднеквалифицированной рабочей силы во многих сегментах экономики. Пандемия показала, что ни один рынок труда в мире так не зависит от мигрантов, как российский. Если до пандемии мигранты искали работу, то сейчас, наоборот, конкуренция между работодателями за приезжих работников усиливается с каждым месяцем. В большей степени это касается строительного сектора, который мог бы стать точкой роста, если бы не острая нехватка рабочих на строительных площадках по всей России. В конце 2020 года было заявлено о том, что 40% компаний, использующих труд приезжих работников, страдают от недостатка рабочих рук, в январе 2021 года речь шла уже о 60%. Зарплаты в строительстве с начала 2021 года выросли с 50 до 80–90 тыс. руб. Из-за нехватки мигрантов-строителей в России подорожает жилье в новостройках.

Повсеместный кризис экономики и мировая пандемия коронавируса повлияли и на пространственную мобильность и трансграничные передвижения населения, оставив шлейф социально-экономических последствий. Так, в повестке дня международной политики откликнулись вопросы воздействия пандемии на рынок труда иностранных граждан.

Введенные ограничения снизили масштабы привлечения и использования иностранных работников: в 2020 году, по сравнению с 2019 годом, количество выданных разрешений на работу иностранным гражданам и лицам без гражданства сократилось вдвое; прием из-за рубежа контингента квалифицированных специалистов

5. Федеральная служба государственной статистики: [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/>

сократился в 2,3 раза; а в 1,7 раза снизился приток новых иностранных работников, относящихся к числу высококвалифицированных; выданные патенты на трудовую деятельность иностранным гражданам из стран с безвизовым въездом потеряли 36% (Наумов, Потапова, 2017).

Пандемия и мигранты в АПК России

Как и многие зарубежные страны, Россия использует трудовых мигрантов в отраслях агропромышленного комплекса (далее — АПК). С приходом пандемии возросла роль иностранной рабочей силы в сельском хозяйстве и продовольственной системе. Так, стал ощущаться в начале полевого сезона 2020 года дефицит трудовых иностранных кадров как в отдельных отраслях сельского хозяйства, так и в некоторых регионах страны. Закрытие границ страны в марте 2020 года приостановило традиционные потоки тысяч иностранных работников, в основном из стран постсоветского пространства, Средней Азии, а также из Китая, Вьетнама, Кореи и т. д., для занятости в сельском хозяйстве в таких регионах страны, как Подмосковье, низовье Волги, юг Дальнего Востока и т. д. Поскольку процесс плодоводства и овощеводства требует ручного труда, то ограничение въезда на территорию Российской Федерации иностранных граждан «дало ощутить» трудоемким отраслям земледелия нехватку трудовых ресурсов.

Например, Союз производителей ягод информирует о трудностях уборки урожая в связи с ограничениями привлечения иностранных сборщиков. Что касается эксплуатации трудовых кадров местности, то они не могут заменить тот результат, который «даровала» иностранная рабочая сила, не могут восполнить ее дефицит. Об этом же сообщают представители Картофельного союза России (Полухин, 2020). Директор Плодоовощного союза докладывает, что на некоторых предприятиях иностранные граждане — почти 80% от общей численности занятых, и овощеводство напрямую зависит от трудовых мигрантов из-за рубежа (Максимова, Кулистикова, 2020).

Сельское хозяйство претерпевает трудности с сезонными работниками, которые приезжали на полевые работы весной, осенью участвовали в сборе урожая, а на зиму возвращались к себе домой — на родину. Минсельхоз России оценил напряженность с сезонными трудовыми ресурсами в сельском хозяйстве вследствие ограничения въезда в страну иностранных граждан в 23 тыс. человек [8]. Однако стоит отметить, что отсутствует «прозрачная» статистика занятости иностранных граждан в экономике Российской Федерации по сегментам, поэтому вышеуказанная котировка занижена и необъективна. Следует не забывать также о широком распространении нелегального найма мигрантов.

В условиях пандемии и самоизоляции восполнение нехватки иностранной рабочей силы было реализовано за счет механизма вовлечения местных кадров к сельскохозяйственным работам. Так, были призваны на помощь студенты аграрных вузов, заключенные, безработные и те, кто не мог продолжать работу на постоянном месте трудоустройства из-за ограничительных мер⁶.

Миграционная политика во время пандемии

Очевидно, что миграционные процессы ставят на повестку дня потребность в их правовом регулировании для целей защиты прав и свобод, а также исполнения обязанностей государством, обеспечения общественной безопасности, решения социально-экономических проблем в Российской Федерации. Объективная потребность в правовом регулировании миграционной политики объясняется волевой деятельностью людей, выражающейся в территориальном перемещении, в необходимости упорядочения общественных отношений.

Вопросы международной трудовой миграции до настоящего времени незаслуженно редко становились предметом аграрно-экономических исследований. Труд иностранных мигрантов играет все большую, зачастую определяющую роль в овощеводстве, плодоводстве и в целом ряде других отраслей АПК. Этим обуславливается важность и актуальность анализа значения международной трудовой миграции для современного развития мирового сельского хозяйства с учетом специфики отдельных стран и районов, которое поможет выработать меры регулирования государством международной миграции сельскохозяйственных работников. Как раз таки это и есть результативное средство развития сельского хозяйства, нежели выдворение и депортация иностранных граждан, а также иные меры ужесточения миграционной политики.

На пути возвращения национальной экономики от кризиса, вызванного пандемией COVID-19, к стабильному росту, к достижению сбалансированности на различных уровнях экономики, к подъему производительности труда, к наверстыванию потерь объемов трудовых ресурсов, как ни крути, существенным этапом остается поиск «идеальных шестеренок» механизма, совершенствующих регулирование рынка труда иностранных работников. Так, необходимо дифференцировать политику координации потоков мигрантов на различных секторах рынка труда: поощрять въезд «нуж-

6. Минсельхоз России обеспечит уборочную кампанию необходимыми трудовыми ресурсами / Министерство сельского хозяйства России: [Электронный ресурс]. URL: <http://mcs.ru/press-service/news/minselkhoz-rossii-obespechit-uborochnuyu-kampaniyu-neobkhodimymi-trudovymi-resursami/>

ных» для развития хозяйства трудовых мигрантов, ограничивать доступ на рынок труда тех иностранных работников, в которых нет большой необходимости. Что касается квалифицированных и высококвалифицированных иностранных работников, то облегченные и упрощенные процедуры их интеграции на рынок труда не мешают, например: снижение стоимости патента для мигрантов из безвизовых стран, обладающих профессиональным образованием и востребованных на рынке труда России; упрощенный порядок предоставления вида на жительство для работников высшей квалификации и т. д.

7 октября 2021 года Правительство Российской Федерации своим Постановлением утвердило предельную величину иностранных работников в отдельных видах экономической деятельности на 2022 год⁷. На фоне коронавирусных ограничений и оттока мигрантов тренд на постепенное вытеснение иностранцев из различных отраслей хозяйственной деятельности остановился.

Таблица 1. Допустимая доля иностранных работников в отдельных видах экономической деятельности

Код по ОК 029-2014	Вид экономической деятельности	2020 год	2021 год	2022 год
01.13.1	Выращивание овощей	50%	50%	50%
02	Лесоводство и лесозаготовки	—	50%	50%
16	Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели	—	50%	50%
Раздел F	Строительство	80%	80%	80%
46.73.1	Торговля оптовая древесным сырьем и необработанными лесоматериалами	—	50%	50%
46.73.2	Торговля оптовая пиломатериалами	—	50%	50%
47.25.1	Торговля розничная алкогольными напитками, включая пиво, в специализированных магазинах	15%	15%	15%
47.26	Торговля розничная табачными изделиями в специализированных магазинах	15%	15%	15%

7. Постановление Правительства Российской Федерации от 07.10.2021 № 1706 «Об установлении на 2022 год допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими на территории Российской Федерации отдельные виды экономической деятельности».

47.73	Торговля розничная лекарственными средствами в специализированных магазинах (аптеках)	0%	0%	0%
47.8	Торговля розничная в нестационарных торговых объектах и на рынках	0%	0%	0%
47.99	Торговля розничная прочая вне магазинов, палаток, рынков	0%	0%	0%
49.3	Деятельность прочего сухопутного пассажирского транспорта	26%	24%	24%
49.41	Деятельность автомобильного грузового транспорта	26%	24%	24%
68.32	Управление недвижимым имуществом за вознаграждение или на договорной основе	—	70%	70%
81	Деятельность по обслуживанию зданий и территорий	—	70%	70%
93.19	Деятельность в области спорта	25%	25%	25%

Можно увидеть, что Россия благодаря пандемии COVID-19 в таких категориях, как «Лесоводство и лесозаготовки», «Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели», «Торговля оптовая древесным сырьем и необработанными лесоматериалами», «Торговля оптовая пиломатериалами», «Управление недвижимым имуществом за вознаграждение или на договорной основе», «Деятельность по обслуживанию зданий и территорий», смогла установить допустимую долю иностранных работников.

Так, для некоторых регионов сделаны исключения из общих правил. В частности, Астраханскую область вывели из-под ограничений на привлечение иностранцев в овощеводство. А в Бурятии, Амурской области и Москве разрешили привлекать без ограничений иностранных строителей. Вместе с тем для Дагестана и Краснодарского края ограничения на привлечение иностранцев в строительство, наоборот, установлены жестче, чем для остальных регионов. В Дагестане — это 50% от общей численности всех работников, а в Краснодарском крае — 60%⁸.

Работодателям, использующим труд иностранных работников, следует обращать внимание на необходимость оказания помощи в адаптации и интеграции мигрантов в новое сообщество, недопустимости создания рабочих мест с заниженной оплатой труда и невыплаты заработной платы иностранным работникам, недопущению возникновения межконфессиональных и межэтнических конфликтов; на разъяснение порядка оформления трудовых от-

8. Размер допустимой доли иностранных работников на 2022 год: [Электронный ресурс]. URL: <http://legallabor.ru/sobytiya-i-informatsiya/231-razmer-dopustimoy-doli-inostrannykh-rabotnikov-na-2022-god>

ношений и получения необходимых разрешительных документов в Многофункциональных миграционных центрах. Необходимо благоприятствовать мигрантам находиться в правовом поле законодательства Российской Федерации, создавать государственную и частную инфраструктуру, состоящую из разнообразных справочных, консультационных, правовых, посреднических и прочих сервисов.

Проблема расширения использования информационных технологий в области регулирования международной трудовой миграции сегодня также актуальна. «Ключом» ее решения может стать внедрение в статистическую практику учета разнообразных форм территориальной мобильности населения, введение «внятной» статистики трудовой иммиграции, переход в статистической практике от данных административного учета числа выданных разрешений (патентов) на право занятия трудовой деятельностью к учету количества самих трудовых мигрантов. А этого можно достичь путем внедрения тех же самых цифровых технологий в сферу миграции.

Библиография

- Кислый О. А., Лукашин М. В. (2021). Генезис миграции в России // Эпомен. № 54. С. 175–183.
- Кислый О. А., Потапкин А. М. (2016). Актуальные вопросы в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков по материалам УМВД России по Брянской области // Актуальные вопросы теории и практики организации оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. М. С. 105–111.
- Наумов А. С., Потапова А. А. (2017). Влияние международной трудовой миграции на современное региональное развитие мирового сельского хозяйства // Региональные исследования. № 4. С. 56–70.
- Полухин А. (2020). Фермерам дали по рабочим рукам // Коммерсантъ. № 63: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4316499>
- Максимова Е., Кулистикова Т. (2020). Агросектору не хватает мигрантов // Агроинвестор: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.agroinvestor.ru/analytics/news/33497-agrosektoru-ne-khvataet-migrantov/>
- Исаева М. А., Кислый О. А. (2021). Транснациональная наркопреступность во взаимосвязи с незаконной миграцией // Эпомен. № 56. С. 184–194.

The position of labor migrants in agriculture under the pandemic

Oleg A. Kisliy, PhD (Pedagogy), Assistant Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Prosp. Vernadskogo, 82 Moscow, 119571. E-mail: razboiniki@yandex.ru

Maria A. Isaeva, Officer, Division for Control in the Field of Migration, Main Directorate, Russian Ministry of Internal Affairs, Moscow 115035, Sadovnicheskaya St., 63, bldg. 7. E-mail: masis2001@mail.ru

Abstract. Many countries face a shortage of labor resources and try to provide agricultural employment by attracting labor migrants from abroad. A 'review' of the role of labor migration in the development of agriculture requires a thorough analysis of migration statistics, since illegal migration is widespread, and there are no statistical records on seasonal workers. Therefore, migrants seem to make up an insignificant part of those employed in agriculture. However, the current global situation — the coronavirus pandemic — revealed a shortage of workplaces for labor migrants. In the pre-pandemic period, millions of foreign workers entered the Russian Federation every year. Under the pandemic, to attract migrants to agriculture and food production system of other countries became difficult, which highlighted their important role in the economic development. Therefore, the impact of the pandemic on the foreign labor market entered the agenda of international politics and measures to combat the covid-19 that limited migration, thus, determining a shortage of workers in agriculture and the underestimation of their contribution to national economies of other countries.

Key words: migration processes, migration policy, pandemic, covid-19, agriculture, national economy, labor migrants, foreign labor force, labor migration

References

- Kisliy O. A., Lukashin M. V. (2021) Genezis migracii v Rossii [The genesis of migration in Russia]. *Epomen*, no 54, pp. 175–183.
- Kisliy O. A. Potapkin A. M. (2016) Aktual'nye voprosy v sfere protivodejstviya nezakonnemu obrotu narkotikov po materialam UMVD Rossii po Bryanskoj oblasti [Topical issues in the field of combating drug trafficking based on the materials of the Russian MIA Administration for the Bryansk Region]. *Aktual'nye voprosy teorii i praktiki organizacii operativno-rozysknoj deyatel'nosti organov vnutrennih del* [Topical Issues of the Theory and Practice of Operational-Search Activities of the Internal Affairs Bodies], Moscow, pp. 105–111.
- Naumov A. S., Potapova A. A. (2017) Vliyanie mezhdunarodnoj trudovoj migracii na sovremennoe regional'noe razvitie mirovogo sel'skogo hozyajstva [The influence of the international labor migration on the contemporary regional development of global agriculture]. *Regionalnye issledovaniya*, no 4, pp. 56–70.
- Polukhin A. (2020) Fermeram dali po rabochim rukam [Farmers got their knuckles rapped]. *Kommersant*, no 63. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4316499>.
- Maksimova E., Kulistikova T. (2020) Agrosektoru ne hvataet migrantov [The agricultural sector lacks migrants]. URL: <https://www.agroinvestor.ru/analytics/news/33497-agrosektoru-ne-khvataet-migrantov>.
- Isaeva M. A., Kisliy O. A. (2021) Transnacional'naya narkoprestupnost' vo vzaimosvyazi s nezakonnnoj migraciej [Transnational drug-related crime as associated with illegal migration]. *Epomen*, no 56, pp. 184–194.

Факторы трансформации пригородной сельской местности депрессивного региона (на примере Биробиджанского района Еврейской автономной области)¹

А. С. Чучкалов, С. Н. Мищук, Н. К. Греля

Александр Сергеевич Чучкалов, студент магистратуры кафедры Экономической и социальной географии России географического факультета МГУ. 119991 Москва, Ленинские горы, д. 1. E-mail: chuchkalov_sashka@mail.ru

Светлана Николаевна Мищук, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН. 119333 Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1; ведущий научный сотрудник Института комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН. 679016 Биробиджан, ул. Шолом-Алейхема, д. 4. E-mail: Svetamic79@mail.ru

Наталья Константиновна Греля, студентка магистратуры кафедры Экономической и социальной географии России географического факультета МГУ. 119991 Москва, Ленинские горы, д. 1. E-mail: ngrelya.mkrgo@mail.ru

Аннотация. На основе результатов полевых исследований проведен анализ постсоветских трансформаций территориальной организации пригородной сельской местности депрессивного Дальневосточного региона (территория исследования — Биробиджанский район Еврейской автономной области). Трансформация сельской местности была рассмотрена с точки зрения воздействия разнонаправленных факторов, разделенных на «внешние» (рамочные) и на «внутренние» (локальные, свойственные определенному сельскому социуму). Дана характеристика влияния на сельскую местность таких «внешних» факторов, как урбанизация, смена специализации сельского хозяйства, изменение административно-территориального и муниципального устройства, оптимизация сферы предоставления социальных услуг, динамика состояния инфраструктуры сельской местности и внешних институциональных условий развития. При рассмотрении «внутренних» (локальных) факторов трансформации выявлены различия в социальной структуре мигрантов из Биробиджана в пригородную сельскую местность. Описаны изменения в структуре сельского населения по сферам занятости и по преобладающим источникам доходов как результат воздействия совокупности факторов. Охарактеризованы некоторые трансформации образа жизни сельского населения. На основании оценки степени воздействия факторов на депопуляцию сельских населенных пунктов разных типов были предложены отдельные управленческие меры. В целом был сделан вывод, что Биробиджанский район — редкий для России пример пригородной

1. Статья подготовлена в ходе выполнения проекта, поддержанного РНФ, № 21-17-00112 «Трансформация различных типов сельской местности России под влиянием внутренних и внешних факторов в современных социально-экономических и демографических условиях».

по отношению к региональному центру сельскохозяйственной территории, сельская местность которой характеризуется сокращением числа выполняемых функций.

Ключевые слова: сельская местность, депопуляция, пригородная территория, факторы трансформации, сельско-городские миграции, сельская занятость, сельский социум, сельский населенный пункт, Еврейская автономная область, Биробиджан, личные подсобные хозяйства, маргинализация

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-4-136-163

*А. С. Чучкалов,
С. Н. Мищук,
Н. К. Греля*
Факторы трансформации пригородной сельской местности депрессивного региона

В работах многих эконом-географов по социально-экономической трансформации сельских районов, располагающихся в непосредственной транспортной доступности от центров субъектов РФ, присутствуют выводы об определяющем влиянии на них пригородного положения (Гусева, 2012). По мере концентрации населения вокруг региональных центров в сельской местности пригородных районов Европейской России вследствие наиболее благоприятного сочетания социально-экономических факторов развития территории, как правило, растет полифункциональность (Нефедова, 2012; Алексеев, Сафронов, 2015).

Тем не менее остается открытым вопрос — в какой мере рост полифункциональности сельской местности присущ пригородным сельским районам Азиатской России и, в частности, Дальневосточному региону. Примером территории с яркой спецификой в истории хозяйственного освоения является Еврейская автономная область (ЕАО). Входившая в советское время в состав Хабаровского края ЕАО исторически обладала более развитым сельским хозяйством (Фрисман, 2007). Вместе с тем для экономики региона в 1990-е и 2000-е годы был свойственен исключительно длительный период депрессивности (Леонов, Корсунский, 1999; Корсунский, Леонов, 2006). Несмотря на то что определение ЕАО как депрессивной территории уже в 2010-е годы становится предметом дискуссий, продолжительный структурный кризис экономики региона не мог не отразиться на его сельской местности. Исследованиям сельской местности ЕАО в различной форме ранее уже были посвящены работы Калининой И. В. (Калинина, 2013; Калинина, Комарова, 2013), Соловченкова С. А. (Соловченков, 2011, 2013; Соловченков, Стельмах, 2014), Мищук С. Н. (Мищук, 2016, 2021) и Кутовой С. В. (Кутовая, 2015, 2016).

Цель нашей статьи — проанализировать постсоветские трансформации территориальной организации сельской местности пригородного Биробиджанского района ЕАО. В комплексном исследовании мы сфокусировались на воздействии на территорию разнонаправленных факторов, условно разделенных на «внешние» и «внутренние».

Под «внешними» факторами трансформации сельской местности авторами понимается многообразие рамочных факторов, обусловленных прямым влиянием, либо естественных природных и социально-экономических процессов (урбанизация, трансформация сельского хозяйства), либо управленческих решений, внешних по отношению к сельскому социуму акторов. «Внутренние» факто-

ры трансформации, в отличие от «внешних», являются локальными. К их числу были отнесены специфические особенности социальной среды отдельных сельских населенных пунктов, связанные с локальными инициативами как сельского населения, так и горожан.

В качестве ключевых территорий для исследования были отобраны два сельских поселения в пределах Биробиджанского района ЕАО — Бирюфельдское и Валдгеймское. Оба муниципальных образования граничат с территорией городского округа Биробиджан: Валдгеймское сельское поселение находится к юго-востоку от регионального центра, Бирюфельдское — к юго-западу (рис. 1). Их административные центры села Валдгейм и Бирюфельд расположены на отходящих от Бирюбиджана автомобильных дорогах регионального значения.

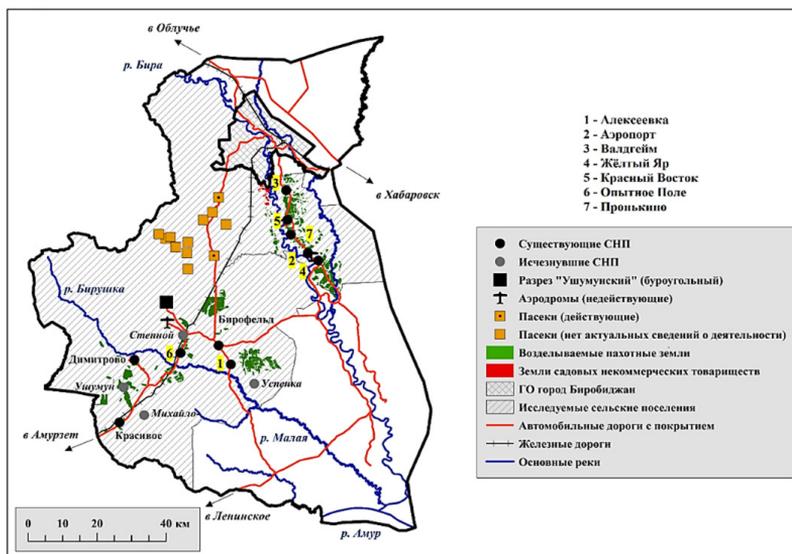

Рис. 1. Современное использование территории Бирюфельдского и Валдгеймского сельских поселений Бирюбиджанского района

Источник: составлено авторами по данным (Губенко, 2006; Гуревич, 2015) *Примечание.* Участки возделываемых пахотных земель и земель садовых некоммерческих товариществ указаны в соответствии с аэрофотоснимками территории 2020 года.

В ходе экспедиционных работ в августе 2021 года мы посетили 9 из 10 сельских населенных пунктов в пределах исследуемых двух поселений (за исключением с. Димитрово). Помимо полевых наблюдений было проведено порядка 15 экспертных интервью с представителями сельских администраций, сфер образования и культуры, малого бизнеса и фермерами-сельхозпроизводителями. С рядовыми сельскими жителями проводились неформальные глубинные интервью. Ранее, в июле 2021 года сотрудниками Института комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН (г. Бирюбиджан) было осуществлено анкетни-

рование 100 жителей трудоспособного возраста (около 3% всего трудоспособного населения двух поселений, по данным текущего учета).

История хозяйственного освоения исследуемой территории до 1991 года

Биробиджанский район ЕАО исторически формировался как сельскохозяйственный. С момента его организации в 1934 году на него возлагалась задача обеспечения жителей центра формирующейся Еврейской автономии сельскохозяйственной продукцией. Однако первичное освоение современной территории Бирофельдского и Валдгеймского сельских поселений началось несколько раньше.

Важнейшими факторами миграционного притока населения непосредственно на территорию Биробиджанского района стали, с одной стороны, аграрная реформа П. А. Столыпина, и с другой — строительство Амурской железной дороги Транссибирской магистрали и прокладка Амурской колесной дороги вдоль Амура (Соболь, 1925). В рамках осуществления крестьянского переселения из Центральной России в пределах так называемого «Бирского опытного поля» в междуречье р. Бира и р. Биджан был образован Бирско-Биджанский переселенческий район (Шведов, Голубь, Примак, Каштанюк, 2009). В 1909–1913 годах были основаны сохранившиеся до настоящего времени села Александровка (с 1930 года Бирофельд) и Алексеевка. На 1925–1928 годы приходится начало второй волны крестьянского переселения (Горбунова, Гузман, 2012).

Начиная с 1928 года массовый характер приобрели миграции еврейского населения. Тогда же возникли центры существующих по сей день сельских поселений села Валдгейм и Бирофельд (на месте существовавшей ранее Александровки). Примечательно, что в Бирофельде, считающемся «колыбелью» еврейского переселения в ЕАО, был создан первый на Дальнем Востоке еврейский сельсовет (Жирниц, 1934), а в Валдгейме — один из первых колхозов (Кобленц, 1934). Основным фактором трансформации сельской местности в 1930-е годы стала коллективизация, в результате которой были созданы колхозы во всех крупных населенных пунктах (Котлерман, 2008). На начало 1930-х годов приходится и появление первых артелей и промышленных предприятий (Ефименко, 1959).

Другим значимым фактором, определявшим особенности трансформации сельской местности исследуемой территории в конце 1930-х — начале 1940-х годов, стала реализация крупных проектов при горнопромышленном (начало разработки Ушумунского бурогоугольного разреза (Горюхин, 2018)) и инфраструктурном освоении территории (строительство железнодорожной ветки Биробиджан — Ленинск). Перед началом Второй мировой войны в 1940 году за счет размещения военного гарнизона территория приобрела «оборонную» функцию (утрачена в 1994 году). В послевоенное время в непосред-

ственной близости от с. Желтый Яр размещался аэропорт местных воздушных линий, основной для Биробиджана. Таким образом, уже к концу 1950-х годов территория Бирофельдского и Валдгеймского сельских поселений помимо сельскохозяйственной и селитебной имела добывающую и «оборонную» функции, заметно усилилось выполнение здесь транспортной функции (Манойленко, 2002).

В 1950–1970-е годы определяющим фактором трансформации территориальной структуры сельской местности стало поэтапное укрупнение сельскохозяйственных организаций (колхозов и совхозов), сеть которых окончательно сложилась уже к 1971 году и оставалась неизменной до 1991 года. На территории двух рассматриваемых сельских поселений существовал 1 колхоз и 3 совхоза. Если колхоз «Заветы Ильича» с центральной усадьбой в с. Валдгейм ориентировался на пригородное сельское хозяйство (Айзман, Чернявский, Школьник, 1984), то совхозы обладали строгой специализацией: «Бирושкинский» — на свиноводческое направление, в «Бобринском» и «Димитровском» также преобладал животноводческий уклон.

В зависимости от выполнения сельскими населенными пунктами (СНП) административных и/или хозяйственных функций в 1991 году, а также от наличия в них учреждений по предоставлению социальных услуг (в сферах образования, культуры и здравоохранения) представляется возможным выделить 4 иерархических классов СНП (табл. 1).

Таблица 1. Сельские населенные пункты, существовавшие на современной территории Бирофельдского и Валдгеймского сельских поселений Биробиджанского района в 1991 г.

СНП	Валдгеймский		Желтоярский			Бирофельдский		Красивенский			
	Валдгейм	Красный Восток	Желтый Яр	Пронькино	Аэропорт	Бирофельд	Алексеевка	Опытное Поле	Красивое	Димитрово	
Сельское хозяйство		Клх «Заветы Ильича»					Свх «Бобринский»	Свх «Бирושкинский»		Свх «Димитровский»	
Год основания	1928	1928	1921	1927	1956	1910	1910	1923	1939	1926	
	1926	-	4 хоз.	71	12 хоз.	-	46	19	8	-	141
Людность СНП	1949	827	150	338	199	-	424	304	232	28	121
	1964	1125	75	401	303	-	862	352	113	430	236
	1991	2262	62	576	540	53	1472	371	423	709	79
Класс СНП	I	IV	II	III	IV	I	III	III	II	IV	

Источник: составлено авторами по материалам (Манойленко, 2002; Шулятиков, 2004) и районного музея в с. Валдгейм

Примечания. Клх — колхоз, Свх — совхоз.

I класс был представлен селами Валдгейм и Бирофельд — крупнейшими по людности центрами сельсоветов с наличием полных школ и учреждений здравоохранения (с центральной районной и участковой больницами соответственно). В селах I класса помимо учреждений образования, культуры и здравоохранения существовали и учреждения соцобеспечения, частично обеспечивавшие занятостью сельское население. Ко II классу следует отнести менее крупные центры существовавших сельсоветов, сфера образования в них была представлена неполными школами, а сфера здравоохранения — фельшерскими акушерскими пунктами. СНП III класса, несмотря на подчиненное положение в административно-хозяйственных системах расселения, имели начальные школы, их людность превышала 300 человек. замыкающий иерархию IV класс был представлен рядовыми СНП людностью менее 100 человек без учреждений социального обслуживания. В свою очередь, среди СНП, исчезнувших еще до 1991 года, ни один населенный пункт в послевоенное время не выполнял иных функций, кроме селитебных (Шулятиков, 2004). Заметим, что наибольшая людность большинства существующих СНП за весь период статистических наблюдений была отмечена именно в 1991 году.

«Внешние» факторы трансформации сельской местности в постсоветское время

Урбанизация как фоновый процесс трансформации сельской местности

Обладающий необратимым характером процесс урбанизации, понимаемый как повышение роли городов в развитии общества, в ЕАО в постсоветское время проявляется в классической стадии депопуляции сельской местности из-за миграционного оттока населения.

Сравнение сведений о численности сельского населения Биробиджанского района 1989 года и данных текущего учета населения на 1 января 2021 года показывает сокращение населения района на 29,3%. Исходя из сопоставления динамики численности населения сельских территорий ЕАО за последний межпереписной период (рис. 2), можно сделать вывод об умеренных темпах депопуляции Бирофельдского и Валдгеймского сельских поселений во внутрирегиональном рассмотрении. При сопоставимых величинах показателей естественного движения населения основной вклад в различия темпов депопуляции сельских территорий ЕАО вносят показатели миграционного движения населения (Гаева, Комарова, Неверова, Фетисов, 2011).

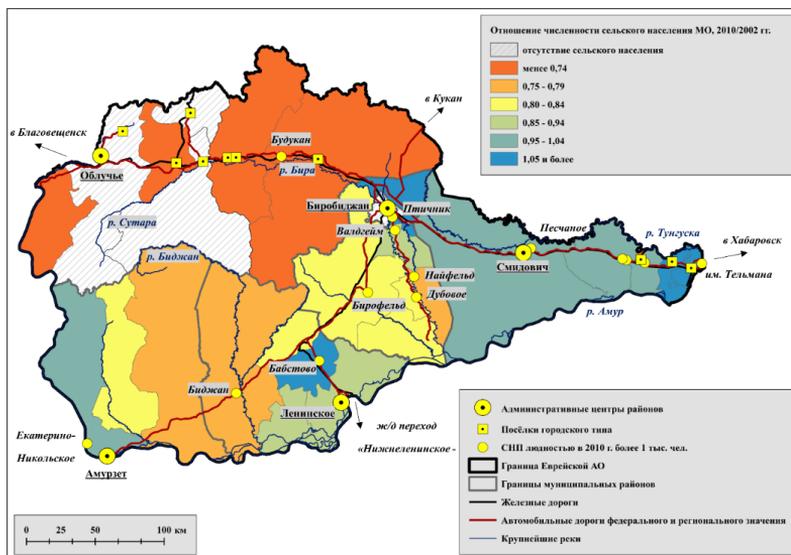

Рис. 2. Динамика численности сельского населения муниципальных образований Еврейской АО за 2002–2010 гг. по данным текущего учета населения с учетом преобразований статуса населенных пунктов (указана динамика населения населенных пунктов, являвшихся сельскими на 01.01.2021)

Источник: составлено авторами по данным Всероссийских переписей населения

Результаты анкетирования 100 сельских жителей Бирофельдского и Валдгеймского сельских поселений показали, что среди респондентов, давших определенный ответ на закрытый вопрос «Хотите ли Вы, чтобы ваши дети остались жить в вашем населенном пункте?», положительно («да», «скорее да, чем нет») ответил лишь 1 из 10 сельских жителей.

Структура ответов респондентов на вопрос, сформулированный как «Почему Вы хотите уехать из Вашего СНП?», свидетельствует о том, что ключевым фактором миграционного оттока является безработица. Так, из предложенных вариантов «нет работы» выбрали 54% респондентов, в то время как доля анкетирруемых, отметивших иное («нет жилья», «дорого жить», «негде учиться», «по семейным обстоятельствам»), не превысила 15%. Основным фактором, «удерживающим» безработное сельское население от переезда в города, является отсутствие материальных возможностей.

Повышенный уровень безработицы в Бирофельдском и Валдгеймском сельских поселениях обусловлен в том числе и долговременными трансформационными процессами рынков труда извлекаемых территорий. Прежде чем рассматривать постсоветские преобразования сферы сельскохозяйственного производства, обратим внимание на судьбу существовавших ранее предприятий

транспорта и добывающей промышленности. Если аэропорт местных воздушных линий просуществовал до 1990-х годов, то разработка бурогоугольного месторождения прекратилась после 2011 года. Исчезновение крупных по районным меркам предприятий сопровождалось высвобождением трудовых ресурсов, часть которых проживала в расположенных поблизости селах.

*А. С. Чучкалов,
С. Н. Мищук,
Н. К. Греля*
Факторы трансформации пригородной сельской местности депрессивного региона

Трансформация сельского хозяйства как основы экономики Биробиджанского района

Постсоветская трансформация сельского хозяйства ЕАО в общих чертах характеризуется, во-первых, различной динамикой производства продукции растениеводства и животноводства, во-вторых, заметными структурными изменениями в производстве растениеводческой продукции, в-третьих, использованием иностранной рабочей силы (главным образом из Китайской Народной Республики) инвесторами-аграриями из КНР и в меньшей степени местными сельхозпроизводителями.

Если показатель посевных площадей под сельскохозяйственными культурами в ЕАО в конце 2010-х годов был сопоставим по величине со значениями конца 1980-х — начала 1990-х, то региональное производство продукции животноводства (в особенности мяса скота и птицы, а также молока) сократилось в 8–10 раз. Положительная динамика посевных площадей на протяжении большей части 2000-х и 2010-х годов обусловлена резким ростом площади посевов сои при сокращении производства других сельскохозяйственных культур (рис. 3). В 2020 году под соей было занято около 90% посевных площадей ЕАО. Сою выращивают как российские, так и китайские сельхозпроизводители. Девальвация рубля 2015 года изменила экспортно-импортные отношения между Россией и Китаем. Закупочные цены на сою в Китае были выше, чем у российских предприятий, в итоге практически весь объем сои, выращенной в области, экспортируется в Китай.

Отмечаемые на региональном уровне тенденции справедливы и для Биробиджанского района ЕАО. Более 80% посевной площади района в настоящее время приходится на выращивание сои. Следствие того, что наиболее благоприятными для выращивания сои муниципальными районами ЕАО являются периферийные Ленинский и Октябрьский, а не Биробиджанский, в пределах региона отмечается нетипичная ситуация с точки зрения центр-периферийных отношений: наличие тренда на резкое сокращение доли пригородного района в региональном производстве сельскохозяйственной продукции при заметном росте доли периферийных районов (рис. 4).

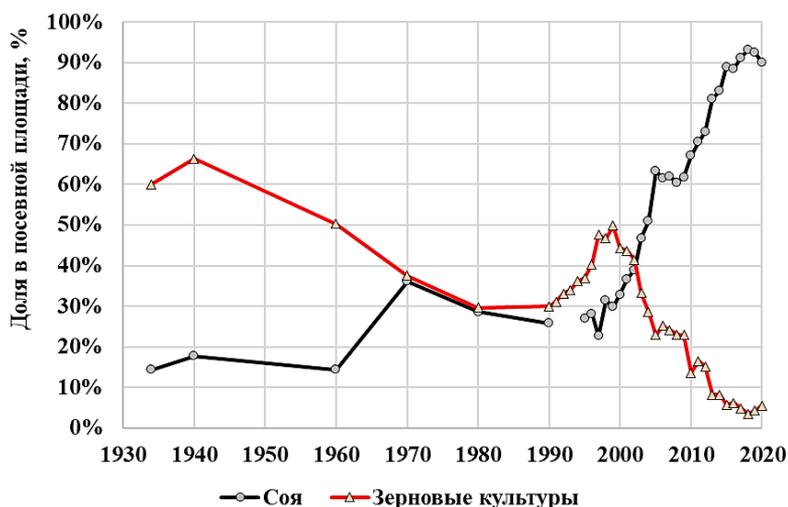

Рис. 3. Изменение доли сои и зерновых культур в посевной площади Еврейской АО за 1934–2020 гг.

Источник: составлено авторами по данным (Петренко, 2009) и БДПМО

Существовавшие в пределах современной территории Бирофельдского и Валдгеймского сельских поселений в 1991 году *сельскохозяйственные организации* испытали несколько этапов преобразования организационно-правовых форм. Функционировавшие в 1991 году совхозы были преобразованы в госхозы (ГСХУП), финансовое состояние которых в течение первого десятилетия ведения деятельности не было удовлетворительным из-за унаследованной животноводческой специализации при отсутствии дотаций.

Ключевым социальным последствием преобразований сельскохозяйственных организаций последних трех десятилетий стало резкое сокращение количества трудоустроенных в них сотрудников, наиболее интенсивное в конце 1990-х — начале 2000-х годов. Так, если в работавших в 1997 году ЗАО «Родина» (преемнике колхоза «Заветы Ильича») и трех совхозах трудилось 415, 293, 110 и 70 человек соответственно (Гуревич, 1997), то официальная занятость в каждой из существующих сегодня пяти сельскохозяйственных организаций в 2020 году не превышала 10 человек.

Совокупность *коллективных (фермерских) хозяйств*, впервые появившихся на территории рассматриваемых поселений в 1992 году в ходе деления колхозного имущества, характеризуется постепенным изменением специализации с выращивания овощных культур (главным образом капусты) и картофеля в сторону производства менее трудоемкой сои, зерновых культур и молока. Ключевым фактором трансформации стала затруднительность конкуренции продукции овощеводов, во-первых, с дешевым продовольствен-

ным импортом из КНР, во-вторых, с аналогичной продукцией более крупных производителей, сбыт которых может быть ориентирован на торговые сети.

А. С. Чучкалов,
С. Н. Мищук,
Н. К. Греля
Факторы трансформации пригородной сельской местности депрессивного региона

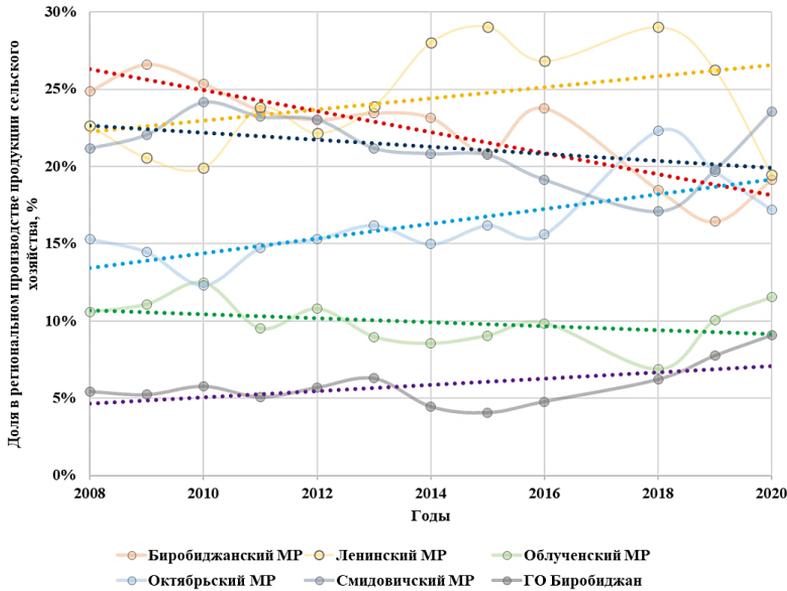

Рис. 4. Динамика структуры производства продукции сельского хозяйства по муниципальным образованиям Еврейской АО в 2008–2020 гг.

Источник: составлено авторами по данным БДПМО

Фермеры-овощеводы Бирофельдского и Валдгеймского сельских поселений ввиду меньших объемов производства осуществляют сбыт продукции либо на рынках и мини-рынках Биробиджана, либо «на руки» непосредственно на месте производства. На протяжении 1990–2000-х годов до активного распространения торговых сетей фермерам Биробиджанского района была открыта возможность поставки овощеводческой продукции и на рынок города Облучье в западной части ЕАО, однако по мере удешевления продукции в магазинах и снижения спроса на фермерские товары поставки на большие расстояния перестали быть рентабельными. В последние годы определенной социальной инновацией фермеров и владельцев товарных личных подсобных хозяйств (ЛПХ) стало создание чатов односельчан в интернет-мессенджерах с целью упрощения сбыта продукции.

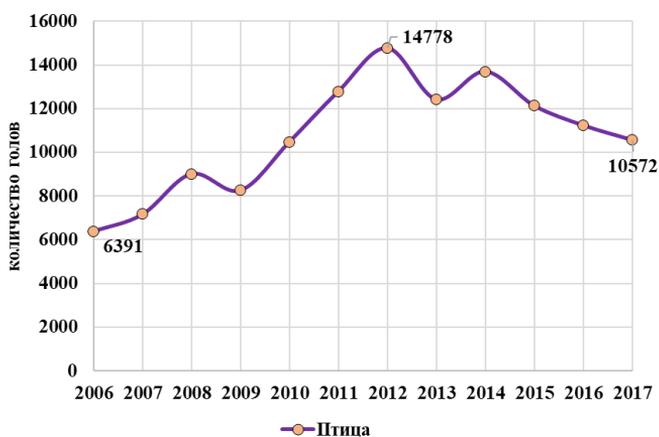
В сторону производства в ЛПХ населения постепенно сдвигаются картофелеводство и производство мяса скота и птицы (табл. 2). Результаты анкетирования свидетельствуют о том, что приусадебные хозяйства имеют свыше 60% сельского населения (64 из 100 респондентов), включая проживающих в многоэтажных многоквартирных домах.

Таблица 2. Динамика доли К(Ф)Х и ЛПХ в объемах сельскохозяйственного производства в пределах Биробиджанского района за 2009–2020 гг.

Тип хозяйств	С/х продукция	2009– 2011	2012– 2014	2018– 2020
К(Ф)Х	Зерновые и зернобобовые	99,6%	93,5%	84,9%
	Молоко	50,5%	63,5%	70,9%
	Картофель	68,9%	72,7%	74,8%
ЛПХ	Скот и птица на убой (в живом весе)	50,8%	61,8%	72,3%
	Молоко	49,5%	36,5%	29,1%

Источник: составлено авторами по данным БДПМО

В настоящее время в ЛПХ сельские жители предпочитают держать домашнюю птицу (преимущественно кур), реже — крупный и мелкий рогатый скот, еще реже — кроликов. При заметном сокращении поголовья крупного рогатого скота (почти в два с половиной раза за 15 лет (рис. 5) наблюдается частичное замещение его мелким рогатым скотом, и в особенности домашней птицей. Коров, как правило, продолжают держать в ЛПХ сельские жители преимущественно пожилого возраста, так как для них уход за животными привычен, хотя заметной материальной выгоды их содержание не приносит. Поголовье коров в ЛПХ даже в крупнейшем по людности с. Валдгейм составляет чуть более 30 дойных голов — при столь небольших объемах сельчанам не представляется удобной организация стад с пастухами в пределах населенных пунктов.

А. С. Чучкалов,
С. Н. Мищук,
Н. К. Греля
Факторы транс-
формации приго-
родной сельской
местности депрес-
сивного региона

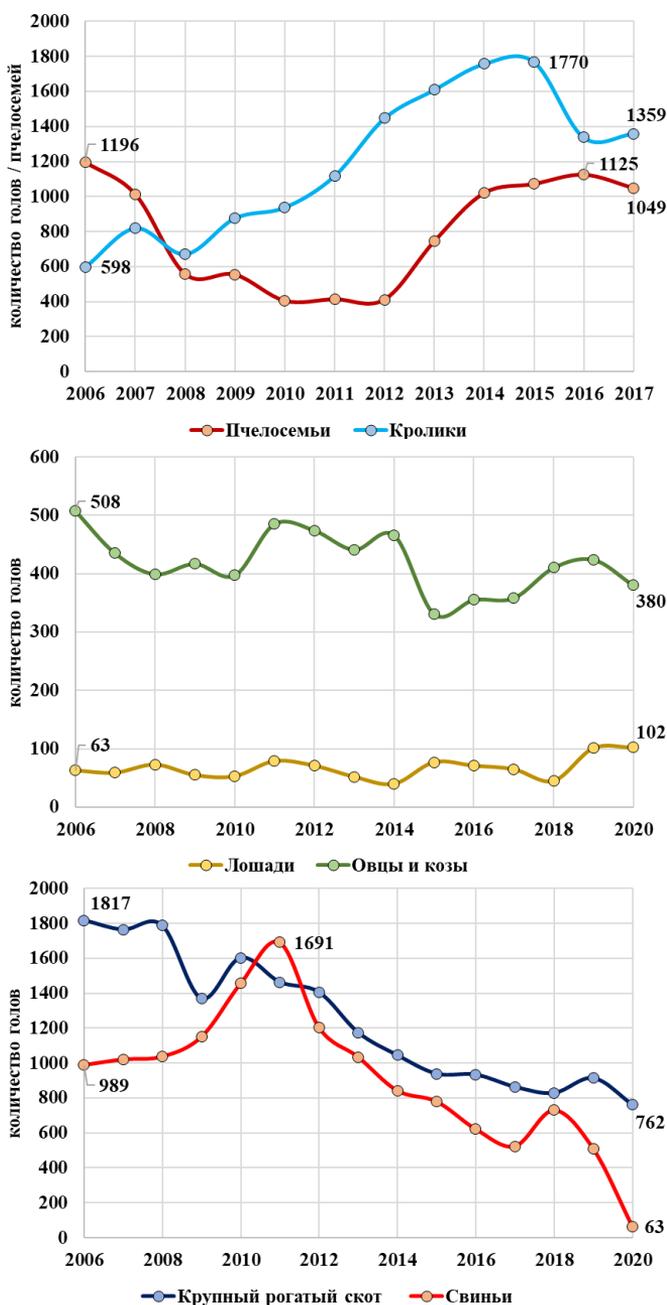

Рис. 5. Динамика поголовья сельскохозяйственных животных и пчелосемей в хозяйствах населения Биробиджанского района в 2006–2020 гг.

Источник: составлено авторами по данным БДПМО

Обратим внимание на то, что уровень товарности растениеводческих ЛПХ населения в целом сокращается по мере уменьшения в них поголовья крупного рогатого скота. В этом случае при отсутствии в хозяйствах необходимого количества натуральных органических удобрений возникает необходимость их закупки, либо приобретения минеральных удобрений, что отражается в снижении уровня рентабельности реализации на продажу продукции растениеводства.

Изменение административно-территориального и муниципального устройства

В пределах двух рассматриваемых сельских поселений количество населенных пунктов, выполняющих административные функции, сократилось с четырех сел в 1991 году до двух (Валдгейм, Бирфельд) в настоящее время. Села Красивое и Желтый Яр лишились статуса центров сельсоветов в 2002 и 2006 годах в ходе реформы местного самоуправления.

Очевидно, что с сокращением числа сельсоветов усилилась дистанция между сельскими жителями бывших административных центров и властями муниципалитетов. При расположении администрации в ином населенном пункте в условиях низкой плотности населения (в Биробиджанском районе — менее 3 чел/км²) особую роль приобретает фактор личности отдельных сельских жителей — «посредников», через которых может формироваться «канал связи» с администрацией сельских поселений для своевременного решения актуальных проблем. В случае отсутствия в маргинализированных селах людей, обладающих авторитетным для односельчан мнением и способных выполнять функции «организаторов» сельской жизни, существует угроза резкого снижения качества управленческих услуг со стороны муниципальной власти.

Трансформация сферы предоставления социальных услуг

Образование. Из проведенных с сельскими жителями глубинных интервью следует, что наличие в сельском населенном пункте хотя бы основной общеобразовательной школы является важнейшим фактором повышения «организованности» сельской жизни. Такой вывод обусловлен тем, что функции школ в сельской местности не ограничиваются исключительно предоставлением образовательных услуг — они открывают дополнительные возможности для проведения досуга детей и в целом способствуют установлению более плотных социальных контактов между односельчанами (Шафранова, 2001). При закрытии в селе девятилетней школы, его населению свойственно понимание отсутствия жизненных перспектив по месту проживания, ведущих к формированию миграционных установок.

На территории Бирофельдского и Валдгеймского сельских поселений с 1991 по 2021 год была закрыта неполная школа в с. Красивое и начальная школа в с. Пронькино. В ходе посещения обоих населенных пунктов при общении с местными жителями отмечены повышенные риски приобретения детьми и молодежью школьного возраста девиантного поведения, особенно в случае проживания их в неблагополучных семьях.

Здравоохранение. Несмотря на то что сеть медицинских учреждений в СНП, представленных преимущественно фельдшерско-акушерскими пунктами (ФАП), в постсоветское время сохранилась, а их состояние заметно улучшилось за счет возведения в последние годы новых модульных зданий, качество предоставляемых услуг здравоохранения в небольших СНП нельзя считать оптимальным (Суховеева, 2011). Продолжает сохраняться проблема дефицита медицинских работников в сельской местности, вследствие чего фельдшеры могут посещать ФАПы в отдельных населенных пунктах лишь 1–2 раза в неделю.

Культура. Сельские библиотеки, дома культуры и музеи в ходе реформы учреждений культуры были объединены в единые структурные единицы, в результате чего сократилась численность занятых в них сотрудников (Калинина, Суховеева, 2017). Если в 1980-е и 1990-е годы при ДК почти повсеместно существовали творческие коллективы (вокально-инструментальные ансамбли, вокальные коллективы), то сейчас в качестве основной функции в непростые дни выступает организация самодеятельности детей.

Динамика состояния инфраструктуры сельской местности

Инфраструктурный фактор трансформации сельской местности, как и фактор наличия рабочих мест в СНП, в постсоветское время выступает в роли лимитирующего. Наиболее заметно характер его влияния проявляется на примере сел Алексеевка, Красивое и Опытное Поле в составе Бирофельдского сельского поселения. В этих населенных пунктах отсутствует круглосуточный доступ к чистой воде — водоснабжение сельских жителей осуществляется путем доставки воды автоцистерной из центра сельского поселения. Такой механизм водоснабжения заметно усложняет ведение сельскими жителями ЛПХ в частности и снижает качество жизни населения в целом. В случае упомянутых населенных пунктов, по всей видимости, инфраструктурные ограничения являются даже более значимым фактором депопуляции, чем дефицит рабочих мест.

Иным лимитирующим инфраструктурным фактором выступают более высокие расходы на отопление домов в сельской местности в сравнении с Биробиджаном (со слов местных жителей наибо-

лее отдаленных от города населенных пунктов, различия в оплате отопительного периода могут достигать трех раз). Вследствие этого, несмотря на более дешевую землю в сельской местности, расходы на само проживание сопоставимы с городскими.

Институциональные условия

Ключевым институциональным фактором, действующим на уровне субъекта РФ и оказывающим влияние на трансформацию сельской местности Биробиджанского района, на наш взгляд, является политика привлечения иностранной рабочей силы (прежде всего из КНР). Практика сдачи в аренду аграриям из КНР сельскохозяйственных угодий обладает как положительным (к примеру, через поддержание мелиоративных систем и увеличение доходной части бюджетов разных уровней), так и отрицательным влиянием на сельскую местность (использование сельскохозяйственных земель, на которые имеется потенциальный спрос со стороны местных фермеров, а также усиление конкуренции на локальных рынках труда). Из-за долговременных контактов сельского населения Биробиджанского района (как и других муниципальных районов ЕАО) с гражданами КНР заметно ослаблена почва для проявлений ксенофобии в социуме (Кордонский, Чернов, Моляренко, Плюснин, 2018).

Явное институциональное преимущество для жителей Биробиджанского района — возможность прямых контактов с представителями региональной власти (вплоть до губернатора ЕАО) через личные встречи. Необходимо понимать, что это преимущество обусловлено прежде всего небольшими размерами субъекта РФ (как территории, так и численности населения).

Лимитирующим институциональным фактором, обусловленным принципами функционирования бюджетно-налоговой системы, является высокая зависимость обладающих и так скромными финансовыми возможностями бюджетов сельских поселений от межбюджетных трансфертов (табл. 3). При сравнении среднегодовой доли собственных доходов в суммарных доходах бюджетов как Бирофельдского, так и Валдгеймского сельских поселений за 2009–2011 и 2017–2019 годы очевидно усиление данной зависимости.

Таблица 3. Среднегодовая доля собственных доходов в суммарных доходах бюджетов сельских поселений Биробиджанского района в 2009–2011 и 2017–2019 гг.

Сельские поселения	2009–2011	2017–2019
Бирофельдское	21,2%	17,2%
Валдгеймское	33,1%	23,4%
Надеждинское	10,8%	16,1%

Дубовское	8,3%	9,9%
Найфельдское	8,1%	7,8%
Птичнинское	91,3%	50,3%

Источник: составлено авторами по данным БДПМО

«Внутренние» локальные факторы трансформации сельской местности в постсоветское время

Несмотря на проявляющийся повсеместно в Биробиджанском районе долговременный миграционный отток сельского населения в региональный центр, было выявлено наличие и противоположного по направленности, заметно уступающего по интенсивности миграционного потока — из Биробиджана в сельскую местность (в первую очередь в крупнейшее по людности в пределах двух изученных сельских поселений с. Валдгейм). Справедливо отметить, что «стягивание» населения в крупнейшие села проявлялось и в позднесоветское время, однако такие миграции шли из менее крупных сел в пределах единых административно-хозяйственных сельских систем расселения.

Случаи перемещения городских жителей на постоянное место жительства в с. Валдгейм оценочно имеют порядок нескольких человек в год. Как правило, переселенцы представлены двумя различающимися категориями — во-первых, желающими «жить ближе к земле» (иметь частный дом на природе в сельской местности), во-вторых, людьми, утратившими необходимый для проживания в городе объем денежных средств (для простоты назовем их «энтузиастами» и «вынужденными переселенцами» соответственно).

«Энтузиасты» — это преимущественно люди среднего возраста (30–40 лет), как с детьми, так и без них, обладающие активной жизненной позицией. Представители этой категории «переселенцев», как правило, трудоустроены в Биробиджане, имеют личный автомобиль. Они способны создать для себя жилищные условия уровнем не хуже городских, затрачивая меньшее количество денежных средств, чем на покупку, к примеру, двухкомнатной квартиры в Биробиджане. Заметная часть «энтузиастов» выбирает для проживания наиболее близкую к городу часть с. Валдгейм (район, именуемый сельскими жителями «Черемушки»). Иной общей чертой, свойственной «энтузиастам», является нежелание вести личное подсобное хозяйство². «Вынужденные переселенцы» представлены, наоборот, преимущественно лицами предпенсионного возраста. Их жилищные условия, как правило, это квартиры в двухквартирных «колхозных» домах с отсутствием дополнительных удобств.

2. Цитаты из глубинных интервью: «я хотела дом, а не огород», «сельское хозяйство — лишняя трата времени».

Иным локальным фактором трансформации с. Валдгейм является миграционный приток особой категории — граждан, ранее проживавших в сельских Ленинском и Октябрьском районах ЕАО. Наиболее пострадавшим от наводнения на Амуре в 2013 году жителям этих районов были предоставлены сертификаты на муниципальное жилье взамен ветхого подтопленного. Из-за относительной близости к региональному центру сельская местность Биробиджанского района оказалась наиболее предпочтительной для переезда³. Именно для переселенцев с подтопленных территорий в целом свойственна наиболее высокая маргинализация при широком распространении иждивенческих настроений.

К числу «внутренних» факторов трансформации сельской местности помимо упомянутых следует отнести и особенности социальной среды отдельных населенных пунктов. Например, тесные социальные контакты односельчан друг с другом могут выступать в качестве фактора, сдерживающего депопуляцию. Показателен пример отдаленных сел Бирофельдского сельского поселения, часть сельских жителей которых в случае необходимости поездки в Биробиджан может объединяться вокруг владельцев личных автомобилей в группы «попутчиков».

Изменения в социальном составе села и образе жизни населения как результат воздействия «внешних» и «внутренних» факторов

Изменение структуры занятости сельского населения и связанной с ним трансформации структуры источников дохода сельских жителей могут рассматриваться в качестве результата воздействия «внешних» и «внутренних» факторов трансформации. Если в конце 1980-х годов в пределах исследуемой территории однозначно преобладал сельскохозяйственный труд, то в настоящее время около 2/3 трудоустроенных по месту жительства занято в бюджетных учреждениях здравоохранения, образования, культуры, социального обеспечения и муниципального управления. Среди мужского населения Биробиджанского района распространена сезонная схема занятости: сельскохозяйственный труд летом при занятости в сфере ЖКХ зимой (например, кочегарами в работающих на угле котельных).

Помимо занятых в сельском хозяйстве и в финансируемых из бюджета отраслях можно выделить следующие категории трудоспособного сельского населения: 1) индивидуальные предприниматели (в торговле и ремонте); 2) самозанятые и «шабашники»; 3) сборщики «даров леса»; 4) сельские жители, трудоустроенные в Биробиджане; 5) «вахтовики». Первые три категории сельских жителей заметно менее многочисленны в сравнении с двумя оставшимися.

3. Среднегодовая миграционная убыль населения с территории Ленинского и Октябрьского районов ЕАО в 2013–2015 годы, по данным БДПМО, составляла исключительно высокие значения в 267 и 233 человека на 10 тыс. человек соответственно.

При анализе структуры населения различных сел по преобладающим источникам доходов жителей были выявлены различия между центрами сельских поселений (Бирофельд, Валдгейм) и меньшими по численности населенными пунктами. В малых сельских населенных пунктах из-за более постаревшего населения заметно ниже доля лиц с доходом в форме заработной платы и выше доля иждивенцев, живущих за счет пенсий и социальных пособий (рис. 6). Доля трудоспособных жителей, живущих за счет доходов от ЛПХ, оценивается в среднем в 10–20%.

Масштабные изменения занятости населения и его хозяйственной деятельности приводят к изменению образа жизни. С определенной долей уверенности можно говорить о снижении уровня социального капитала как распространенности норм доверия между людьми в сравнении со временем тридцатилетней давности. Проявление этого — заметное уменьшение готовности сельчан оказывать друг другу безвозмездную помощь по мере усиления зависимости от товарно-денежных отношений⁴. С осторожностью можно говорить об усилении «фрагментации» сельского социума, проявляющейся в поддержании социальных контактов односельчан преимущественно в пределах небольших социальных групп⁵.

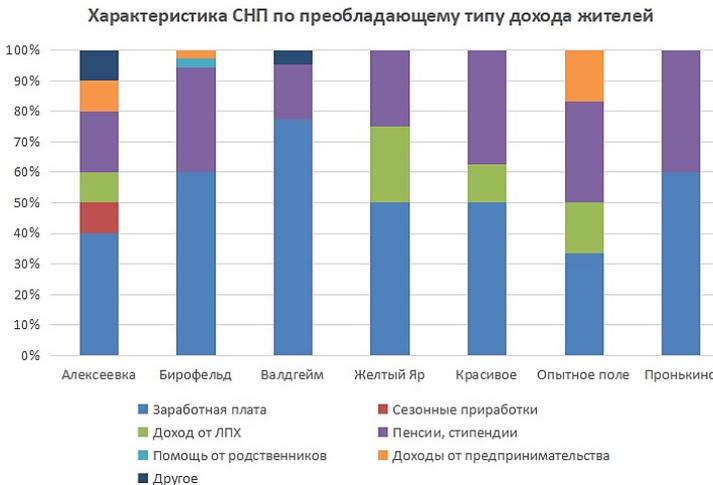

Рис. 6. Структура опрошенного населения сельских населенных пунктов Бирофельдского и Валдгеймского сельских поселений Биробиджанского района по преобладающим источникам дохода

Источник: анкетирование населения

4. Цитата из интервью: «Раньше ведь как было. Построили одному дом, перешли и строят другому. И все за спасибо работали, так оно все и строилось. А сейчас тот же дом... Чтобы яму выкопать, мне экскаватор пригнать. Этот экскаватор денег стоит. Никто не пойдет, чтобы что-то сделать, помочь, а я ему спасибо скажу».
5. Цитата из интервью: «Вот раньше собирались и пели песни всем селом, а сейчас...»

Однако трансформация образа жизни слабо затронула преобладающие формы проведения досуга сельских жителей (рис. 7). Как 30 лет назад, так и сейчас среди активных форм мужского досуга наиболее распространена рыбалка, женского — вышивка и вязание. Среди трудоспособного населения в качестве источника получения информации просмотр телевизора заметно доминирует над поиском информации в интернете⁶.

Рис. 7. «Облако слов» из ответов на открытый вопрос анкеты «Как Вы проводите свободное время?»

Источник: анкетирование населения

Внутрирайонные различия трансформации между сельскими населенными пунктами различных типов

Справедливо заметить, что воздействие факторов трансформации («внешних» и «внутренних») на сельскую местность в пределах Биробиджанского района неоднородно. Для оценки внутренних различий воздействия предпримем попытку определения степени влияния каждого из факторов на 4 ранее выявленных типа СНП в зависимости от выполняемых ими функций в 1991 году (табл. 1 и 4).

Из таблицы 4 следует, что наибольшее сокращение численности населения за 1991–2021 годы было свойственно не наименьшим по людности в 1991 году селам IV типа с более старой возрастной структурой населения, а относительно крупным населенным пунктам II типа. Сильную депопуляцию этого типа сел (бывших центров сельсоветов — сел Желтый Яр и Красивое) отчасти предопределило отрицательное воздействие «внешних» факторов — изменения административно-территориального и муниципального устройства и оптимизации предоставления социальных услуг (в первую очередь образования).

6. Соотношение ответов «смотрю телевизор» и «сижу в интернете» в ответе на открытый вопрос анкеты «Как Вы проводите свободное время?» среди сельских жителей соотносится в пропорции 9 к 1.

Таблица 4. Степень воздействия «внешних» и «внутренних» факторов трансформации сельской местности на СНП различных типов

Типы СНП в 1991 г.	I	II	III	IV
СНП	Бирофельд, Валдгейм	Желтый Яр, Красивое	Алексеев- ка, Опыт- ное Поле, Пронькино	Аэропорт, Димитрово, Красный Восток
Динамика людности по дан- ным текущего учета, 2021/1991	0,728	0,587	0,672	0,603
Средняя людность домохо- зяйств в 2021 г.	3,7	3,5	3,8	2,5
Отношение численности насе- ления пенсионеров к числен- ности детей в 2010 г.	0,701	0,769	0,678	1,071
Роль ЛПХ в доходах сельских жителей	низкая	повышен- ная	повышен- ная	н/д
Транспортно-географическое положение	+++	+++	+++	+++
«Внеш- ние» факторы	Урбанизация и кон- центрация населения	+++	+++	+++
Трансформация сель- ского хозяйства	++	+++	+++	+++
Изменение админи- стративно-террито- риального и муници- пального устройства	+	+++	+	+
Трансформация сфе- ры предоставления социальных услуг	+	+++	++	+
Динамика состоя- ния инфраструктуры сельской местности	+	++	+++	+
Институциональные условия	++	++	++	++
Совокупность «внутренних» факторов	+++	++	++	+++

Источник: составлено авторами

Примечания. +++ — сильное воздействие фактора на трансформацию СНП;

++ — умеренное воздействие; + — слабое воздействие; н/д — нет данных.

Не меньшую роль в различиях в депопуляции СНП играет не рассмотренный ранее фактор транспортно-географического положения сел по отношению к Биробиджану (рис. 8). При прочих равных условиях, чем ближе к городу расположен населенный

А. С. Чучкалов,
С. Н. Мищук,
Н. К. Греля
Факторы транс-
формации приго-
родной сельской
местности депрес-
сивного региона

пункт, тем более доступны для сельских жителей возможности как трудоустройства в Биробиджане, так и сбыта произведенной сельскохозяйственной продукции.

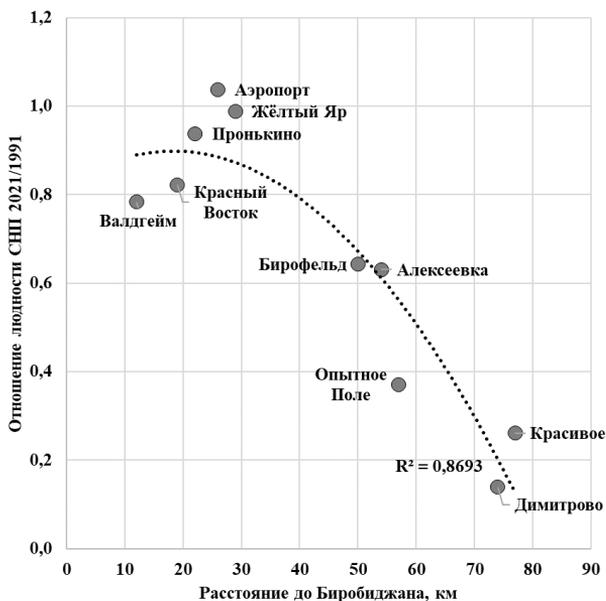

Рис. 8. Зависимость между удаленностью от Биробиджана сельских населенных пунктов Бирофельдского и Валдгеймского сельских поселений и изменением их численности населения за 1991–2010 гг.

Источник: составлено авторами

Заключение

В результате анализа факторов трансформации территориальной структуры сельской местности двух сельских поселений можно сделать вывод, что Биробиджанский район ЕАО — очень редкий для России пример пригородного по отношению к региональному центру района, сельская местность которого характеризуется *сокращением числа выполняемых функций*: при *сохранении* селитебной функции и функции социального обслуживания (в «сжавшемся» виде) район характеризуется *ослаблением* сельскохозяйственной функции (на фоне других сельских районов ЕАО), транспортных и рекреационных функций, а также почти полным *исчезновением* добывающей, промышленной и «оборонной» функций. Ключевые факторы, обусловившие подобную трансформацию, — это небольшой размер регионального центра и длительное кризисное состояние экономики региона.

Основным «катализатором» трансформации функций сельской местности стала слабая жизнеспособность существовавших в на-

чале 1990-х годов сельскохозяйственных предприятий (в советское время — сильно дотационных). В условиях почти полного замещения различных отраслей сельского хозяйства выращиванием сои, сопряженного с интенсивным высвобождением трудовых ресурсов, основными источниками доходов трудоспособного населения стали занятость в бюджетной сфере, трудоустройство в Биробиджане и «вахта». Привлечение китайских трудовых мигрантов в сельское хозяйство не требует финансовых вложений в развитие инфраструктуры сельской местности, что в целом приводит к ухудшению социально-экономического развития СНП, демографических показателей и ситуации на рынке труда. Ограничения въезда китайских граждан в 2020 и 2021 годах «вынудили» китайских и местных фермеров привлекать местное население. Соглашаясь с фактом маргинализации сельского мужского населения, что усложняет систему управления трудовым коллективом, отметим, что возможность трудоустроиться в сельском хозяйстве вместо китайских мигрантов оказала положительное влияние на качество жизни трудоустроенных местных жителей и их семей. С одной стороны, выросли доходы работников. С другой стороны, работа послужила сдерживающим фактором для приема алкоголя.

Анализ воздействия «внутренних» и «внешних» факторов на СНП различных типов показал исключительно сильное влияние «внешних» факторов — изменения административно-территориального и муниципального устройства и оптимизации сферы предоставления социальных услуг. Основой управленческой политики в отношении большинства сел видится поддержание транспортной и социальной инфраструктуры в приемлемом для проживания населения виде, а также создание рабочих мест в местах проживания или в ближайших СНП.

Библиография

- Айзман Н. А., Чернявский А. Г., Школьник Л. Б. (1984). Счастливая земля Валдгейма: Художественно-документальное повествование о колхозе «Заветы Ильича» / Пер. Х. Бейдера. Хабаровск: Кн. изд-во.
- Алексеев А. И., Сафронов С. Г. (2015). Изменение сельского расселения России в конце XX — начале XXI века // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 5. С. 66–76.
- База данных показателей муниципальных образований. URL: http://gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата доступа: 29.10.2021).
- Бирофельдское сельское поселение — Администрация Биробиджанского района. URL: <http://br.eao.ru/poselen/birsp/> (дата доступа: 29.10.2021).
- Валдгеймское сельское поселение — Администрация Биробиджанского района. URL: <http://br.eao.ru/poselen/valdsp/> (дата доступа: 29.10.2021).
- Гаева И. В., Комарова Т. М., Неверова Г. П., Фетисов Д. М. (2011). Геодемографическая обстановка в Еврейской автономной области: ретроспективный анализ и прогноз // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 6. С. 54–67.

- Горбунова Л. И., Гузман Е. В. (2012). Опыт реализации государственной переселенческой политики на юге Дальнего Востока СССР (на примере Еврейской автономной области) в 20–30-е гг. XX в. // *Власть и управление на Востоке России*. № 4 (61). С. 65–70.
- Горюхин М. В. (2018). Ретроспективный анализ влияния крупных проектов в сфере минерально-ресурсного природопользования на развитие сети населенных пунктов Еврейской автономной области // *Региональные проблемы*. Т. 21. № 4. С. 58–63.
- Губенко Л. П. (ред.) (2006). Историко-географический атлас Еврейской автономной области: учебное пособие. Биробиджан: Комитет образования ЕАО.
- Гуревич В. С. (1997). Все о Еврейской автономной области: справочно-энциклопедический сборник. Хабаровск: Этнос-ДВ.
- Гуревич В. С. (2014). Еврейская колонизация на Дальнем Востоке России в первой половине XX в. (на примере Еврейской автономной области) // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. № 3(43). С. 221–229.
- Гуревич В. С. (2015). Хроника административно-территориального устройства Еврейской автономной области в архивных документах // *Региональные проблемы*. Т. 18. № 3. С. 65–73.
- Гусева Е. С. (2012). Трансформация функций сельской местности Подмосковья за 20 лет рыночных преобразований // *Региональные исследования*. № 2. С. 47–58.
- Ефименко В. М. (ред.) (1959). Еврейская автономная область. Хабаровск: Кн. изд-во.
- Журавлева О. П. (2005). Региональные особенности социально-культурного развития Еврейской автономной области (30-е годы XX в.) // *Региональные проблемы*. № 6–7. С. 117–120.
- Калинина И. В. (2013). Изменение функций сельских населенных пунктов на рубеже XX–XXI веков (на примере Еврейской автономной области) // *Региональные исследования*. № 3(41). С. 36–44.
- Калинина И. В., Комарова Т. М. (2013). Формирование расселения и социально-демографическая безопасность в Еврейской автономной области // *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. № 6. С. 48–58.
- Калинина И. В., Суховеева А. Б. (2017). Инфраструктура сельской местности Еврейской автономной области: 15 лет перемен // *Региональные проблемы*. Т. 20. № 4. С. 129–138.
- Киржниц А. Д. (1934). Бирефельд. Казань: Татгосиздат. Сектор техн. и общ. лит.-ры.
- Кобленц Б. (1934). Валдгейм. М.: Эмес.
- Котлерман Б. М. (2008). «Идишизация» территории ЕАО: переселенческие поселки и колхозы на карте области // *Вестник Дальневосточной государственной социально-гуманитарной академии*. № 1(1). С. 66–71.
- Кордонский С. Г., Чернов М. И., Моляренко О. А., Плюснин Ю. М. (2018). Этносоциальный потенциал территории: особый случай Еврейской автономной области // *Идеи и идеалы*. Т. 1. № 4 (38). С. 105–135.
- Корсунский Б. Л., Леонов С. Н. (2006). Управление развитием проблемного региона. Хабаровск: РИОТИП.
- Кутовая С. В. (2015). Социальное пространство Еврейской автономной области. Владивосток: Дальнаука.
- Кутовая С. В. (2016). Маргинальные факторы формирования социального пространства Дальневосточного региона (на примере ЕАО) // *Социологические исследования*. № 1(381). С. 158–162.
- Леонов С. Н., Корсунский Б. Л. (1999). Депрессивный район в переходной экономике. Владивосток: Дальнаука.
- Маноиленко И. (ред.) (2002). Биробиджанский — наш район. Биробиджан: ГОУ «Редакция газеты «Биробиджанер Штерн».
- Мишук С. Н. (2016). Российско-китайское сотрудничество в сельском хозяйстве Дальнего Востока России // *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. № 1. С. 38–48.

- Мищук С. Н. (2021). Китайский фактор в развитии сельского хозяйства приграничного региона Дальнего Востока России: итоги 2000–2020 гг. // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. № 2. С. 25–36.
- Нефедова Т. Г. (2012). Основные тенденции изменения сельского пространства России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 3. С. 7–23.
- Петренко А. В. (ред.) (2009). 75 лет Еврейской автономной области: Юбилейный статистический справочник. Биробиджан: Еврстат.
- Приложение Демоскопа Weekly. Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств. URL: <http://demoscope.ru/weekly/ssp/census.php> (дата доступа: 29.10.2021).
- Соболь А. (1925). «Колесуха»: Амурская колесная дорога. М.: Изд-во Всесоюзного об-ва политкаторжан и сс.-поселенцев.
- Соловченков С. А. (2011). Сельское население Еврейской автономной области — стратегии выживания // Вестник Воронежского государственного технического университета. Т. 7. № 4. С. 55–57.
- Соловченков С. А. (2013). Трансформация структуры занятости сельского населения Приамурья в современных российских условиях // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 16. № 4. С. 184–188.
- Соловченков С. А., Стельмах Е. В. (2014). «Куда ушел крестьянин?» К вопросу занятости сельского населения Юга Дальнего Востока России // Фундаментальные исследования. № 3. С. 647–650.
- Старые карты России и мира онлайн. URL: <http://www.etomesto.ru/> (дата доступа: 29.10.2021).
- Суховеева А. Б. (2011). Обеспеченность населения Еврейской автономной области услугами системы здравоохранения: территориальные различия // Региональные проблемы. Т. 14. № 1. С. 100–102.
- Фетисов Д. М. (2013). Формирование землепользования на территории современной Еврейской автономной области на первых этапах русского освоения Приамурья (в конце XIX — начале XX в.): экологический аспект // Региональные проблемы. Т. 16. № 2. С. 64–72.
- Фрисман Е. Я. (ред.) (2007). География Еврейской автономной области: учебное пособие для учащихся 8–9 классов общеобразовательных учреждений Еврейской автономной области. Хабаровск: РИОТИП.
- Шафранова О. Е. (2001). Роль сельской школы в социализации личности младшего подростка // Региональные проблемы. № 5. С. 127–128.
- Шведов В. Г., Голубь Б. М., Примак П. В., Каштанюк В. А. (2009). История Еврейской автономной области: учебное пособие для учащихся 8–9 классов общеобразовательных учреждений Еврейской автономной области. Хабаровск: РИОТИП.
- Шулятиков В. П. (ред.) (2004). Административно-территориальное устройство Еврейской автономной области. 1858–2003 гг. (2004). Хабаровск: РИОТИП.

*А. С. Чучкалов,
С. Н. Мищук,
Н. К. Греля*
Факторы трансформации пригородной сельской местности депрессивного региона

Factors of suburban rural areas turning into a depressed region (on the example of the Birobidzhan district in the Jewish Autonomous Region)

Alexander S. Chuchkalov, Master's Student, Department of Economic and Social Geography of Russia, Lomonosov Moscow State University. 119991, Moscow, Leninskie Gory, 1. E-mail: chuchkalov_sashka@mail.ru.

Svetlana N. Mishchuk, PhD (Economics), Senior Researcher, Institute for Demographic Research, Federal Centre for Theoretical and Applied Studies of the Russian Academy of Sciences, 119333, Moscow, Fotieva St., 6, bldg. 1; Senior Researcher, Institute for

Nataliya K. Grelya, Master's Student, Department of Economic and Social Geography of Russia, Lomonosov Moscow State University. 119991, Moscow, Leninskie Gory, 1. E-mail: ngrelya.mkrgo@mail.ru.

Abstract. Based on the results of field studies, the authors consider the post-Soviet transformations of the territorial organization of suburban rural areas in the depressed Far Eastern region (Birofeld and Valdheim rural administrations of the Birobidzhan district in the Jewish Autonomous Region). Transformations of rural areas are considered as determined by multidirectional factors divided into “external” (general) and “internal” (local). The article describes an impact on the countryside of such “external” factors as urbanization, changes in the specialization of agriculture and in the administrative-territorial and municipal structure, optimization of social services, changes in rural infrastructure and external institutional conditions for development. When considering the “internal” (local) factors of transformations, the authors identify differences in the social structure of migrants from Birobidzhan to the suburban countryside. The changes in the structure of the rural population by spheres of employment and prevailing sources of income are presented as a result of the combination of factors. Some changes in the lifestyle of the rural population are described. Based on the assessment of the impact of different factors on the depopulation, the authors suggest some management measures. The authors conclude that the Birobidzhan district is a rare Russian example of the agricultural suburban territory in relation to the regional center, of the countryside with a reducing number of functions.

Key words: rural areas, depopulation, suburban areas, transformation factors, rural-urban migration, rural employment, rural society, rural settlement, Jewish Autonomous Region, Birobidzhan, subsidiary plots, marginalization.

References

- Aizman N., Chernyavsky A., Shkolnik L. (1984) *Schastlivaya zemlya Valdgeima: Khudozhestvenno-dokumentalnoe povestvovanie o kolkhoze “Zavety Il'icha”* [Waldheim's Happy Land: A Documentary Narrative about the Collective Farm “Testaments of Il'ich"], Khabarovsk: Kniga.
- Alexeev A., Safronov S. (2015) *Izmenenie selskogo rasseleniya Rossii v kontse XX — nachale XXI veka* [Changes in the Russian rural settlement's patterns in the late 20th — early 21st Century]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya 5: Geografiya*, no 2, pp. 66–76.
- Baza dannykh pokazatelei munitsipalnykh obrazovaniy [Database of Indicators for Municipalities]. URL: http://gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm.
- Birofeldskoe selskoe poselenie — Administratsiya Birobidzhanskogo rayona [Birofeld Rural Settlement — Administration of the Birobidzhan District]. URL: <http://br.eao.ru/poselen/birsp>.
- Valdheimskoe selskoe poselenie — Administratsiya Birobidzhanskogo rayona [Valdheim Rural Settlement — Administration of the Birobidzhan District]. URL: <http://br.eao.ru/poselen/valdsp>.
- Gaeva I., Komarova T., Neverova G., Fetisov D. (2011) *Geodemograficheskaya obstanovka v Evreiskoi avtonomnoi oblasti: retrospektivny analiz i prognoz* [Geodemographic situation in the Jewish Autonomous Region: Retrospective analysis and forecast]. *Izvestiya RAN, Seriya: Geograficheskaya*, no 6, pp. 54–67.
- Gorbunova L., Guzman E. (2012) *Opyt realizatsii gosudarstvennoi pereselencheskoi politiki na yuge Dalnego Vostoka SSSR (na primere Evreiskoi avtonomnoi oblasti) v 20 — 30-e*

- gg. XX v. [Implementation of the state resettlement policy in the South of the USSR Far East (on the example of the Jewish Autonomous Region) in the 1920s—1930s]. *Vlast i control na Vostoke Rossii*, no 4, pp. 65–70.
- Goryukhin M. (2018) Retrospektivnyy analiz vliyaniya krupnykh proektov v sfere mineralno-resurnogo prirodopolzovaniya na razvitie seti naselennykh punktov Evreiskoi avtonomnoi oblasti [A retrospective analysis of the large mineral-infrastructure projects' influence on the development of settlements in the Jewish Autonomous Region]. *Regionalnye problemy*, vol. 21, no 4, pp. 58–63.
- Gubenko L. (ed.). (2006) *Istoriko-geografichesky atlas Evreiskoi avtonomnoi oblasti* [Historical-Geographical Atlas of the Jewish Autonomous Region], Birobidzhan: Education Committee of the Jewish Autonomous Region.
- Gurevich V. (1997) *Vse o Evreiskoi avtonomnoi oblasti: spravochno-entsiklopedichesky sbornik* [Everything about the Jewish Autonomous Region: A Reference and Encyclopedic Collection], Khabarovsk: Etnos-DV.
- Gurevich V. (2014) Evreiskaya kolonizatsiya na Dalnem Vostoke Rossii v pervoi polovine XX v. (na primere Evreiskoi avtonomnoi oblasti) [Jewish colonization in the Russian Far East in the first half of the 20th century (on the example of the Jewish Autonomous Region)]. *Sotsialno-gumanitarnye nauki na Dalnem Vostoke*, no 3, pp. 221–229.
- Gurevich V. (2015) Khronika administrativno-territorialnogo ustroystva Evreiskoi avtonomnoi oblasti v arkhivnykh dokumentakh [A chronicle of the administrative-territorial development of the Jewish Autonomous Region according to the archival documents]. *Regionalnye problemy*, vol. 18, no 3, pp. 65–73.
- Guseva E. (2012) Transformatsiya funktsiy selskoi mestnosti Podmoskoviya za 20 let rynochnykh preobrazovaniy [Transformation of the rural areas functions in the Moscow Region under the market reforms of the last twenty years]. *Regionalnye issledovaniya*, no 2, pp. 47–58.
- Efimenko V. (Ed.). (1959) *Evreiskaya avtonomnaya oblast* [Jewish Autonomous Region], Khabarovsk: Kniga.
- Zhuravleva O. (2005) Regionalnye osobennosti sotsialno-kulturnogo razvitiya Evreiskoi avtonomnoi oblasti (30-e gody XX v.) [Regional features of the social-cultural development of the Jewish Autonomous Region (in the 1930s)]. *Regionalnye problemy*, no 6–7, pp. 117–120.
- Kalinina I. (2013) Izmenenie funktsiy selskikh naselennykh punktov na rubezhe XX–XXI vekov (na primere Evreiskoi avtonomnoi oblasti) [Changes in the functions of rural settlements at the turn of the 20th — 21st centuries (on the example of the Jewish Autonomous Region)]. *Regionalnye issledovaniya*, no 3, pp. 36–44.
- Kalinina I., Komarova T. (2013) Formirovanie rasseleniya i sotsialno-demograficheskaya bezopasnost v Evreiskoi avtonomnoi oblasti [Settlement development and social-demographic security in the Jewish Autonomous Region]. *Izvestiya RAN. Seriya: Geograficheskaya*, no 6, pp. 48–58.
- Kalinina I., Sukhoveeva A. (2017) Infrastruktura selskoi mestnosti Evreiskoi avtonomnoi oblasti: 15 let peremen [Infrastructure of the rural countryside in the Jewish Autonomous Region: 15 years of change]. *Regionalnye problemy*, vol. 20, no 4, pp. 129–138.
- Kirzhnits A. (1934) *Birefeld* [Birefeld], Kazan: Tatgosizdat.
- Koblents B. (1934) *Valdheim* [Waldheim], Moscow: Emes.
- Kotlerman B. (2008) “Idishizatsiya” territorii EAO: pereselencheskie poselki i kolkhozy na karte oblasti [“Yiddishization” of the territory of the Jewish Autonomous Region: Resettlement villages and collective farms on the map of the region]. *Bulletin of the Far Eastern State Social and Humanitarian Academy*, no 1, pp. 66–71.
- Kordonsky S., Chernov M., Molyarenko O., Plyusnin Yu. (2018) Etnosotsialnyy potentsial territorii: osoby sluchai Evreiskoi avtonomnoi oblasti [Ethnic-social potential of the territory: A special case of the Jewish Autonomous Region]. *Idey i idealy*, vol. 1, no 4, pp. 105–135.
- Korsunsky B., Leonov S. (2006) *Upravlenie razvitiem problemnogo regiona* [Management of the Development of a Problem Region], Khabarovsk: RIOTIP.

А. С. Чушкалов,
С. Н. Мищук,
Н. К. Греля
Факторы трансформации пригородной сельской местности депрессивного региона

- Kutovaya S. (2015) *Sotsialnoe prostranstvo Evreiskoi avtonomnoi oblasti* [Social Space of the Jewish Autonomous Region], Vladivostok: Dalnauka.
- Kutovaya S. (2016) Marginalnye faktory formirovaniya sotsialnogo prostranstva Dalnevostochnogo regiona (na primere EAO) [Marginal factors in the development of the social space of the Far Eastern Region (on the example of the Jewish Autonomous Region)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 1, pp. 158–162.
- Leonov S., Korsunsky B. (1999) *Depressivny rayon v perekhodnoi ekonomike* [Depressed Area in the Transitional Economy], Vladivostok: Dalnauka.
- Manoilenko I. (ed.) (2002) *Birobidzhansky — nash rayon* [Birobidzhansky District — Our District], Birobidzhan: Birobidzhaner Stern.
- Mishchuk S. (2016) Rossiisko-kitaiskoe sotrudnichestvo v selskom khozyaistve Dalnego Vostoka Rossii [Russian-Chinese cooperation in agriculture of the Russian Far East]. *Izvestiya RAN, Seriya: Geograficheskaya*, no 1, pp. 38–48.
- Mishchuk S. (2021) Kitaiskiy faktor v razvitii selskogo khozyaistva prigranichnogo regiona Dalnego Vostoka Rossii: itogi 2000–2020 gg. [The Chinese factor in the development of agriculture in the border region of the Russian Far East: Results of 2000–2020]. *Scientific Review, Series 1: Economy and Law*, no 2, pp. 25–36.
- Nefedova T. (2012) Osnovnye tendentsii izmeneniya selskogo prostranstva Rossii [Major trends of changes in the social-economic space of rural Russia]. *Izvestiya RAN, Seriya: Geograficheskaya*, no 3, pp. 5–21.
- Petrenko A. (ed.) (2009) *75 let Evreiskoi avtonomnoi oblasti: Yubileiny statistichesky spravochnik* [75th Anniversary of the Jewish Autonomous Region: A Jubilee Statistical Handbook], Birobidzhan: Evrstat.
- Prilozhenie Demoskopa Weekly. Perepisi naseleniya Rossiiskoi Imperii, SSSR, 15 novykh nezavisimyykh gosudarstv [Appendix to the Demoscope Weekly. Population Censuses of the Russian Empire, USSR, 15 New Independent States]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/ssp/census.php>.
- Sobol A. (1925) “Kolesukha”: *Amurskaya kolesnaya doroga* [“Kolesukha”: The Amur Wheeled Road], Moscow: All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers.
- Solovchenkov S. (2011) Selskoe naselenie Evreiskoi avtonomnoi oblasti — strategii vyzhivaniya [Rural population of the Jewish Autonomous Region — survival strategies]. *Voronezh State Technical University Bulletin*, vol. 7, no 4, pp. 55–57.
- Solovchenkov S. (2013) Transformatsiya struktury zanyatosti selskogo naseleniya Priamuriya v sovremennykh rossiiskikh usloviyakh [Transformation of the employment structure of the rural population in the Amur Region in the contemporary Russian conditions]. *Zhurnal sotsiologii and sotsialnoy antropologii*, vol. 16, no 4, pp. 184–188.
- Solovchenkov S., Stelmakh E. (2014) “Kuda ushel krestyanin?": k voprosu zanyatosti selskogo naseleniya Yuga Dalnego Vostoka Rossii [“Where did the peasant go?": On the employment of the rural population in the South of the Russian Far East]. *Fundamentalnye issledovaniya*, no 3, pp. 647–650.
- Starye karty Rossii i mira online [Old Maps of Russia and the World Online]. URL: <http://www.etomesto.ru>.
- Sukhoveeva A. (2011) Obespechennost naseleniya Evreiskoi avtonomnoi oblasti uslugami sistemy zdравookhraneniya: territorialnye razlichiya [Provision of the population of the Jewish Autonomous Region with healthcare services: Territorial differences]. *Regionalnye problemy*, vol. 14, no 1, pp. 100–102.
- Fetisov D. (2013) Formirovanie zemlepolzovaniya na territorii sovremennoi Evreiskoi avtonomnoi oblasti na pervykh etapakh russkogo osvoiniya Priamuriya (v kontse XIX — nachale XX vv.): ekologicheskiy aspekt [Development of the land use in the contemporary Jewish Autonomous Region at the first stages of the Russian colonization of the Amur Region (in the late 19th — early 20th century): An ecological aspect]. *Regionalnye problemy*, vol. 16, no 2, pp. 64–72.
- Frisman E. (Ed.) (2007). *Geografiya Evreiskoi avtonomnoi oblasti* [Geography of the Jewish Autonomous Region], Khabarovsk: RIOTIP.

- Shafranova O. (2001) Rol selskoi shkoly v sotsializatsii lichnosti mladshego podrostka [The role of the rural school in the socialization of the younger teenager]. *Regionalnye problemy*, no 5, pp. 127–128.
- Shvedov V., Golub B., Primak P., Kashtanyuk V. (2009) *Istoriya Evreiskoi avtonomnoi oblasti* [History of the Jewish Autonomous Region], Khabarovsk: RIOTIP.
- Shulyatikov V. (Ed.). (2004) *Administrativno-territorialnoe ustroistvo Evreiskoi avtonomnoi oblasti. 1858–2003 gg.* [Administrative-Territorial Structure of the Jewish Autonomous Region. 1858–2003], Khabarovsk: RIOTIP.

*А. С. Чушкалов,
С. Н. Мищук,
Н. К. Греля*
Факторы транс-
формации приго-
родной сельской
местности депрес-
сивного региона

Европейский опыт регулирования горной сельской местности¹

А. М. Ершов

Алексей Михайлович Ершов, студент магистратуры кафедры Экономической и социальной географии России географического факультета МГУ; 119991 Москва, Ленинские горы, д. 1. E-mail: alexiusershov@ya.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются европейские инициативы и программы поддержки и преобразования европейской горной сельской местности. Рассматривается изменение подходов и взглядов на сельскую местность в зарубежной полемике. Исследуется структура и цели стратегий и программ развития сельской местности Европейского союза. Изучается опыт макрорегиональной и государственной горной политики, дается пострановая оценка степени ее разработанности. Предоставляется справочный материал, отражающий фокус современных программ развития горных территорий в разрезе основных факторов трансформации сельской местности, а также пострановой перечень проектов в горных сельских местностях государств Европы.

Ключевые слова: сельская местность, горные территории, программы развития, стратегии, европейский опыт, Европа, горная политика, сельская политика, трансформация, устойчивое развитие, возрождение сельских районов

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-4-164-184

Промышленная революция и глобализация рынков продовольствия и труда поставили многие труднодоступные районы (горные или острова) в невыгодное экономическое положение в сравнении с городскими и пригородными. Повышение заработной платы в индустриализирующихся городах и низкие цены на продовольствие на мировых рынках сделали малопродуктивные сельскохозяйственные угодья неконкурентоспособными: экономическая глобализация требует, чтобы территория отличалась конкурентоспособностью и инновационностью, в то время как возможности для структурного преобразования экономики в удаленных районах затруднены. Горное сельское население ограничено низкой производительностью небольших по площади земельных участков, лимитированных в применении механизации и интенсификации. Это приводит к массовым проявлениям феномена забрасывания земель.

Отсутствие оплачиваемых внебюджетных мест приложения труда в сельском хозяйстве и сравнительная неразвитость социальной

1. Статья подготовлена в ходе выполнения проекта, поддержанного РНФ, № 21-17-00112.

сферы являются основными факторами оттока и старения населения — в таких районах формируется перевернутая демографическая пирамида. Уменьшающаяся плотность населения снижает перспективы развития бизнеса на этих территориях, что ведет к дальнейшему отъезду молодежи — «порочный круг упадка».

В настоящее время маргинальные сельскохозяйственные районы по всему миру классифицируются как «ловушки бедности»: домохозяйства в них страдают от нехватки ресурсов, низкой отдачи от инвестиций, отсутствия возможностей и сокращения социальных услуг в силу высоких удельных затрат на их поддержание. Становится трудно сохранить государственные службы в удаленных СНП из-за негативных эффектов от сжатия хозяйства. Молодежь имеет ограниченный доступ к образованию и трудоустройству, в то время как пожилые люди испытывают трудности с доступом к медицинским услугам.

Общая численность населения в большинстве горных районов развитых стран мира сокращается, несмотря на политику по поддержке конкретных секторов и сохранению населения в горных районах. Однако эффекты от экономической диверсификации и повышения качества жизни начинают оказывать положительное влияние в наиболее урбанизированных странах Европы. Ряд горных массивов в настоящее время являются привлекательными территориями, особенно Альпы. Именно поэтому важным для развития российских горных территорий путем заимствования лучших практик может быть изучение передового европейского опыта регуляирования горной сельской местности.

Обзор литературы

В качестве информационной базы исследования выбраны публикации зарубежных авторов по исследованию горной сельской местности за период с начала этого тысячелетия, а также сайт Европейской комиссии, на котором размещена нормативно-правовая база действующих на территории ЕС программ развития. В исследовательских работах рассматриваются проблемы развития местных сообществ, активизации туристического потенциала горных территорий, налаживания экономических и социальных связей с городской местностью, изменения специализации сельского хозяйства, а также способы их решения и опыт применения на практике.

Новый подход к сельской местности

В ЕС приоритеты нелиберальной экономики в виде конкурентоспособности предприятий и их эффективности (рабочие места, экономический рост и инновации) все чаще ставятся под сомнение.

Удовлетворению потребностей сжимающихся горных сельских районов вполне может способствовать признание этих изменений как общественных ценностей. Парадигма многофункционального развития сельских районов оказывается общим ответом на стагнацию и регресс в сельских районах.

С точки зрения разработанной в 2006 году Стратегии по развитию сельской местности (New rural policy), подготовленной Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР, 2006), в передовых странах фиксируются пять основополагающих закономерностей в подходах к мерам по поддержке сельской местности:

1. Уход от регионального перераспределения денежных средств в сторону повышения конкурентоспособности сельских районов.
2. Переход от узкого понимания сельского хозяйства к более широкой и комплексной секторальной экономике.
3. Использование инвестиций вместо субсидий в качестве инструмента финансовой поддержки.
4. Отказ от практики создания шаблонных программ развития («one size fits all») и переход к инициативам, учитывающим местные условия.
5. Базирование программ на многостороннем взаимодействии экономических акторов и социальных групп.

Предложенная в 2016 году концепция Rural Policy 3.0 лишь отражает усиление этих трендов. В ней акцент смещается на определение более конкретных механизмов для реализации эффективной сельской политики и практики и повышение конкурентоспособности сельских общин. Более подробно сведения о различиях в подходах ОЭСР к развитию сельской местности, в т.ч. горной, представлены в таблице 1.

Таблица 1. Подходы к развитию сельской местности

	Старый подход	Новая сельская политика (New rural policy), 2006	Политика сельских общин (rural community practice)/ Rural Policy 3.0, 2016
Взгляд на «сельскую местность»	То, что не город	Сельская местность как совокупность различающихся типов местностей	Три типа местности: пригородная, расположенная на удалении от городов, глубоко периферийная
Цели	Выравнивание, доход и конкурентоспособность ферм	Конкурентоспособность сельских районов, повышение ценности местных ресурсов, эксплуатация неиспользуемых ресурсов	Инклюзивный рост, территориальная сплочённость и социальная справедливость, направленные на широкое распределение благ среди всех сельских жителей и видов деятельности

Ключевой сектор экономики	Сельское хозяйство	Разные отрасли сельской экономики (сельский туризм и промышленность, ИКТ)	Акцент на процессах взаимодействия и взаимоотношений всех соответствующих секторов
Основные инструменты	Субсидии	Инвестиции	Сбалансированный набор инструментов, включая «мягкие» инструменты (наращивание потенциала, сотрудничество и развитие сетей социальных контактов)
Ключевые агенты	Федеральное правительство, фермеры	Все уровни власти, различные местные заинтересованные лица	Многоуровневое управление (посреднические агентства, партнёрства между сельскими и городскими районами и т.д.), научные исследования и образование, а также коммуникация

В стратегии ОЭСР 2016 года делается вывод о том, что точно так же как процессы, приводящие в действие «порочный круг упадка», выходят далеко за рамки демографических компонентов, так и меры по смягчению последствий должны учитывать многие связанные с ними векторы изменений (см. рис. 1). Динамика и тенденции экономической деятельности демонстрируют наиболее очевидные проблемные точки сельских районов, однако происходящая миграция из села отражает более широкие проблемы благосостояния, которые, в свою очередь, обусловлены постоянно меняющимся технологическим контекстом, социальными устремлениями и системой ценностей сельского населения.

Рисунок 1. Базовые условия развития сельской местности

Развития удаленных горных сельских районов можно добиться лишь путем активизации экономических, социальных, политических контактов с городскими территориями. Близость к городским районам как ядру сосредоточения человеческих ресурсов оказывается ключевым фактором, определяющим траектории трансформации. Таким образом, целью проведения современных программ по развитию сельских территорий является достижение функциональной близости в системе «город–село/горы» ради максимизации использования потенциала сельских территорий (см. рис. 2).

Рисунок 2. Функциональное взаимодействие в системе «город–село»

Общеввропейские программы развития сельской местности

Рамками для программ развития горных сельских территорий в странах ЕС выступает Единая сельскохозяйственная политика Европейского союза (ЕСХП ЕС), в состав которой входят программы развития сельских районов (ПРСР).

До 1992 года ЕСХП ЕС в соответствии с доминировавшей тогда сельскохозяйственной парадигмой преследовала в основном две цели: развитие с.-х. производства и поддержание доходов фермерских хозяйств. Череда кризисов, связанных с сельским хозяйством, привела к реформе 1992 года, результатом которой стала привязка ЕСХП ЕС к структурной политике ЕС. Произошел сдвиг фокуса политики в сторону нерыночных аспектов жизни сельской местности. Новые цели развития сельских районов были включены в ЕСХП ЕС во время реформ 2000 и 2005 годов (постановление ЕС 1257/99): разные структурные, территориальные меры были объединены в рамках одной повестки. Дан-

ное решение отразило сдвиг в политической позиции, направленный на активизацию поддержки и развития жизнеспособных сельских общин.

На 2021 год политика ЕСХП ЕС в реализации программ развития на сельских территориях направлена на следующее:

- достижение сбалансированного территориального развития сельских экономик и общин, включая создание и финансовую поддержку рабочих мест;
- повышение конкурентоспособности сельского и лесного хозяйства;
- обеспечение устойчивого управления природными ресурсами, забота об окружающей среде и проблемах изменения климата.

Реализуемые в рамках ЕСХП ЕС программы развития сельских районов формируются как на национальной, так и на региональной основе. Несмотря на централизованную структуру ЕСХП ЕС, региональные власти обладают автономией в выборе и предложении программ развития. Возможность подать заявку на включение проекта в программу есть у любого экономического актора. Отбор предложенных инициатив проводится властями административно-территориального уровня на основе балльных критериев соответствия программ требованиям ЕСХП ЕС. Проект программ с указанием основных мероприятий, этапов и источников финансирования подается на утверждение Европейской комиссии, которая также отвечает за контроль выполнения принятых программ и вносит в целях их актуализации поправки. Финансирование ПРСР реализуется из трех основных источников:

- EAFRD (Европейский сельскохозяйственный фонд в поддержку развития сельской местности — ЕСХФРСМ). Является источником около половины всех средств.
- Государственные средства из национального/регионального бюджета — в зависимости от уровня реализации программы.
- Частные вложения, которые вкладывают бенефициары программ.

На 2021 год в ЕС существуют в общей сложности 118 ПРСР. В большинстве государств-членов реализуется национальная программа, охватывающая всю территорию, но в наиболее крупных и развитых странах программы связаны с отдельными регионами. Лидерами по количеству программ являются Франция (30), Италия (23), Испания (22) и Германия (15) (суммарно свыше трех четвертей всех программ). Каждая программа отвечает по крайней мере за четыре из шести приоритетов ЕСХП ЕС в сельском хозяйстве, лесном хозяйстве и сельских районах:

- содействие передаче знаний и инновациям;
- содействие социальной интеграции, сокращению масштабов нищеты и экономическому развитию;

- повышение жизнеспособности и конкурентоспособности, а также содействие внедрению инновационных технологий и устойчивому землепользованию;
- поддержка трофических цепей, содействие благополучию животных и управлению рисками в сельском хозяйстве;
- содействие повышению эффективности использования ресурсов и поддержка перехода к низкоуглеродной и устойчивой к изменению климата экономике;
- восстановление, сохранение и укрепление экосистем.

Для ПРСР определены количественные целевые показатели в отношении выбранных приоритетных областей, изложены программные меры и выделенное для них финансирование, которое будет использовано для достижения целевых показателей. В качестве инструментов реализации программ выступают двадцать общих мер, которые могут быть направлены в одну или несколько приоритетных областей. В ПРСР страны/регионы ЕС должны указать, какие меры они использовали и как они будут способствовать достижению приоритетов ЕСХП ЕС. Прогресс в достижении целевых показателей отслеживается с помощью общей системы мониторинга и оценки (СМЕФ).

Программы развития сельских районов реализуются в рамках стратегии долгосрочного видения, разработанной Европейской комиссией. Концепция включает в себя «Сельский пакт» (Rural pact) и «План действий в сельских районах» (EU Rural Action Plan). «Сельский пакт» обеспечит общую законодательную основу для взаимодействия и сотрудничества широкого круга субъектов на уровне ЕС, национальном, региональном и местном уровнях. «План действия в сельских районах» — дорожную карту будущей деятельности в рамках принятых программ развития. В Концепции определены четыре области-направления действий, поддерживаемые флагманскими инициативами (см. табл. 2).

Таблица 2. Флагманские инициативы Концепции

«Сильная»	«Связанная»
расширение возможностей сельских общин, улучшение доступа к услугам и содействие социальным инновациям	улучшение связи как с точки зрения транспорта, так и цифрового доступа
· платформа возрождения сельских районов · центр исследования и инновации для сельских общин	· мультимодальная мобильность · цифровое покрытие
«Устойчивая»	«Процветающая»
сохранение природных ресурсов и экологизация деятельности, а также обеспечение социальной устойчивости	диверсификация экономической деятельности и повышение добавленной стоимости

-
· энергетический переход и борьба с изменением климата · охрана состояния почв и продовольствие · создание поглотителей углерода · включение женщин и уязвимых групп в сельские районы	· предпринимательство и социальная экономика в сельской местности
-

Общеввропейское регулирование развития горных сельских территорий не ограничивается только программами под патронажем ЕСХП ЕС. К крупным программам, реализуемым в странах ЕС и их соседях, можно отнести четыре инициативы:

1. LEADER — программа по развитию местных сообществ путем организации «местных инициативных групп» (LAG), состоящих из фермеров, сельских организаций, государственных органов и отдельных лиц из разных секторов экономики. Подход этой программы заключается в применении инноваций в стратегиях развития отдельных сельских районов. Данный подход укрепляет связи в местных сообществах, поощряет инновации во всех секторах и облегчает обмен знаниями в экономически отстающих районах. В рамках данной программы местные инициативные группы разрабатывают собственные стратегии местного развития, на реализацию которых они имеют бюджетные средства, выделенные из специализированных фондов: Сельскохозяйственного фонда в поддержку развития сельской местности (EAFRD), Фонда регионального развития (ERFD), Социального фонда (ESF) и Фонда морского и рыбного хозяйства. На 2021 год в созданных в рамках программы 2800 местных инициативных группах задействовано свыше 60% сельского населения ЕС, что отражает успехи в развитии местного самоуправления. Пример Альп показывает, что горные общины в силу наличия тесных связей между населением и местными учреждениями имеют более высокие показатели эффективности от внедрения программы.
2. Interreg — программа по трансграничному сотрудничеству, поэтому она имеет отношение ко многим горным регионам в силу их трансграничного характера. Одной из главных целей является уменьшение влияния национальных границ для более выровненного экономического, социального и культурного развития всей территории Европы. На 2021 год реализуются 24 программы, охватывающие почти все горные национальные районы.
3. MOVING — направлена на создание рамочных условий политики по созданию новых или модернизированных/масштабированных цепочек добавленной стоимости за счет политики сплочения и перехода к «зеленой» экономике.

4. ACCESS (базируется на PUSEMOR) — проект по созданию комфортной сервисно-информационной среды для жителей удаленных районов. Ориентируясь на потребности и предпочтения местных жителей, реализуются проекты по качественному улучшению предоставляемых населению услуг: цифровизация общественного транспорта, создание виртуальных площадок для консультаций с государственными органами, развитие сети доставки товаров и ИКТ.

Обобщенная структура европейских программ развития сельских районов представлена на рисунке 3.

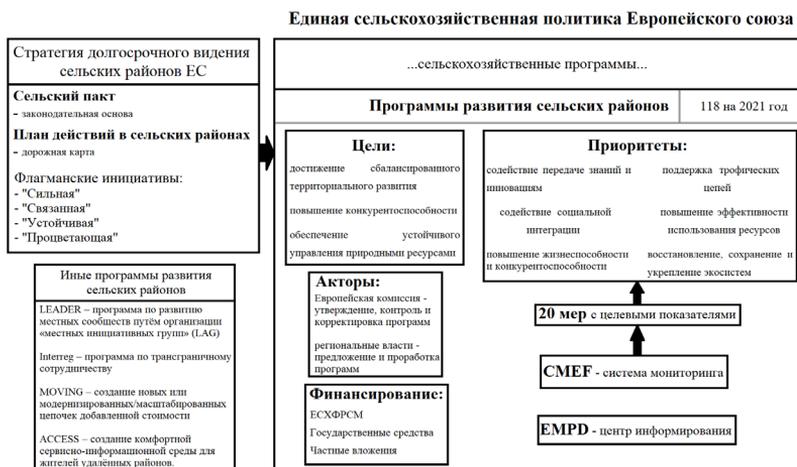

Рисунок 3. Программы развития сельских районов

«Горная» политика на государственном уровне

Программы ЕС не имеют прямой ориентации на развитие горных сельских территорий. Реализация программ в горных районах происходит преимущественно на базе программ по поддержке периферийных территорий, содействия развитию отстающих сельскохозяйственных и промышленных центров, а также помощи перспективным туристическим районам. Таким образом, горная местность косвенно оказывается в фокусе большинства общеевропейских программ. Проведение отдельной политики по отношению к горным сельским территориям получило развитие в рамках межгосударственного и национального уровней.

В рамках межгосударственных программ можно выделить две макрорегиональные конвенции о горных регионах: Альпийскую и Карпатскую (см. табл. 3). Два самых крупных горных массива зарубежной Европы, занимающие территории нескольких стран, стали наиболее подходящими площадками для проведения многосторонней интеграционной политики преодоления естественной барьерной функции гор.

Конвенция	Год подписания	Страны
Альпийская	1991	8: Австрия, Германия, Италия, Франция, Монако, Словения, Швейцария и Лихтенштейн
Карпатская	2003	7: Чехия, Словакия, Польша, Венгрия, Сербия, Румыния и Украина

А. М. Ершов
Европейский опыт
регулирования
горной сельской
местности

В рамках межгосударственных программ можно выделить две макрорегиональные конвенции о горных регионах: Альпийскую и Карпатскую (см. табл. 3). Два самых крупных горных массива зарубежной Европы, занимающие территории нескольких стран, стали наиболее подходящими площадками для проведения многосторонней интеграционной политики преодоления естественной барьерной функции гор.

Первым международным соглашением была Альпийская конвенция, первоначально подписанная в 1991 году и ратифицированная всеми альпийскими государствами, а также Европейским союзом. Ее основное применение как рамочной конвенции заключается в разработке консолидированных взглядов на проблемы энергетики, горного сельского хозяйства, охраны природы и сохранения ландшафтов, регионального планирования и устойчивого развития, туризма и транспорта. Результатом формирования общей позиции государств-участников стало принятие протоколов и деклараций в соответствующих сферах. Действующие в рамках Конвенции рабочие группы и исследовательские платформы занимаются анализом и принятием решений по конкретным вопросам, а также редакцией действующих и разработкой новых положений деклараций и протоколов. Здесь можно упомянуть создание сети охраняемых территорий (национальных парков, природных заповедников и т. д.) в Альпах, а также сети социальных контактов между общинами «Альянс в Альпах». Сотрудничество между альпийскими странами и их регионами реализуется также в макрорегиональной стратегии для Альпийского региона, принятой ЕС в 2015 году и направленной на выстраивание взаимодействия между столичными, пригородными и горными районами.

Вторым в мировой практике макрорегиональным договором по обеспечению защиты и устойчивого развития горного региона стала Карпатская конвенция. Как и Альпийская конвенция, это рамочная программа, цели которой реализуются посредством тематических протоколов и рабочих групп. В ее нормативную базу заложены задачи улучшения качества жизни населения, укрепления местной экономики и общин, а также сохранения природных ценностей и культурного наследия в Карпатском регионе. На перво-

начальном этапе реализации данной конвенции помощь в ее разработке оказывалась научным секретариатом Альпийской конвенции.

Наиболее разработанная комплексная политика в отношении горных сельских территорий осуществляется на национальном уровне. В таблице 4 представлена классификация европейских стран по степени разработанности «горной» политики. Однако «горная» политика как отдельный комплекс мер и институтов по контролю за развитием горных территорий отсутствует в преимущественно равнинных, а также горных странах, что объясняется отсутствием необходимости в формировании отдельной от общей стратегии развития. Секторальную направленность программ имеют среднегорные страны, зачастую малые и менее развитые, и поэтому имеющие меньшее финансирование для осуществления комплексной политики.

Таблица 4. Горные политики в странах Европы

Степень разработанности	Страны	Особенности политики
	страны без гор (Дания, Эстония, Латвия, Литва, Мальта, Нидерланды)	-
Нет отдельной политики	страны с низкими горами (Бельгия, Ирландия, Люксембург) или отдельными горными регионами (региональная политика в Польше и Великобритании)	Горная политика реализуется в отдельных районах страны
	горные страны (Норвегия, Греция, Словения, Андорра, Лихтенштейн)	Политика в отношении горных районов фактически является синонимом общей политики в области развития
Секторальная направленность политики	страны со средними горами (Венгрия, Словакия, Португалия, Швеция)	Наиболее распространенным сектором горной политики является сельское хозяйство, в котором упор делается на состояние окружающей среды и развитие сельских районов (закон ЕС 1257/1999 и директива 75/268/ЕЕС)
Многосекторальные программы развития	Германия, Испания и Австрия	Политика расширена за счет включения других секторов экономики, помимо сельского хозяйства, и объектов развития: туризм, сфера услуг, общественная инфраструктура, окружающая среда, образование, территориальное планирование и т.п.

Комплексные программы развития	Франция (Комиссариат горных массивов, 1973 год; Закон о горных районах, 1985 год)	Консолидация секторальной политики, а также создание конкретных политических инструментов: законы о горных районах, отдельные организации и фонды горных районов
	Италия (Общий принцип политики для горных районов, 1948 год; Закон о горных районах, 1994 год)	
	Швейцария (Закон об инвестициях в горные регионы, 1974 год)	
	комплексная политика на стадии формирования (Болгария и Румыния)	

Многосекторные и комплексные программы горного развития распространены в государствах с высокими горными массивами, занимающими значительную часть территории: в четырех крупнейших странах ЕС, а также альпийских Австрии и Швейцарии. Кроме этого, комплексные программы развития разрабатываются в присоединившихся к ЕС в ходе расширения 2007 года Болгарии и Румынии. Это одна из мер ЕС по развитию новых стран — членов ЕС и выравниванию внутриевропейских региональных диспропорций.

Примеры программ развития

Разнообразие и спектр реализуемых в Европе проектов и инициатив в горных районах за последние десятилетия неуклонно растут. Различия проявляются как в административном уровне реализации программы (от локальных проектов до макрорегиональных программ), так и в источниках их финансирования (от частных средств до государственных трансфертов). Составить полный перечень всех осуществляемых практик не представляется возможным, однако создание справочных материалов о реализуемых инициативах разной направленности и в разных странах важно с точки зрения получения общих представлений об основных направлениях трансформации горных сельских районов Европы и доминирующей в обществе парадигме развития.

На основе проведенного анализа государственных программ развития горных районов, а также исследовательских работ на данную тематику были составлены два справочных материала по современным трендам в реализации программ, а также по страновому обзору конкретных программ развития. В таблице 5 представлено разделение фокусных тематик программ развития по группам факторов, предопределяющих трансформацию горных сельских территорий. К ним относятся экономические (в том числе туризм), демо-

графические, институциональные, социальные, инфраструктурные и географические факторы. Каждая тематика сопровождается пояснительной информацией о способах ее осуществления. В таблице 6 представлены данные с примерами реализуемых программ в страновом и макрорегиональном (Альпы, Карпаты) разрезе. Информация дополнена сведениями о целях и назначении каждой программы.

А. М. Ершов
Европейский опыт регулирования горной сельской местности

Рисунок 4. Новые сельские пространства

Собранные данные о программах развития отражают изменения в представлениях и долгосрочном видении перспектив развития сельских территорий и горных районов, произошедшие за последние два десятилетия.

Таблица 5. Современные фокусные тематики программ развития в разрезе факторов трансформации

Факторы	Фокусные аспекты	Пояснение
Экономические	Горизонтальные связи «горы-город»	Налаживание торгово-товарных цепочек между сёлами и городами для минимизации издержек на дистрибуцию
	Изменение специализации сельского хозяйства	Трансформация в сторону выращивания продукции с высокой добавленной стоимостью
	Экологизация экономики	Декарбонизация хозяйственной деятельности, сокращение негативного воздействия в экологически уязвимых горных районах
	Сельская промышленность	Создание малых обрабатывающих предприятий для обслуживания местных потребностей

в т.ч туризм	Брендинг сельской местности	За счёт создания брендированной продукции удаётся компенсировать разницу в стоимости с массовыми товарами
	Взаимосвязь «с.-х.-туризм»	Занятое в с.-х. население благодаря поддержке туристического потока имеет возможность получать дополнительные доходы
	«Второй дом»	Создание предложения на городской спрос на досуг и рекреацию в удалённых от города местах
	Создание уникальной продукции/тематики	Разработка привлекательных продуктов для развития сельского туризма
Демографические	Гендерная занятость	Формирование женской занятости в туристической сфере
	Необходимость оценки поколенческой перспективы	Депопуляция характеризуется долгосрочными, медленно протекающими циклами
	«Отшельники как группа по поддержанию заброшенных сёл»	Ревитализация заброшенных удалённых сёл с помощью малой высокоактивной социальной группы
Институциональные	«Колонизация» сельской местности жителями города	Изменения социального состава за счёт поселения городского среднего класса в горных районах
	Сеть социальных связей	Помощь от друзей и родственников в хозяйственных вопросах
	«Тройной спирали» (бизнес-администрация-население)	Развитие взаимодовверительных и тесных контактов в целях достижения общих интересов
Социальные	Инвестиционно привлекательная институциональная среда	Упрощение работы по привлечению ресурсов меценатов
	Социальный капитал населения	Развитие сети общеобразовательных школ и заведений дополнительного образования
Инфраструктурные	Образ жизни и система ценностей сельских жителей.	Для повышения потенциала развития туризма требуется гостеприимное отношение среди местного населения
	Удовлетворение базовых потребностей	Развитая хозяйственная и коммунальная инфраструктура
Географические	Цифровизация	Медицинская помощь через Интернет, онлайн-курсы для обучения, инструменты онлайн-коммуникации
	«Культурный ландшафт»	Ландшафт выступает в роли ресурса

СОВРЕМЕННОСТЬ

Регион	Программа	Назначение
Альпы	ALPINNOС	Развитие грузовых рельсовых перевозок в замен автомобильных
	Проект MISMI (Валле-д'Аоста/Тарантез)	Борьба с изоляцией людей и социальным неравенством и неравенством в области здравоохранения (телемедицина)
	“Альпенраум” (Австрия-Германия)	Повышение конкурентоспособности альпийских регионов, улучшение условий жизни
Карпаты	Экобезопасные дороги в Карпатах	Транспортная сеть с низким экологическим воздействием на экосистему
Австрия	Southern Carinthia outlets	Автобусное сообщение горных сёл с аутлетами
	«Истинно-альпийский ландшафт»	Альпы выступают в качестве рекреационного бренда
Болгария	National Parks Management Plans	Сохранение горного биоразнообразия и развитие научной деятельности
	«Развитие болгарского экологического туризма»	Повышение качества туристической продукции для экотуризма
Великобритания	Kinlochleven Devt Trust	Трансформация СНП в связи с закрытием плавильного завода
	Agri-environmental farm diversification in Wales	Диверсификация экономики в горах Уэльса
	Upland Habitat action Plans	Сохранение и расширение биоразнообразия
	«Высокогорья и острова» (HIPP)	Комплексная поддержка удалённых сельских районов Шотландии
Германия	UNESCO biosphere reserve	Сохранение и развитие культурного ландшафта Альп
	Альпенплан в Баварии	Координация рекреационного развития в горных районах
Греция	Rural Broadband project	Доступ к сети Интернет в удалённых горных сёлах
	«Агротуризм»	Поддержка искусств и ремёсел, а также сохранение культурного наследия
Испания	Pro-Biodiversidad	Роль пастухов и обширного горного животноводства в защите биоразнообразия
	«Pediatric pole, Cerdanya» + «Mount cantabria»	Проекты по строительству профильных медицинских центров в горах

Италия	«Пастбища Магреди»	Содействие восстановлению сухих пастбищ Магреди путём удаления инвазивных видов
	E-mountain projects	Предоставление электронных государственных и муниципальных услуг
Норвегия	Sustainability of natural reserves	Содействие устойчивому территориальному развитию на природоохранных территориях
Польша	Land consolidation program	Практика возвращения в хозяйственный оборот залежных земель
Португалия	Производство вин в Дору	Мероприятия по сохранению биоразнообразия в регионе виноградарства
	PDRITM Agricultural programme	Сельскохозяйственная программа модернизации с компонентом социальной инфраструктуры
	PROSIURB	Жилищное строительство в небольших городах и сёлах
Румыния	План землепользования охраняемой территории	Разработка планов землепользования, ограничивающий и контролирующей хозяйственную деятельность
	Федерация горных фермеров и научный центр	Подготовка кадров для развития горных сельских районов
Словения	Угольные шахты Решиты	Создание парка по изучению возобновляемой энергии на базе старой угольной промышленности
	Idrija Mercury Min Triglav national Park	Экономическая реструктуризация после закрытия ртутного месторождения Ландшафтный парк на охраняемой территории как отправная точка для альпинизма
Франция	Bois des Alpes	Сертификация древесины, производящейся исключительно в Альпийском массиве
	Inter regional conventions for Massifs Unités Touristique Nouvelles (UTN)	Программы межрегионального сотрудничества в Центральном массиве Защита горных ландшафтов от экстенсивной курортной застройки
Чехия	Программа развития туризма	Продвижение туризма и развитие информационных систем и образования в секторе
Швейцария	Трансграничная программа с Италией	Налаживание трансграничных социальных контактов
Швеция	Regional Growth Agreement (RGA)	Развитие практики партнёрства между местными субъектами

Горная сельская местность рассматривается как активно трансформируемое пространство, в котором сельское хозяйство остается важным сектором экономики для поддержания устойчивости СНП. На него воздействуют с целью минимизации негативных факторов в виде низкой производительности и высоких производственных затрат в горных районах. Происходит переход на производство продукции с высокой добавленной стоимостью, внедрение производственных инноваций, а также развивается сотрудничество с другими отраслями экономики, в особенности сельской промышленностью и туризмом (см. рис. 4).

Таблица 7. Проекты развития сельского туризма

Проекты развития сельского туризма		
Страны	Проекты	Описание
Австрия	Lechweg	Первый трансграничный пеший походный маршрут
	Energieautark	Туризм на базе возобновляемой энергетики
Италия	Albergo Diffuso	Концепт «проживания у местного» для туристов
	Briganti di Correto	Кооператив по развитию общинного туризма
	Montagna racconta	Развитие бренда на событиях Первой Мировой войны
	Marteller Beerenta	Клубника как основа продукции для туристов
	Wein Kaltem	Вино как локальный бренд
Польша	Parija	Агротуризм на базе метных ресурсов
	Questing	Поиск-квест локальных достопримечательностей
Румыния	Bukovina adventure	Спортивная активность на природе
Украина	Nizhne Selische	Сырная промышленность, горизонтальная кооперация

Горное сельское производство основано на малых и средних диверсифицированных предприятиях. Новые горные отрасли возникают вокруг пищевой промышленности (производство сыра, экологически чистой продукции), зимних видов спорта (горное снаряжение, горнолыжные подъемники), лесного хозяйства (высококачественная древесина, лесовосстановительная техника) и инновационной деятельности (тестирования автомобилей в горных условиях).

Горный туризм развивается на базе локальных агроклиматических, природных и культурных ресурсов при поддержке и в связке с другими базовыми отраслями экономики. Географическое положение влияет на сезонность туристического бизнеса и его специализацию. Виды горного туризма варьируются от зимнего лыжного туризма и летнего гастрономического до всесезонного рекреационного и практики «второго дома». В таблице 7 представлены успешные европейские проекты в области сельского туризма.

С целью выравнивания условий жизни в городских равнинных районах и горных сельских, сокращения оттока молодого населения и привлечения городских жителей проводятся меры по развитию хозяйственной и коммунальной инфраструктуры, а также цифровизации социальной сферы горных общин.

В соответствии с широко принятым в декларациях ЕС принципом субсидиарности все большая роль в развитии горных районов отводится локальным хозяйственным акторам, тесно связанным и хорошо знающим местную специфику. Локальное развитие реализуется посредством активного участия населения в экономической и социальной жизни. Развитая социальная и институциональная среда способствует более полному раскрытию потенциала горного сельского района и ускоренному переходу к новому хозяйственному и общественному укладу.

Выводы

Сведения о европейском опыте развития горных сельских районов о структурной организации сельской и горной политики, преобладающих направлениях и целях действия программ развития горных территорий, а также их особенностей рекомендуется использовать при создании российских законопроектов по поддержке и развитию горных территорий страны. Горные сельские территории Российской Федерации нуждаются в формировании отдельной политики в силу особенностей протекающих в них трансформационных процессов. Кавказ и Алтай представляются наиболее подходящими регионами для адаптации европейского опыта по развитию макрорегионального сотрудничества, преобразованию сельского хозяйства, поддержке туристической отрасли и реализации программ по поддержке местных общин и инициатив.

Библиография

- Копотева И. В.* (2019). Локально ориентированные подходы к сельскому развитию. Опыт Европейского союза и России // Пути России. Границы политики. С. 244–256.
- Копотева И. В., Никула Й.* (2016). От социальных инноваций к инновационным системам. Подход Лидер на европейских и российских сельских территориях // Пути России. Новый старый порядок-вечное возвращение? Москва: Дело. С. 358–378.

- Battaglini L. M., Corrado F.* (2014). The return to the rural-mountain lands: different aspects of an on-going phenomenon // *Scienze Del Territorio*. Vol. 2. P. 87–94.
- Cebrián Abellán F., García Martínez C.* (2021). Landscape and tourism as tools for local development in mid-mountain rural areas in the southeast of Spain (Castilla–la mancha) // *Land*. Vol. 10. №. 2. P. 1–18.
- Chudy-Hyski D., Hyski M.* (2018). The role of tourism in multifunctional development of mountain rural areas // *Infrastruktura i Ekologia Terenów Wiejskich*. Vol. 3. P. 611–623.
- Ciolac R.* (2017). Management of a tourist village establishment in mountainous area through analysis of costs and incomes // *Sustainability*. Vol. 9. №. 6.
- Copus A.* (2021) European shrinking rural areas: Key messages for a refreshed long-term vision // *Terra: Revista De Desarrollo Local*. №. 8. P. 280–309.
- Dax T.* (2016). The Leader programme 2007–2013: Enabling or disabling social innovation and neo-endogenous development? Insights from Austria and Ireland // *European Urban and Regional Studies*. Vol. 23. №. 1. P. 56–68.
- European Commission [Электронный ресурс] / URL: <https://ec.europa.eu> (дата обращения: 04.11.2021)
- Frantál B., Martinát S.* (2013). *New Rural Spaces: Towards Renewable Energies, Multifunctional Farming, and Sustainable Tourism*. Brno: ÚGN.
- Giaccio V.* (2018). Do rural policies impact on tourism development in Italy? A case study of agritourism // *Sustainability*. Vol. 10. №. 8. P. 29–38.
- Gløersen E., Mader C., Ruoss E.* (2016). What Policy Evidence for a European Strategy of Sustainable Development in Mountain Regions? // *Journal of Alpine Research | Revue de géographie alpine*. №. 104.
- Hirschi C.* (2010). Strengthening regional cohesion: collaborative networks and sustainable development in Swiss rural areas // *Ecology and Society*. Vol. 15. №. 4. P. 1–17.
- Imperiale A. J., Vanclay F.* (2016). Using social impact assessment to strengthen community resilience in sustainable rural development in mountain areas // *Mountain Research and Development*. Vol. 36. №. 4. P. 431–442.
- Janus J., Łopacka M., John E.* (2017). Land consolidation in mountain areas. Case study from southern Poland // *Geodesy and cartography*. Vol. 66. №. 2. P.241–251.
- Lun L. M., Pechlaner H., Volgger M.* (2016). Rural tourism development in mountain regions: Identifying success factors, challenges and potentials // *Journal of Quality Assurance in Hospitality & Tourism*. Vol. 17. №. 4. P. 389–411.
- MacDonald D.* (2000). Agricultural abandonment in mountain areas of Europe: environmental consequences and policy response // *Journal of environmental management*. Vol. 59. №. 1. P. 47-69.
- Mayer H., Habersetzer A., Meili R.* (2016). Rural–urban linkages and sustainable regional development: The role of entrepreneurs in linking peripheries and centers // *Sustainability*. Vol. 8. №. 8.
- Mayer H.* (2013). *Mountain and rural economies under pressure: Identifying global and national challenges for sustainable economic development in mountain and rural areas in Switzerland* // *Secrétariat d'Etat à l'économie SECO, Berne*.
- Meccheri N., Pelloni G.* (2006). Rural entrepreneurs and institutional assistance: an empirical study from mountainous Italy // *Entrepreneurship & Regional Development*. Vol. 18. №. 5. P. 371–392.
- Navarro L. M., Pereira H. M.* (2015). *Rewilding abandoned landscapes in Europe* // *Rewilding European Landscapes*. Springer, Cham. P. 3–23.
- Sancho Reinoso A.* (2010). Fighting for survival-planning and development issues in two European rural border mid-mountain regions // *Revija za geografijo*. Vol. 5. №. 2. P. 67–81.
- Sikorski D.* (2020). Functional changes in peripheral mountainous areas in east central Europe between 2004 and 2016 as an aspect of rural revival? Kłodzko County case study // *Applied Geography*. Vol. 122. P. 1–14.

Alexey M. Ershov, Master's Student, Department of Economic and Social Geography of Russia, Moscow State University, 119991, Moscow, Leninskie Gory, 1. E-mail: alexiusershov@ya.ru

А. М. Ершов
Европейский опыт
регулирования
горной сельской
местности

Abstract. The article considers European initiatives and development programs for mountainous areas, and also changes in the approaches to the development of rural areas in the international debates. The author examines the structure and tasks of the EU rural development strategies and programs, the macro-regional and state mountain policies. The author suggests a typology of the national mountain policies' development in European countries, and provides references on the contemporary development programs for mountainous areas focusing on the main factors of rural transformation. The article also presents a list of projects in mountainous rural areas of the EU by country.

Key words: rural areas, mountainous areas, development programs, strategies, European experience, Europe, mountain policy, rural policy, transformation, sustainable development, rural revitalization

References

- Battaglini L. M., Corrado F. (2014) The return to the rural-mountain lands: Different aspects of an on-going phenomenon. *Scienze Del Territorio*, vol. 2, pp. 87–94.
- Cebrián Abellán F., García Martínez C. (2021) Landscape and tourism as tools for local development in mid-mountain rural areas in the southeast of Spain (Castilla–La Mancha). *Land*, vol. 10, no 2, pp. 1–18.
- Chudy-Hyski D., Hyski M. (2018) The role of tourism in multifunctional development of mountain rural areas. *Infrastruktura i Ekologia Terenów Wiejskich*, vol. 3, pp. 611–623.
- Ciolac R. (2017) Management of a tourist village establishment in mountainous area through analysis of costs and incomes. *Sustainability*, vol. 9, no 6.
- Copus A. (2021) European shrinking rural areas: Key messages for a refreshed long-term vision. *Terra: Revista De Desarrollo Loca*, no 8, pp. 280–309.
- Dax T. (2016) The Leader programme 2007–2013: Enabling or disabling social innovation and neo-endogenous development? Insights from Austria and Ireland. *European Urban and Regional Studies*, vol. 23, no 1, pp. 56–68.
- Frantál B., Martinát S. (2013) New rural spaces: Towards renewable energies, multifunctional farming, and sustainable tourism, Brno: ÚGN.
- Giaccio V. (2018) Do rural policies impact on tourism development in Italy? A case study of agritourism. *Sustainability*, vol. 10, no 8, pp. 29–38.
- Gløersen E., Mader C., Ruoss E. (2016) What policy evidence for a European strategy of sustainable development in mountain regions? *Journal of Alpine Research/Revue de géographie alpine*, no 104.
- Hirschi C. (2010) Strengthening regional cohesion: Collaborative networks and sustainable development in Swiss rural areas. *Ecology and Society*, vol. 15, no 4, pp. 1–17.
- Imperiale A. J., Vanclay F. (2016) Using social impact assessment to strengthen community resilience in sustainable rural development in mountain areas. *Mountain Research and Development*, vol. 36, no 4, pp. 431–442.
- Janus J., Łopacka M., John E. (2017) Land consolidation in mountain areas. Case study from southern Poland. *Geodesy and Cartography*, vol. 66, no 2, pp. 241–251.
- Lun L. M., Pechlaner H., Volgger M. (2016) Rural tourism development in mountain regions: Identifying success factors, challenges and potentials. *Journal of Quality Assurance in Hospitality & Tourism*, vol. 17, no 4, pp. 389–411.

- MacDonald D. (2000) Agricultural abandonment in mountain areas of Europe: Environmental consequences and policy response. *Journal of Environmental Management*, vol. 59, no 1, pp. 47–69.
- Mayer H., Habersetzer A., Meili R. (2016) Rural–urban linkages and sustainable regional development: The role of entrepreneurs in linking peripheries and centers. *Sustainability*, vol. 8, no 8.
- Mayer H. (2013) Mountain and rural economies under pressure: Identifying global and national challenges for sustainable economic development in mountain and rural areas in Switzerland. *Secrétariat d'Etat à l'économie SECO*, Berne.
- Meccheri N., Pelloni G. (2006) Rural entrepreneurs and institutional assistance: An empirical study from mountainous Italy. *Entrepreneurship & Regional Development*, vol. 18, no 5, pp. 371–392.
- Navarro L. M., Pereira H. M. (2015) Rewilding abandoned landscapes in Europe. *Rewilding European Landscapes*, Cham: Springer, pp. 3–23.
- Sancho Reinoso A. (2010) Fighting for survival-planning and development issues in two European rural border mid-mountain regions. *Revija za geografijo*, vol. 5, no 2, pp. 67–81.
- Sikorski D. (2020) Functional changes in peripheral mountainous areas in East Central Europe between 2004 and 2016 as an aspect of rural revival? Kłodzko County case study. *Applied Geography*, vol. 122, pp. 1–14.

Школа Венецианова как живописное крестьяноведение

Рецензия на книгу: Алексей Венецианов. Пространство. Свет. Тишина. М.: ГТГ, 2021.

Е. С. Никулина

Екатерина Сергеевна Никулина, научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82.
E-mail: nikulina@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-4-185-190

Эта книга-альбом, состоящая из искусствоведческих статей и иллюстраций, представляет собой глубокий и подробный комментарий-исследование обширной выставки художественных произведений А. Г. Венецианова, его учеников и коллег, открывшейся в Третьяковской картинной галерее в Москве осенью 2021 года.

С точки зрения эстетики и искусствоведения книга помогает постичь уникальность мастерства венециановской школы, связанного прежде всего с особым искусством воспроизведения пространства, света и тишины на живописных полотнах, отражающих удивительную атмосферу покоя и умиротворенности в ландшафтах сельской жизни крестьян и интерьерах помещичьих усадеб первой половины XIX века. Вместе с тем в ней отражена и важнейшая социокультурная составляющая венециановского наследия, связанного с открытием, введением в русскую живопись темы крестьянской жизни в труде, на отдыхе, в праздниках, семье и просто в уединенном раздумье. Этому глубоко оригинальному венециановскому крестьяноведению хотелось бы прежде всего посвятить данную рецензию.

Книга открывается обширной статьей С. С. Степановой, представляющей собой подробный биографический очерк жизни и творчества художника А. Г. Венецианова на фоне основных событий в общественной и художественной жизни России первой половины XIX столетия. Автор статьи сразу же дает чрезвычайно емкую и точную характеристику главному герою: «Художник эпохи романтизма Алексей Гаврилович Венецианов — один из самых светлых и гармоничных мастеров отечественного искусства. Во времена крепостного права он открыл в русском крестьянстве особый мир, достойный глубокого уважения и любви, таящий в себе источник вдохновения и эстетических переживаний. Уникальность его лич-

ности не только в оригинальности его творческого лица, но и в подлинном гуманизме просветительских начинаний» (с. 8).

Далее мы узнаем, что Венецианов (1780–1847) был выходцем из семьи московского купца 2-й гильдии, после окончания учебы в одном из московских частных пансионов работал чертежником и помощником землемера. Перебравшись в Петербург в 1802 году, он совмещал работу в канцелярии различных учреждений с написанием портретов на заказ, обучением у знаменитого художника В. Л. Боровиковского, копированием в Эрмитаже старых мастеров. Между прочим, юный Венецианов по-видимому не отличался таким уж умиротворенным характером, какой был присущ Венецианову позднему, свидетельством чему — начало его художественной карьеры с создания «Журнала карикатур». В нем предполагалась публикация гротескных офортов художника, сатирически бичующих пороки окружающей действительности. Впрочем, этот издательский проект погиб в самом начале: венециановская гравюра «Вельможа» (1807) вызвала неудовольствие императора Александра I, после чего журнал был закрыт. Надо отметить, что и после этого Венецианов не прекратил работать в жанре карикатуры, но при способляясь к событиям своего времени в эпоху наполеоновских войн, он обратился к политической карикатуре, высмеивая французского императора и его армию, а также моду на французское образование в высших слоях российского общества. Тем временем неуклонно возрастало мастерство Венецианова как живописца, чему свидетельствует присуждение ему звания «назначенного» в академии после предоставления им своей работы «Автопортрет» (1811) в Совет Императорской Академии художеств. В 1815 году Венецианов женился на дворянке Марфе Афанасьевне Азарьевой и вскоре стал помещиком сельца Трониха с прилегающими к нему деревнями Сафонково, Сливнево, Максиха, Микашиха в Вышневолоцком уезде Тверской губернии. С тех пор и до конца своей жизни Венецианов был погружен в повседневную хозяйственную деятельность по управлению своим поместьем, хотя продолжает и свои живописные занятия. Будучи уже зрелым художником, основательно вникнувшим в особенности повседневного крестьянского и помещичьего быта, Венецианов открывает мир крестьянской жизни в изобразительном искусстве (картины «Очищение свеклы» и «Гумно» (1822)). В 1824 году состоялась выставка именно «крестьянских» работ художника, вызвавшая в петербургском обществе разнообразные положительные отклики. Вскоре император Николай I и его супруга удостоили Венецианова своим вниманием и подарками, а в 1830 году ему было присвоено звание придворного живописца. Венецианов к тому времени безусловно становится ведущим российским живописцем российского крестьянства.

С. С. Степанова отмечает: «Прекрасно знавший своих героев, многие из которых были его собственными крепостными, Венецианов вывел крестьянские типы и сюжеты из сферы сугубо бытопи-

сательной в сферу художественной образности» (с. 21). Крестьяне Венецианова — люди серьезные, вдумчивые, часто их лица выражают какую-то сосредоточенную озабоченность, но как пронзительно отмечает М. М. Алленов: «...это не грусть и не меланхолия — спутники праздности. Это неизбежное тайное печалование людей, не знающих праздности, которым вверена самая насущная людская забота — радение о земле. В ней — этос крестьянской жизни, родственной материнской заботливости»¹. Венецианов творил в эпоху романтизма, но в своем творчестве он избегал откровенной эмоциональности.

Конечно, рождение живописного «венециановского крестьяноведения» не было случайным. В это же время открытие мира крестьянства происходило и в других сферах искусства России. Например, в 1820-е годы обретают популярность в обществе поэты-крестьяне Ф. Н. Слепушкин, Е. И. Алипанов, М. Д. Суханов, а вскоре проявится и выдающийся талант поэта А. В. Кольцова. С этого времени крестьянство становится предметом постоянного размышления и изображения в русском искусстве, свидетельствуя чему замечательные крестьянские сюжеты и герои в произведениях А. С. Пушкина.

Как отмечает С. С. Степанова, по характеру и форме изображения крестьян творения Венецианова можно было бы объединить в несколько групп: опоэтизированные образы крестьян с элементами пейзажа; композиции с обнаженной натурой; изображения с метафорическим подтекстом. Из последних, пожалуй, самая знаменитая картина — «На пашне. Весна», где героиня не только крестьянка, но одновременно и Флора — богиня весеннего цветения, возвышенной красоты. Впрочем, «аллегоризм, таящийся в его полотнах, лишен узости классической эмблематики или конкретности смысла масонских знаков» (с. 30). Венецианову в значительной степени присущ «романтический принцип свободных ассоциаций» (Там же).

Чрезвычайно много в этой книге-альбоме высококачественных иллюстраций работ Венецианова и его учеников, запечатлевших самые разные поколения крестьян и крестьянок в их повседневных заботах. Тут и крестьянки-матери с младенцами, дети-крестьяне, играющие или уже старающиеся помогать в труде взрослым, крестьянская молодежь, степенные пожилые крестьяне и крестьянки и, наконец, крестьянские старики и старухи. Кроме портретных и жанровых изображений в альбоме представлено и много замечательных ландшафтных и интерьерных работ венециановской школы. Практически каждая иллюстрация снабжена информативным комментарием.

1. Алленов М. М. (1984). Образ пространства в живописи а la Натура: к вопросу о природе венециановского жанризма // Советское искусствознание 83. Том. 1. М.: Советский художник. С. 130.

Венецианов занимался не только изображением крестьян как художник, но как хозяин в своем поместье он стремился соответствовать идеалу «просвещенного земледельца» Н. М. Карамзина². Степанова отмечает: «Он хорошо знал земледелие, на практике изучая агрономию. Так, для того чтобы сделать свою безлесную и безводную землю более плодородной, несколько лет занимался мелиорацией, выкапывая пруды и прокладывая канавки» (с. 26). Много внимания Венецианов уделял заботам о просвещении и благосостоянии своих крестьян, чему свидетельствуют воспоминания его дочери: «Всем крестьянам своим старался давать понятия о различных ремеслах... Крестьяне наши папеньку очень любили, и он заботился об них, как отец. У нас самый из бедных мужиков имел двух лошадей, но большей частью по четыре или по шесть, рогатого скота у них тоже было довольно, постройки все порядочные у всех по деревне. Он всегда входил в их нужды, стараясь обо всем, что клонилось для пользы их благосостояния и дохода»³.

В последнее десятилетие своей жизни в Сафонкове Венецианов открыл школу для крестьянских детей, больницу. А в борьбе с бедствиями неурожайных лет Венецианов создал «мирской магазин» — хлебное хранилище для продовольственной помощи голодающим крестьянам.

Наконец, поддерживая и раскрывая молодые дарования, Венецианов в своем поместье организовал целую художественную школу. Ее выпускниками стали такие известные продолжатели крестьянской темы в изобразительном искусстве, как А. В. Тыранов, А. Г. Денисов, Н. С. Крылов, К. А. Зеленцов, Ф. М. Славянский, Е. Ф. Крендовский, Л. К. Плахов. Творчеству этих художников в книге посвящен отдельный раздел с многочисленными иллюстрациями.

Школа Венецианова была исключительно его частным проектом и потому в конце 1830-х годов из-за финансовых затруднений она пришла в упадок. Венецианов пытался наладить связи с Академией художеств, добиться государственной поддержки для своего детища. В своих автобиографических записках он с горечью мечтал о себе в третьем лице: «Но ежели бы Венецианов был профессором в Академии и имел под своим ведением учеников... и вел бы их по своей методе, будучи обеспечен профессорским жалованием и квартирой...»⁴ Еще через десятилетие, незадолго до своей смерти, размышляя над судьбами учеников, которые благодаря ему стали художниками, Венецианов в сомнении писал: «...как будто судьба решилась мне отказывать в собственных моих желаниях и надоб-

2. Карамзин Н. М. (1991). Нечто о науках, искусствах и просвещении // Наше наследие. № 1. С. 8.

3. Алексей Гаврилович Венецианов (1980). Статьи. Письма. Современники о художнике. М.: Искусство. С. 229.

4. Там же. С. 48.

ностях для того, чтобы отместить мне за какую-нибудь полсотню людей, сведенных с пути, рождением назначенного. Может быть, Тыранов, Заряно — с аршинами, Михайлов, Славянский, Алексеев и проч. с сохами и топорами гораздо счастливее, беззаботнее бы были, нежели теперь с кистями их. Здесь я завидую последнему из моих крестьян в том, как ему немного надобно для обеспечения счастья и — теперь, в святки, с каким полным наивным удовольствием он скачет, навыворот шубу, в соломенной шапке, под звуки бабьих песен и гармоники»⁵.

Впрочем, несмотря на изначальные трудности вхождения венециановских воспитанников в профессию живописца, их взрослые карьеры сложились по-разному и некоторые достаточно успешно реализовали себя, получили академическое признание, как, например, М. С. Эрасси (1823–1898), учившийся в Сафонкове в 1840-е годы, уже в 1857 году удостоенный звания академика живописи, затем живший и работавший в Ницце и Берлине. Но у большинства воспитанников Венецианова жизнь все же оказалась драматически нелегкой. Например, А. В. Тыранов (1808–1859), хотя и получивший звание академика портретной живописи, живший и работавший в Италии, вернувшись в Санкт-Петербург, заболел психическим расстройством и в конце концов скончался в бедности от чахотки в Кашине.

Пожалуй, самой трагической оказалась судьба любимого венециановского ученика Григория Васильевича Сороки (1823–1864). Ему в этой книге также посвящен отдельный раздел. Сорока был крепостным у богатого тверского помещика П. И. Милюкова — соседа и друга Венецианова. С детства Сорока проявлял замечательные способности к рисованию, видя это, Милюков отдал мальчика в обучение живописи в школу Венецианова. К тому времени, когда Сорока стал уже достаточно самостоятельным художником, Милюков вытребовал его обратно в свое поместье, назначив художника садовником и иногда поручая ему писание видов своего имения, а также портретов домочадцев. Напрасно Венецианов доказывал своему другу и соседу, что Сорока обладает крупным художественным даром, ему необходимо предоставить вольную, чтобы до конца могла реализоваться его творческая натура. Несмотря на все уговоры, и не только со стороны Венецианова, Милюков оставался непреклонным до тех самых пор, пока Сороку, да и всех милюковских крестьян не освободил Манифест 1861 года. К тому времени Сорока создал замечательные пейзажи окрестностей Островков — имения Милюкова, а также глубоко психологические портреты членов семейства Милюкова. Эта живопись, полная человеческого достоинства и гармонии, словно подтверждает знаменитое изречение Шиллера: «И в цепях закованный свободным может оставаться человек». К 1864 году милюковские крестьяне обнаружили, что под-

5. Там же. С. 49.

писанный с их помещиком договор о выкупе земельных угодий оказался чрезвычайно несправедливым. Тягостные условия договора вызвали волнения среди них. Активным выразителем этих крестьянских выступлений против Милюкова стал Сорока. Он был арестован, отдан под суд, приговоривший его к телесному наказанию. Накануне исполнения приговора Сорока покончил с собой.

Венецианова и его учеников порой упрекали в излишней благонамеренности и аполитичности их творчества, идеализации жизни и быта крестьянства, в действительности задавленного крепостной зависимостью и нуждой. Но прежде всего мы должны помнить, что именно школа Венецианова пробудила великий экзистенциальный интерес к жизни крестьянства, впервые были созданы глубоко психологические портреты крестьян и крестьянок как человеческих личностей. Художники школы Венецианова запечатлели в своих пейзажах самые трогательные, сокровенные особенности крестьянских и помещичьих ландшафтов.

Чувство так и неразрешимого противоречия от созерцания живописной гармонии картин школы Венецианова и дисгармонии крепостнических отношений, в условиях которых все же сформировалась и расцвела эта школа, своеобразно передают заключительные строчки этой замечательной книги, посвященные творчеству Сороки: «Замедленность ритмов жизни, наполняющей эти пейзажи, рождает чувство благодатного покоя, разлитого в природе, чей образ отрешен от обыденности, несмотря на конкретность запечатленных видов и включение в них жанров сцен. Но осознание того, что автором этих поразительно гармоничных полотен был крепостной, освобождения которого так и не смог добиться Венецианов, приносит в их восприятие невыразимо щемящую ноту затаенной печали» (с. 225).

Venetsianov's school as pictorial peasant studies

Review of the book: Alexey Venetsianov. Space. Light. Silence. Moscow: GTG, 2021.

Ekaterina S. Nikulina, Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Prosp. Vernadskogo, 82 Moscow, 119571. E-mail: nikulina@ranepa.ru.

Хозяйство вести или писать об этом?

Жукова Т. А. Земля и люди. Дневник фермера: документальный очерк. Краснодар: КубГАУ, 2020. — 188 с. ISBN 978-5-907373-20-4

В. В. Бабашкин

*Владимир Валентинович Бабашкин, доктор исторических наук, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, проспект Вернадского, 82.
E-mail: vbabashkin@ranepa.ru*

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-4-191-199

По поводу вынесенной в заголовок этой рецензии формулировки предвижу вопрос: почему «или»? Что мешает делать и то, и другое? Теоретически возможно, на практике встречается редко, поскольку ведение крестьянского или фермерского хозяйства — дело настолько трудоемкое, что не распишешься. С другой стороны, писать об этом нечто вразумительное, аналитически содержательное тоже очень непросто. Примеров удачного сочетания того и другого не так уж много. И автор «Земли и людей», кандидат философских наук, хозяйка собственной фермы в Краснодарском крае Татьяна Андреевна Жукова меня как человека, решившегося опубликовать рецензию на этот ее дневник фермера, сразу настроила на сугубо позитивный лад, упомянув уже на четвертой строчке авторского предисловия к своим запискам «Письма из деревни» А. Н. Энгельгардта. Я очень люблю эту книгу, ценю ее превыше многих политэкономических сочинений на ту же тему и считаю предвестницей появления в XX веке книг по крестьяноведению, в основе которых — личный опыт участия исследователей в анализируемых хозяйственных практиках. Т. А. Жукова, чувствуется, тоже неравнодушна к Энгельгардту, неоднократно цитирует его «Письма» применительно уже к ситуациям, в которых она в роли краснодарского фермера оказывается в веке XXI.

Несколько слов об авторе, ибо личность того, кто решился делать, а затем публиковать подобные дневниковые записи, имеет очень важное значение. Родилась в станице Стародеревянской Каневского района Краснодарского края и в школе училась в той же деревне. Жители Каневского района называют ее род-

ную станицу деревней, и это тоже немаловажная деталь для того, что я ниже буду писать о ее документальном очерке: у казачьих станиц Краснодарского края и Ставрополя есть много специфических черт, отличающих эти сельскохозяйственные поселения от российских деревень Средней полосы или Севера. Но много есть и общего, и, если местные жители фиксируют это даже на уровне слова «деревня», это очень важно. «Когда пришло время выбирать профессию, — пишет Жукова, — я для себя точно знала, что хочу справедливости в этом мире. А поэтому только юрфак. Собиралась стать адвокатом» (с. 14). Две неудачные попытки поступления на юридический, и, волею судьбы, она — студентка очного отделения философского факультета КубГУ. Это точно судьба, иначе из-под пера фермера с юридическим образованием вышли бы несколько другие очерки, если вообще возникла бы потребность фиксировать бытийно-этическую сторону деревенской жизни на бумаге.

«Прожив двадцать лет в городе, — пишет автор далее, — мы с семьей приняли решение переехать в село, в мою родную станицу. Подключились к делу родителей — фермерству. Этот эпизод моей жизни и натолкнул моего учителя на мысль о включенном наблюдении в среде фермеров и просто жителей села. Так появилась эта книга» (Там же). Учителем она в данном случае называет старшего коллегу по кафедре социологии и культурологии Кубанского государственного аграрного университета А. А. Хагурова, который опубликовал в рецензируемом издании вступительную статью под названием «Крестьянство в фокусе социальных наук». Должен отметить, что случай с «Землей и людьми» действительно нетривиальный: женщина с мужем и тремя детьми возвращается в родную деревню с настроением не просто включиться в дела родительского фермерского хозяйства, но еще и фиксировать в дневниковых записях все то, что ей как специалисту высшей квалификации в области социологии и культурологии покажется достойным внимания и осмысления.

Записки сделаны простым хорошим доступным языком без излишних «красивостей». Открываются они 21.08.2016, т. е. моментом переезда из города в деревню. И сразу же идут некоторые подробности организации того небольшого крестьянского (фермерского) хозяйства, в котором у родителей скопилось около 100 га обрабатываемой земли. В начале 2000-х годов было намерение еще и держать животных и птиц, и по двору, помнится, «важно выхаживали разные диковинные птицы, а также гуси, утки, куры. Но сейчас это все в прошлом. После часто повторяющихся всевозможных эпидемий, то птичьего гриппа, то свиного, родители прекратили заниматься животноводством и сосредоточились исключительно на растениеводстве» (с. 16). Землю для создания своего фермерского хозяйства они получили изначально в 1992 году в соответствии с Законом РСФСР

от 22.11.1990 «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», когда колхозы, владевшие всей землей сельскохозяйственного назначения, сплошь и рядом преобразовывались в акционерные общества. Земли фермерам тогда выдавались не самые лучшие: неудобья, подтапливаемые низины, суглинистые участки, овраги. Поэтому с широко пропагандируемой тогда технологией *no-till* решили не рисковать, тщательно обсуждая, где конкретно и под какие культуры можно ограничиться дискованием почвы, а в каких случаях обратиться к помощи чизеля, т. е. к обработке глубокорыхлителем.

Тема собирания земель под родительское земледельческое хозяйство занимает в воспоминаниях и размышлениях Жуковой особое место. Автор постоянно возвращается к этой проблеме и, кажется, не только потому, что количество и качество земли — едва ли не главная характеристика любого аграрного предприятия. Дело в том, что ни в какой другой системе социальных координат не высвечивается так отчетливо то, что в русском языке называется правдой, справедливостью, как в системе «человек — земля», «Земля и Люди». В классическом советском фильме о Гражданской войне звучала песня на стихи Р. Рождественского, в которой были такие слова: «Много в поле тропинок, только правда — одна». Вспомним, кем и почему мечтала стать Таня, дважды неудачно пытаюсь поступать на юрфак. Думала о профессии адвоката, точно зная для себя, что хочет «справедливости в этом мире». Но кому, как не адвокату, доподлинно известно, что у истца — своя правда, у ответчика, как правило, — своя. Вот уже дважды, я считаю, повезло в жизни будущему автору «Земли и людей»: получила базовое философское образование и попала на работу в аграрный вуз. Я это пишу со знанием дела, поскольку когда-то жизнь меня загнала в аналогичную ситуацию. Я в хорошем советском вузе получил историческое образование, а затем после службы в армии попал в ассистенты кафедры научного коммунизма Всесоюзного сельскохозяйственного института заочного образования (ВСХИЗО). В «антисоветские» времена институт, естественно, переименовали в университет — Российский государственный аграрный заочный университет (РГАЗУ). Но я сейчас не о смелых высказываниях, а вот о чем. У студентов такого вуза, взрослых уже людей, приезжающих на учебу, на сессию из хозяйств (ранее — из колхозов, в 1990-е и далее — откуда только не), как правило, присутствует внутреннее чутье правды и справедливости. Я очень боялся сфальшивить, преподавая им такую дисциплину (а ее в СССР преподавали на выпускном курсе), как научный коммунизм. А антикоммунизм, в который очень сноровисто переформатировали его в 1990-е годы вчерашние представители советской идеологической элиты, я уже не преподавал, сформировав для себя основы каких-то своих историсофских убежде-

ний, коими руководствуюсь и поныне в своей преподавательской деятельности.

Итак, первые 18,32 га родители Татьяны Андреевны получили в собственность по государственному акту на основании постановления администрации Каневского района от 16 ноября 1992 года. Инициатором того, чтобы взять землю в собственность под фермерское хозяйство, была бабушка Прасковья Матвеевна. Не будучи специалистом сельского хозяйства, она прошла бесплатное обучение в Каневском учебном комбинате и, подавая заявление на землю, просила выделить участок поблизости от станицы Стародеревянской, где располагались земли бывших колхозов «Россия» и «Кубань», теперь преобразованных в акционерные общества. Получила ответ в сельсовете, что эти земли уже распределены, и почувствовала некоторую обиду, узнав, что распределены они между работниками сельсовета. Из бесед с земляками стало выясняться, что приблизительно такая же ситуация и с землями возле станицы Каневская: ближние и самые удобные участки оказались в распоряжении тамошних служащих сельсовета (с. 57-58). Разумеется, что на такую посевную площадь фермеру по здешним местам выпускать серьезную технику нерентабельно, и автор дневника показывает, как родители очень постепенно, вступая в партнерские отношения с арендодателями земли, подкупая участки по мере возможности, расширяли свой посев, приближаясь к той заветной сотне гектаров. Один из примеров из этого смыслового ряда — покупка в 2003 году участка в 22,9 га у Л. М. Шиманской. Автору очень важно показать, что в этом случае не было никакого обьегоривания или чего-то в этом роде, хотя на страницах книги достаточно примеров того, насколько непорядочно иной раз могут повести себя фермеры в своем стремлении расширить землевладение.

До середины 1980-х годов родители жили с Л. М. Шиманской по соседству, на одной улице, а кто жил в сельской местности, «тот представляет, что все почти как родственники. Поэтому Лариса Михайловна без колебаний и страха обратилась к родителям с просьбой о приобретении земельного участка. Хочется отметить, что родители никогда не торговались о стоимости земли, а выплачивали столько, сколько просил собственник участка. Еще и пытались отговорить от продажи: «Может, просто в аренду?»» Смысл последнего вопроса — одна из многих важных деталей, которые становятся лучше понятны, когда читаешь эти дневниковые записи. Его, к примеру, объясняет история, произошедшая с двоюродной сестрой бабушки Прасковьи Надеждой Александровной Мудрак. Свой участок она несколько лет сдавала в аренду знакомому фермеру, получая не слишком высокую плату. Когда фермер принес новый договор, на всякий случай посоветовалась с мамой Татьяны Андреевны: «Прочитав договор, мама объяснила, что если тетюшка подпишет его, то земли больше не увидит

ни она, ни ее наследники. Бабушка Надя не поверила маме, а поверила фермеру. Мама оказалась права, но было уже поздно что-либо менять» (с. 20-21).

Еще одна история из этого же смыслового ряда выглядит совсем уж мрачно. Был в станице Каневской межколхозный откормочный комплекс (МОК). Когда в процессе приватизации земли в районе определяли размеры пая, с которым бывшие колхозники должны были выходить из колхозов, получилось 4,58 га. А на работников МОК приходилось аж около 11 га! Такое не могло не заинтересовать скупщиков-перекупщиков. Работал на комплексе Г. И. Коваленко, с женой которого разговорилась Жукова. Так вот, к нему однажды пришли и предложили продать землю за символическую сумму, а в ответ на законное возмущение сказали, что «если сейчас не продаст, то через некоторое время сам приползет с участком в зубах. И Геннадий Иванович, конечно, продал» (с. 58). Хотя специалистам по истории современного аграрного реформирования в РФ подобные истории, к сожалению, известны в изобилии.

Очень интересные соображения высказывает автор «Дневника фермера» в отношении целесообразности и принципиальной возможности фермерской кооперации. При этом она опирается на реальный опыт родительского хозяйства, когда отец предпринял попытку работать сообща с одним из фермеров по соседству — Юрием Симоновым, «у которого на момент объединения было земли в три раза меньше. Да и техники негусто: трактор МТЗ-82 с тележкой, плуг, комбайн “Нива”. У родителей же: Т-150, МТЗ-82, МТЗ-1025, Т-40 (так называемый “девешёнок”), комбайн “Нива”, плуг, две сеялки, два культиватора, два дискатора, бороны, катки, РУМ, два опрыскивателя, бочки от 0,5 куб. м до 8 куб. м. А главное, была база, был построен ангар, жилой дом, гараж, помещения для ведения подсобного хозяйства и животноводства» (с. 62). Я привел эту выдержку из текста рецензируемой книги не только для того, чтобы мы могли составить лучшее представление о размерах родительского хозяйства в недавнем прошлом. И даже не для того, чтобы показать, как лихо наша героиня, кандидат философии, разбирается в сельхозтехнике — для практикующего фермера, который вот уже шестой год на земле в том самом, священном, смысле этого слова, такое вполне естественно. Просто многие из новых героев «Дневника» появляются на его страницах не только с именем, отчеством и фамилией, но еще и в сопровождении информации об имеющейся в распоряжении земле и технике. Это придает и без того с интересом читаемой книге дополнительный эффект какой-то основательности, достоверности.

Возвращаясь к недолгой жизни кооператива. Родители, будучи старше Симоновых на пятнадцать лет, изначально предложили все полученные доходы, за минусом расходов, делить пополам. Равными долями в прибыли предполагали более молодым партнерам

компенсировать то обстоятельство, что не смогут работать с ними на равных физически. Поначалу это выглядело вполне справедливым. Так и продолжалось несколько лет. Однако со временем, когда партнеры родителей крепче стали на ноги, с их стороны появились претензии на корректировку условий партнерства, и кооператив развалился. Вернулись к работе по отдельности. Но дело этим не закончилось, и бывшие партнеры повели по отношению к родителям не слишком честную игру в стремлении перетянуть в свое хозяйство, что называется, правдами и неправдами как можно больше арендодателей. Слава богу, эти неприятности для родителей закончились относительно благополучно, по поговорке: «Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь». Но теперь уж муж Татьяны Андреевны «ни о каких таких совместных “экспериментах” и думать не хочет: “уже пробовали”. Кто обжегся на молоке, дует и на воду» (с. 63).

И все же на страницах «Земли и людей» в общем и целом звучит жизнеутверждающий мотив по проблематике фермерской кооперации. Вот 3 декабря 2017 года приехал Юра Симонов с женой Валей, предложили «посидеть, поговорить, пожарить шашлыки». Во время застолья Татьяна рассказывала о своей поездке в Польшу, делилась впечатлениями от тех кооперативов, что тамошние фермеры создают для сбыта своей продукции: «Кооперативы диктуют цены на сельскохозяйственном рынке. Штат кооператива составляют 2–3 человека, зарплата которых напрямую зависит от доходов производителей — чем они выше, тем выше и их зарплата. Наши фермеры говорят, что у нас таких штатов в кооперативе быть не может, поскольку у нас штаты любой структуры искусственно “раздуваются”. Вот и процветают в России перекупщики, получая доход больше, чем производители и переработчики сельскохозяйственной продукции» (с. 61). А в июне 2020 года автор, специально анализируя деятельность фермеров ближайшей округи на предмет не формальных, но реальных, жизненных форм сотрудничества, кооперирования, приходит к выводу, что дружба и взаимопомощь играют большую роль в их жизни, исторически укоренены в нашем национальном характере и составляют для земляков ценности первого ряда. И есть большой смысл в том, чтобы осознанно, целенаправленно работать в направлении всяческого поощрения этих своих душевных качеств, поскольку «деловое сотрудничество, так же как и брак, существуют в мире неслучайно, а являются гениально разработанными Творцом мироздания технологиями для нашего роста и развития» (с. 169).

Все это она докладывала в своем выступлении на круглом столе, который был специально организован 28 июня в Новопокровском районе Краснодарского края для пропаганды возможностей и форм дальнейшей кооперации фермеров. Отмечала она и тот факт, что очень многое в этом государственно важном деле за-

висит от того, насколько ответственно относится к нему районное руководство. Разные аспекты этой сложной и многогранной проблемы отмечались в других выступлениях на этом собрании. В частности, Айтөч Аюбович Хагуров, доктор социологии, профессор, автор упомянутой выше вступительной статьи к «Земле и людям», объяснял «всем собравшимся значимость исследовательского интереса к селу именно гуманитарных наук. Так, в крае существует множество НИИ разных направлений и ни одного — напрямую изучающего человека. Безусловно, роль гумуса неоспорима в земледелии, механизация и автоматизация труда актуальны в нашем мире. Но сам человек, его выбор в той или иной жизненной ситуации, порой остается за бортом исследовательского флагамена науки в сельском направлении. А ведь от того, какой шаг сегодня и завтра сделает каждая личность в той же агрофере, зависит и сокращение, и приумножение гумуса в наших почвах, и уплотнение почв от чрезмерного использования сельхозтехники, и присутствие антибиотиков в молочной и мясной продукции» (с. 171-172).

Отметим, что к этому времени и муж Татьяны Андрей, который, как помним, не столь уж давно ни о каких таких совместных «экспериментах» и думать не хотел, потихоньку стал втягиваться в разные формы сотрудничества с коллегами, в том числе и с Юрием Симоновым. Тема Андрея и детей — еще одна сквозная тема рецензируемых записок, благодаря которой книга действительно читается с интересом — не только профессиональным (гуманитарные науки об аграрных отношениях), но и чисто человеческим. Меня, например, до глубины души тронула вот такая зарисовка с натуры. «22.09.2017. Начали сев озимой пшеницы... 33 га были засеяны за 5 дней. В силу того, что старшие дети находятся на учебе в школе, мама на работе, в севе принимают участие три члена нашей семьи: муж, я и младший сын Алёша, которого из-за сезонной ОРВИ мы не можем водить в детский сад. Андрей работал на тракторе с сеялкой, мы с Алёшей помогали загружать сеялку зерном и удобрениями. Работа с механизмами сыну по душе. После завершения посевных работ Алексей много раз просился в поле и делился со своими детсадовскими сверстниками и воспитателями различными нюансами проведения сельскохозяйственных работ» (с. 55).

А с какой любовью Татьяна описывает все те ситуации, в которых проявляется природная хватка, крестьянская смекалка и огромное трудолюбие мужа Андрея. Вот идет уборка пшеницы с поля в 50 га, и идет она вполне успешно: «Наблюдали за нами все. Ведь городские приехали! А когда узнали, что муж по образованию юрист и экономист, но никак не агроном и не механизатор, а я — доцент кафедры социологии и культурологии, кандидат философских наук, интерес крестьянско-фермерского сообщества к нам возрос» (с. 49). Или еще: «09.11.1017—01.12.2017.

У нас в хозяйстве началась очистка подсолнечника. Процесс оказался длительным по нескольким причинам. Муж наотрез отказывался от привлечения наемных рабочих, мотивируя это тем, что деньги должны остаться в семье и никто, кроме него, не выполнит данную работу качественно. Ему приходилось работать за четверых: за тракториста, наполнявшего и поднимавшего ковш зерна до уровня “Петкуса”; подсобного рабочего, ведрами перегружавшего подсолнечник из тракторного ковша в “Петкус”; рабочего, принимавшего уже очищенную партию зерна в мешки, а также грузчика, переносившего эти мешки в КамАЗ». Сколько в этих строчках любви и гордости за мужа! И высшая похвала — уподобление А. Н. Энгельгардту, который, поселившись в деревне, «решился не заводить ни кучеров, ни поваров, ни лакеев, то есть всего, что составляет принадлежность помещичьих домов, что было одною из причин разорения небогатых помещиков, не умевших после “Положения” повести свою жизнь иначе, чем прежде...» (с. 6с).

И, наконец, не могу удержаться от того, чтобы цитировать без всяких комментариев датированную 9 июля 2020 года концовку этих опубликованных дневниковых записей, чтение которых жаль прерывать, хочется читать дальше: «Труд хлебороба во все времена был почетен. Людей, внесших свой вклад в общероссийский каравай, чествовали всегда. Все понимают, что труд земледельца никогда не был легким. Понимать — много значит, а ощутить на себе дано не каждому. Люди так устроены, что перестают даже осуждать другого, испытав на себе то, за что ранее осуждали.

Андрей, перенесший несколько месяцев назад острейший кризис заболевания дыхательной системы и по строжайшей рекомендации врачей обещавший отказаться от работ в поле, косит пшеницу на комбайне. Им руководит желание сделать жизнь собственной семьи лучше. Его направляет внутренний дух, который и дает силы на преодоление всех сложностей уборочной страды. И правы те, кто считает труд комбайнера подвигом. Слова “поле” и “подвиг” неразделимы. А люди, труженики полей, которыми всегда гордилась Русь-матушка, вершат, вне зависимости от всяческих сюрпризов погоды, тот самый подвиг — уборку урожая. Эти люди носят гордое имя хлебороба, и главное достояние нашей родины это они сами — люди от земли, крестьяне, истинные земледельцы. Те, кто не привык сетовать на погоду, оправдываться другими проблемами в горячем стремлении все делать для других. Вот на таких людях и держится наш мир...» (с. 179-18с).

To farm or to write about it?

Review of the book: Zhukova T. A. Land and People. A Farmer's Diary: A Documentary Sketch. Krasnodar: KubGAU, 2020. 188 p. ISBN 978-5-907373-20-4

Vladimir V. Babashkin, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 115571, Moscow, Prosp. Vernadskogo, 82.

E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

В. В. Бабашкин

Хозяйство вести или писать об этом?

Домик в деревне против города: обзор по итогам выступлений на XXVI Никоновских Чтениях

Э. Н. Крылатых, Е. Ю. Фролова

Эльмира Николаевна Крылатых, академик РАН, доктор экономических наук, главный научный сотрудник ВИАПИ им. А. А. Никонова — филиала ФГБНУ ФНЦ ВНИИЭСХ. 107078 Москва, Большой Харитоньевский пер., д. 21, стр. 1. E-mail: rgs-elmira@ranepa.ru

Елена Юрьевна Фролова, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ВИАПИ им. А. А. Никонова — филиала ФГБНУ ФНЦ ВНИИЭСХ. 107078 Москва, Большой Харитоньевский пер., д. 21, стр. 1. E-mail: efrolova@inbox.ru

Аннотация. Российская реальность такова, что жизнь в городе и жизнь в деревне имеют разные стандарты — бытовые, экономические, социальные, экологические, культурные. Однако нельзя свести все различия к «просто городу» и «просто деревне». Мегагорода и города-миллионники, областные центры, районные города и поселки городского типа сильно различаются по стандартам жизни. И в сельской местности есть пригородные коттеджные поселки, крупные села, есть «спец-поселения» — поселки, построенные для сотрудников крупнейших агрохолдингов, есть — и их большинство — умирающие деревни, находящиеся на не такой уж глубокой периферии. Иными словами, в сельской местности, как и в городах, сосуществуют совершенно разные жизненные уклады. Причем в сельской местности разные уклады могут наблюдаться в пределах границ одной деревни.

Миграционные потоки текут из деревень — в поселки городского типа и районные города, из них — в областные, из них — в крупнейшие города. Этот процесс обезлюдивания, а проще сказать — умирания российской деревни, который подтверждается цифрами сельской смертности, продолжительности жизни, доходов, уровня безработицы, — столкнулся с обратным процессом, получившим название дезурбанизации.

Проблемы сосуществования города и деревни и их совместного успешного развития, которые отражаются в понятии «комплексного развития городской и сельской среды обитания», долгое время оказывались не в фокусе внимания ученых и государственных органов управления. Тем более ценным событием стала ежегодная Международная научно-практическая конференция 25–26 октября 2021 года XXVI Никоновские чтения, посвященная именно этим проблемам.

Ключевые слова: дезурбанизация, дихотомия города и деревни, развитие сельских территорий, локальная сельская экономика

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-4-200-214

Никоновские чтения — добрая память об академике Александре Александровиче Никонове, создателе Аграрного института¹ — проводятся институтом уже в 26-й раз начиная с 1996 года. По тематике Никоновских чтений можно проследить эволюцию дискуссий в аграрно-экономической науке постсоветского времени. Конференция объединяет на своей платформе ученых и специалистов многих регионов России и зарубежных стран, представителей агробизнеса и органов управления АПК.

В 2021 году организаторами конференции наряду с ВИАПИ имени А. А. Никонова выступили Вольное экономическое общество России, экономический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, кооперационный проект министерств сельского хозяйства Германии и России «Германо-Российский аграрно-политический диалог». Для обсуждения была выбрана тема «Взаимодействие города и села в современном обществе: тенденции, проблемы, перспективы»².

Модератором пленарного заседания стал академик РАН, член Президиума ВЭО России, руководитель Всероссийского института аграрных проблем и информатики имени А. А. Никонова *А. В. Петриков*. На электронной площадке конференции присутствовало около 250 экспертов из разных регионов России, а также исследователи из Германии, Армении, Казахстана, Узбекистана, Белоруссии, Литвы. Атмосфера была живая: почти каждый доклад сопровождался многочисленными вопросами, комментариями, дискуссиями.

Обсуждение темы началось с приветственного слова академика РАН, научного руководителя ВНИИЭСХ *И. Г. Ушачева*. В коротком докладе он отметил, что тема взаимодействия города и села как никогда актуальна, однако, «к сожалению, органы власти на протяжении многих лет рассматривали развитие городских и сельских территорий как два самостоятельных процесса»³, что отражено в соответствующих федеральных программах, но только в государственной программе «Комплексное развитие сельских территорий» впервые сделана попытка рассматривать и сельские, и городские территории как единое целое.

С точки зрения Ушачева, необходимо изучать вопросы влияния городов различных типов на экономическое, социальное и демогра-

Э. Н. Крылатых,

Е. Ю. Фролова

Домик в деревне против города: обзор по итогам выступлений на XXVI Никоновских Чтениях

1. Сейчас — Всероссийский институт аграрных проблем и информатики им. А. А. Никонова — филиал ФНЦ ВНИИЭСХ («Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий — Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства»).
2. Материалы Международной научно-практической конференции XXVI Никоновские чтения «Взаимодействие города и села в современном обществе: тенденции, проблемы, перспективы». URL: <http://www.viapi.ru/news/detail.php?ID=229331>
3. Здесь и далее цитируется по аудио- и видеозаписи конференции. <https://www.youtube.com/watch?v=El5Wv1a6abw>

фическое развитие села, оценить роль местного самоуправления в бюджетной обеспеченности муниципальных образований. В целом, по мнению докладчика, «исследования по проблемам развития сельской местности и городских территорий находятся на начальной стадии», а ученых, работающих над этой проблематикой, очень немного.

Ушачев подчеркнул негативные последствия снижения роли органов местного самоуправления и муниципальных образований как одну из причин роста депрессивных явлений в деревне и небольших городах. Решения по вопросам, связанным с экономическим и социальным развитием в рамках одной территории, должны приниматься в интересах жителей как городских, так и сельских населенных пунктов, проживающих на ней. Жизненно важны обеспечение занятости, более быстрый рост доходов, доступность медицинских учреждений, школ, развитие дорожной сети и транспорта с учетом интересов всех жителей муниципального образования, «а не отдельных горожан и селян». Ушачев отметил также необходимость изменения отраслевой структуры сельской экономики, цифровизации и выравнивания «цифрового неравенства» между городом и селом.

Решение таких масштабных задач требует тесной увязки стратегии пространственного развития в российской государственной программе комплексного развития сельских территорий, «организации взаимовыгодных эффективных отношений между городом и селом, определения приоритетов рационального использования имеющихся ресурсов». Однако, заметил докладчик, «к огромному сожалению, несмотря на важность этой проблемы, тема сельских территорий не является государственным заказом для нашего Центра со стороны Министерства науки».

На конференции с приветственным словом выступил *Ф. Амерсдорффер*, руководитель Кооперационного проекта «Германо-Российский аграрно-политический диалог», кратко рассказавший о многолетнем плодотворном сотрудничестве с российскими институтами и коллегами, в частности с ВИАПИ им. А. А. Никонова.

Основной темой доклада *А. В. Петрикова* стал вопрос о дезурбанизации, который постоянно обсуждался в научном сообществе, но актуализировала его пандемия, когда выяснилось, что именно города, и прежде всего крупнейшие, стали центрами распространения инфекции, поэтому и возрос спрос на проживание в сельской местности как в более безопасном месте.

По данным Программы Организации Объединенных Наций по населенным пунктам (ООН-Хабитат), более 95% от общего числа случаев заболевания COVID-19 зафиксированы в городских районах, в то время как доля городского населения в мире составляет 55%. И несмотря на то что города продемонстрировали довольно эффективную способность борьбы с пандемией, отмечается рост спроса на сельскую недвижимость и стремление переехать в сель-

скую местность. Так, по данным одного из крупнейших агрегаторов рынка недвижимости в России ЦИАН, спрос на загородную недвижимость весной 2021 года на 40% превышал уровень 2019 и 2018 годов. Согласно общеевропейскому опросу населения, который проводился в 27 странах ЕС в апреле 2021 года, треть респондентов полагают, что после снятия коронавирусных ограничений они будут гораздо чаще посещать сельские районы для отдыха; каждый седьмой с большей вероятностью, чем до пандемии, рассмотрит возможность переезда в менее урбанизированную местность.

Кроме пандемии, в современном мире и в России действует ряд факторов, способствующих дезурбанизации: обострение проблем крупных городов, обусловленных их переуплотнением, что ведет к перетоку жителей из центров городов в пригороды. В общественном сознании растет значение так называемых «зеленых» ценностей — стремление жить в гармонии с природой, потреблять высококачественную, органическую продукцию, использовать энергию из возобновляемых источников. Наблюдается интерес к ценностям традиционной народной культуры. Одновременно бурно развивается транспорт и цифровые коммуникации, что создает возможность организации удаленных рабочих мест.

А. В. Петриков перечислил основные формы дезурбанизации в России: строительство и покупка «второго жилья» в пригородах; организация горожанами фермерских хозяйств; покупка домов в деревне для летнего отдыха; организация дачных, садоводческих и огороднических объединений; создание экопоселений, этнографических деревень, родовых поместий; возрождение исторических усадеб (дворянских, купеческих, казачьих); сельский туризм.

Вместе с тем отмеченные дезурбанизационные явления не переломили общего тренда роста удельного веса городского населения в России. Только в 1991–1994 годах и в 2004 году наблюдался общий прирост сельского населения; в остальные годы он был отрицательным. В начале 1990-х годов увеличение численности селян произошло за счет миграции и перевода части поселков городского типа в разряд сельских; в 2004 году — только за счет административных преобразований, вызванных началом новой муниципальной реформы. Приток мигрантов в 1991–1994 годах как из российских городов, так и из стран ближнего зарубежья объяснялся тем, что на селе люди легче адаптировались к трудностям перехода к рынку, чем в городе. Естественная убыль сельского населения наблюдается с 1992 года, миграционная — с 2000 года (за исключением 2010-го).

В экономической литературе всесторонне анализируются причины этих явлений, но главной среди них, по мнению Петрикова, является политика ускоренной урбанизации, при которой приоритет в пространственном развитии страны отдается крупным городским агломерациям. Вот несколько фактов, которые об этом свидетельствуют.

Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года не содержит мер по сельскому развитию (за исключением повышения доступности первичной медико-санитарной помощи для граждан, проживающих в населенных пунктах с численностью населения до 2000 человек). В то же время в этом плане есть специальный раздел по улучшению качества городской среды.

Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года предусматривает разработку не менее 20 долгосрочных планов социально-экономического развития крупных и крупнейших городских агломераций; подготовлен проект федерального закона о городских агломерациях, в то время как закон о сельских территориях отсутствует. Финансирование Государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий» уменьшено по сравнению с ее паспортом в 4 раза.

Теоретическим обоснованием политики стимулирования урбанизации является положение о возрастании влияния городов на развитие современной цивилизации и то, что рост доли городского населения является общемировой тенденцией. Действительно, это так: как показывают данные Всемирного банка, с ростом валового национального дохода в расчете на душу населения удельный вес сельского населения уменьшается. Однако следует обратить внимание и на другое: Россия относится к группе стран с уровнем дохода выше среднего, а показатель удельного веса сельского населения ниже, чем в среднем по группе. Сокращение доли сельского населения в России сопоставимо со странами с высоким доходом. Таким образом, Россия — «сверхурбанизированная» страна в своей группе, что чревато рядом рисков:

— обострение проблем крупных городов, обусловленных их переуплотнением: напряженность на рынке труда, загрязнение окружающей среды, недостаток жилья;

— утрата селом ряда специфических социальных функций: расширенное воспроизводство населения и сохранение традиционной культуры;

— социальное опустынивание периферийных сельских районов, потеря социального контроля над обширными сельскими территориями, что чревато геополитическими рисками.

По мнению Петрикова, в настоящее время «роскошью урбанизироваться» Россия не располагает. Необходима замена политики стимулирования урбанизации политикой приоритетного развития сельских территорий. Основными мерами такой политики могут стать:

1. Обеспечение межведомственного подхода в управлении сельскими территориями. До сих пор политика по устойчивому развитию сельских территорий рассматривается как часть аграрной политики, а не наоборот. Эту политику осуществляет Минсельхоз России, не наделенный соответствующими межведомственными

ми полномочиями. Такие полномочия ему необходимо предоставить, либо поручить проводить политику по устойчивому развитию сельских территорий Министерству экономического развития. С этой целью необходимы либо поправки в действующее законодательство, либо принятие специального закона о сельском развитии.

2. Целесообразно разработать национальный проект по развитию российского села, в котором объединить все меры в этой области, осуществляемые разными ведомствами.

3. Частью этого проекта должно быть содействие оседлости сельского населения, что требует поддержки сельских домохозяйств и формирования условий для развития локальной сельской экономики, активизации участия граждан в сельском развитии. С этой целью необходимо принятие закона о семейном крестьянском хозяйстве, а также специальная поддержка сельских некоммерческих организаций. Требуется также стимулирование малого предпринимательства в несельскохозяйственной сфере и развитие вертикальной сельскохозяйственной кооперации.

4. Необходимо поощрение групп городского населения, стремящихся переселиться в сельскую местность. Этой работой могло бы заниматься специальное агентство по переселению горожан в сельские районы. В структуре государственных органов власти в России со времен Екатерины II всегда были органы, специально занимавшиеся переселением граждан на неосвоенные территории, сейчас такого органа управления, к сожалению, нет.

5. Необходимой мерой является укрепление бюджетной обеспеченности сельских муниципалитетов. В настоящее время их доходы крайне недостаточны: если в 1997 году они составляли 10,9% к ВВП, то в 2019-м — 4,3%. При этом около 2/3 доходов формируют трансферты от государства и только треть — налоговые и неналоговые доходы. Назрела настоятельная необходимость перераспределения в их пользу части федеральных и региональных налогов.

В ходе обсуждения доклада поднимался вопрос о строительстве новых городов в районах Сибири. С точки зрения большинства участников дискуссии, такое решение при существующей демографической обстановке может еще больше усугубить проблемы сельской местности в целом в стране и особенно в восточных регионах.

Выступление начальника управления федерального министерства внутренних дел Германии *Беттины Ауэрбах* позволило аудитории познакомиться с опытом по выравниванию межрегиональных условий жизни в ФРГ. Именно на министерство внутренних дел возложена в Германии координация деятельности различных министерств и ведомств в данной области. Министерством в рамках межведомственной комиссии «Равные условия для жизни» (председатель — министр внутренних дел, сопредседатели — министр сельского хозяйства и продовольствия и министр по делам семьи) подготовлен проект «Better Promote» — долгосрочный документ, предусматривающий действия по приоритетным направлениям ре-

гионального и сельского развития. Целью этого проекта является поиск и использование инновационных подходов по оптимизации процессов развития в непосредственном контакте с вовлеченными в проект сторонами: коммунами и районами, инициативными группами, социальными предпринимателями, представителями бизнеса. Проект носит прикладной характер, выстроен на специальной доступной всем участникам цифровой платформе и использует наиболее удобный формат общения, позволяющий всем участникам вести обсуждение актуальных тем, аккумулировать и передавать накопленный опыт и знания в рамках инициатив по региональному развитию, использовать научные идеи в практической жизни, а также обеспечивает повышение компетенции исполнителей в области налаживания взаимодействия между политиками и представителями гражданского общества и бизнеса. Проект «Better Promote» уже привел к повышению эффективности мероприятий по развитию регионов благодаря более тесному сотрудничеству вовлеченных сторон, позволил быстро искать решения в конфликтных ситуациях и новому уровню сервиса.

Заведующий кафедрой агроэкономики МГУ им. М. В. Ломоносова профессор, д.э.н. *С. В. Киселев* начал с утверждения, что для анализа процессов урбанизации и дезурбанизации надо иметь систему показателей. Жизнь в сельской местности намного тяжелее и требует серьезных затрат на содержание дома и поддержание порядка на территории. Тезис о противоположности города и деревни, высказанный Карлом Марксом много лет назад, справедлив и сегодня, даже для самой благополучной европейской страны — Германии. Киселев перечислил те проблемы, с которыми сталкивается сельская молодежь — невозможность получить работу, соответствующую полученной квалификации, дефицит рабочих мест, менее комфортные по сравнению с городом условия жизни.

С точки зрения Киселева, есть устранимые различия — это касается прежде всего бытовых условий, а есть фактически неустранимые, связанные с размещением производства и организацией труда. В конце советского периода российской истории уровень заработной платы на селе составлял около 80–85% средней зарплаты в городах, то есть разрыв в доходах был значительно меньше, чем сейчас, но это не останавливало миграцию в города. Важно сформировать критерии, на основе которых можно определить «общественно нормальные величины» различий между уровнем и качеством жизни в деревне и в городе.

В докладе заместителя директора Казахского НИИ экономики АПК и развития сельских территорий, профессора, д.э.н. *Г. У. Акимбековой* были обозначены проблемы сельской местности в Республике Казахстан — мелкотоварный характер производства, неразвитость инфраструктуры в сфере логистики, финансовая несостоятельность основной массы мелких товаропроизводителей, рост доли неактивного сельского населения

на фоне снижения его численности. Менее половины сельских жителей находятся в трудоспособном возрасте, хотя доля сельского населения в Казахстане значительно выше, чем в России, — 41,1% (2020 год). Развитие сельского производства в Казахстане должно быть увязано с кооперативами как наиболее эффективной формой продвижения продукции мелких товарных производителей. Акимбекова подчеркнула, что для успешного развития сельской местности необходимо иметь соответствующую госпрограмму по развитию сельских территорий и создать единый орган, ответственный за их развитие.

Доклад академика РАН, главного научного сотрудника СПб ФИЦ РАН, профессора, д.э.н. *А. И. Костяева* был посвящен дихотомии города и деревни и начался с исторического экскурса во времена Древней Греции и до периода формирования рыночной экономики в современной России. Если не считать далекого прошлого, относительно паритетные отношения между городом и деревней в России существовали в короткий период «строительства развитого социализма», но в целом город и деревня противостояли друг другу. Доля городского населения в России стремительно росла в 1926–1939 годы (за 13 лет — на 15,8%) и еще более стремительно и масштабно шло обобществление сельского хозяйства: за период 1929–1941 годов число совхозов выросло в 3,4 раза, число колхозов — в 8,8 раза, а их посевные площади составили 96,7% всех посевных площадей страны.

На этом историческом фоне произошло формирование экзогенной модели развития сельских территорий в России (и не только в России), ключевым принципом которой является экономика масштабов и концентрация производства, а драйверами развития, в том числе и сельского, служат города. В этой модели функцией сельских территорий становится производство продовольствия и сырья для развития экономики городов, при этом сельское производство отличается низкой производительностью и периферийностью, а главное направление развития сельского хозяйства — его техническая модернизация.

Однако постепенная трансформация сельского хозяйства привела к появлению эндогенной модели развития сельских территорий, для которой характерны использование локальных ресурсов, драйверами развития выступают местная инициатива и предприимчивость, а функциями сельских территорий — оказание услуг. Но у этой модели есть ограничения — ресурсы территории лимитированы.

Появление неоэндогенной модели связано с новациями в технологиях, деятельностью международных компаний, расширением сферы применения цифровых технологий, в том числе и в деревне. С точки зрения Костяева, в неоэндогенной модели ключевым принципом является экономика знаний, драйверами служат человеческий капитал и web-сети с одновременным ростом значимо-

сти места проживания, а проблема заключается в неоднородности сельских районов.

Представитель Национальной академии наук Беларуси, заведующий отделом Института системных исследований в АПК НАН Беларуси, профессор, д.э.н. *А. С. Сайганов* в своем докладе «Социальное развитие села: опыт Республики Беларусь» подробно рассказал об успехах своей страны в развитии сельского хозяйства и привел цифры, показывающие объемы инвестиций в создание производственной и социальной инфраструктуры, в частности в создание агрогородков в 2005–2010 годах в рамках государственной программы по возрождению и развитию села.

Большой интерес вызвал доклад руководителя Центра отраслевой экспертизы Россельхозбанка *А. В. Дальнова* «Предпосылки дезурбанизации». С точки зрения докладчика, в России ситуация с дезурбанизацией не так уж плоха — показатель доли сельского населения стабильно держится около цифры 25%, хотя для нашей страны такая доля действительно может быть признаком низкой. Средняя доля городского населения в мире — 61%. Особенность России — достаточно серьезные различия по регионам. Так, за весь период с 1990-х годов в традиционных сельских регионах Северного Кавказа шел процесс роста сельского населения, поэтому нельзя говорить об урбанизации как об общем для всей страны процессе.

Дезурбанизация оказывается в ряде случаев результатом изменения статуса регионов — именно таким образом лидером «урбанизации» стала Москва, присоединившая часть территории области с сельскими поселениями. На статистику сельского населения повлиял Ханты-Мансийский округ со своими поселками, построенными рядом с разработками месторождений нефтедобычи, социальный проект «дальневосточный гектар». Существенно влияет также создание новых производств и поселений сельскохозяйственными холдингами в Белгородской, Липецкой и других областях Нечерноземья. Иными словами, картина в этом плане довольно противоречивая.

Дальнов отметил, что в мире выделились три группы государств, в которых достаточно давно идет процесс дезурбанизации — островные тропические страны, небольшие и богатые европейские государства с высокой долей состоятельных людей (Австрия, Лихтенштейн), опыт которых неприменим к России. Интерес представляют страны третьей группы — относительно небогатые европейские страны, в которых действуют специальные программы развития сельской местности («rural development programs»), — Польша, Словакия, Эстония, ключевым направлением которых является усиление конкурентных позиций национального сельского хозяйства. Хотя такой подход свойственен всем европейским государствам, в том числе лидерам — Франции, Германии, но в этих странах главным процессом является урбанизация.

С точки зрения Дальнова, при условии обеспечения базовых потребностей жителей — доступности образования, медицинских услуг и более равномерного распределения доходов на фоне рисков и некомфортности жизни в мегаполисах, дезурбанизация примет более массовый характер. В будущем развитие транспортной сети, появление скоростных автомагистралей и поездов, цифровые технологии удаленного доступа, в том числе виртуальной реальности, обеспечивающие эффект присутствия человека, сделают города более доступными для тех, кто предпочитает жизнь в сельской местности при сохранении занятости в городах.

Для селян-крестьян же вопрос обеспечения доходов требует развития «нишевых» производств (пчеловодство, производство мяса и яиц перепелов и т. д.), в которых отсутствует эффект масштаба производства и экономии труда и поэтому неинтересных крупным сельскохозяйственным производителям. Но это всего лишь предположение, требующее проверки. Главным условием для того, чтобы дезурбанизация стала реальностью, является стабильное развитие экономики и общественных институтов, в таком случае у государства появится возможность стимулировать этот процесс.

Ценным с точки зрения практики стало выступление на пленарном заседании члена Общественной палаты Тюменской области, директора Агрофирмы «Русич», председателя совета директоров Западно-Сибирского Союза производителей и переработчиков органической продукции «Биопродукт», участника регионального проекта по развитию сельского предпринимательства и сельских территорий *С. А. Пульникова* с подробной информацией о создании и работе в Тюменской области объединения сельхозпроизводителей (кооператива), использующего те самые «ниши», о которых говорил А. В. Дальнов. Кооператив объединяет мелких производителей и в основном специализируется на производстве качественного сыра по итальянским технологиям, но также занимается реализацией местных экологических продуктов — иван-чая, варенья из сосновых шишек и многого другого. Для поставок органической продукции на европейский рынок кооператоры создали Союз производителей и переработчиков органической продукции «Биопродукт». Была также сформирована специальная цифровая платформа, ставшая основой проекта по развитию сельского предпринимательства и параллельно обеспечивающая решение социальных задач, в частности образования и воспитания детей и молодежи.

Докладчик особо отметил, что идея экспорта объединила всех местных предпринимателей и позволила создать кооператив, поскольку на внутреннем рынке эти предприниматели не имели возможности успешно конкурировать и, более того, сами являлись конкурентами друг другу. Проблемы (наем грамотного и дорогого IT-маркетолога и других IT-специалистов, организация логистических операций), которые им пришлось решать, характерны для всех сельских регионов, хотя возможности и поддержка мест-

ной администрации могут существенно влиять на успешность и эффективность бизнеса.

С. А. Пульников четко сформулировал главные цели и задачи: цепочки производства продукции связаны с городом (поскольку именно в городе имеются необходимые для сельхозпроизводителей компетенции), мелкие и средние сельхозпроизводители занимают определенные «ниши» и должны быть ориентированы на внешние рынки, но ключевой целью следует считать комплексное развитие территорий. Показателями же развития территорий являются социальные результаты: высокая рождаемость, качественное образование у детей, в дальнейшем их готовность связать свою жизнь с деревней. Предприниматели, муниципальные власти, общественность должны сделать все, чтобы деревня стала привлекательной в бытовом, культурном и профессиональном аспектах.

Завершилось пленарное заседание докладом еще одного общественного лидера-практика — *Г. В. Тюрина*, эксперта Государственной думы по развитию местного самоуправления, президента Фонда развития местных сообществ «Инициатива». Свой доклад «Дезурбанизация как новые возможности для развития сельских территорий. Новые инвестиции» Тюрин начал с описания уже проявившихся рисков мегаполисов, предвиденных в 1980-х годах Брайаном Дж. Л. Берри и подтвержденных в недавнем высказывании Нассима Талеба о неизбежности дезурбанизации. В США — одной из самых урбанизированных стран с большим количеством мегаполисов уже несколько десятилетий назад начался процесс снижения концентрации населения и наметился рост локальной однородности. В качестве примера Тюрин привел разрушенный Детройт и снижение численности населения Сент-Луиса с 860 тыс. человек в 1950 году до 290 тыс. в 2020 году.

Согласно данным Россельхозбанка, проводившего исследование весной 2020 года, около 3 млн горожан готовы переехать в сельскую местность. Такой массовый переезд обеспечит инвестиции, преимущественно за счет затрат самих горожан на строительство или покупку жилья, которое в сельской местности значительно дешевле. Рост потребления отразится на производстве местных натуральных продуктов, которые будут дешевле продаваемых в супермаркетах. Создание новой социальной и культурной инфраструктуры потребует инвестиций нового типа.

Учитывая успешный опыт работы Тюрина в Архангельской области, нельзя не согласиться с его выводами: для привлечения инвестиций нужна, во-первых, команда людей, готовых переехать из города в село и понимающих, что они собираются там делать, во-вторых, следует научить людей умению согласовывать интересы коренных жителей и переезжающих на постоянное место жительства в деревню на муниципальном уровне, иначе не избежать конфликтов.

Второй день конференции был посвящен работе секций «Взаимодействие города и села в современном обществе: проблемы и тенденции» (модераторы д.э.н. *И. А. Романенко* и к.э.н. *С. Г. Сальников*) и «Село в пространственном развитии России: роль государства, бизнеса и общества» (модераторы к.э.н. *С. В. Котеев* и к.э.н. *Е. Ю. Фролова*).

Темы докладов участников первой секции варьировались от цифровизации до социальных и экономических проблем. Руководитель отдела ВИАПИ им. А. А. Никонова, к.ф.-м.н. *С. Г. Сальников* сделал темой своего выступления проблемы цифровизации и различия в уровне охвата цифровыми технологиями в городской и сельской местности; представитель Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, д.э.н. *А. М. Сергиенко* остановилась на проблемах трудовой миграции сельского населения как форме социально-экономической адаптации; проректор по инновационной работе Алтайского ГАУ, заведующая кафедрой экономики АПК, д.э.н. *В. А. Кундиус* говорила о необходимости и перспективах курортно-аграрных кластеров как одного из направлений развития внутреннего рекреационно-оздоровительного туризма. Заведующий кафедрой Кабардино-Балкарского ГАУ им. В. М. Кокова, к.э.н. *С. И. Пшигачев* подробно рассмотрел исторические и современные проблемы взаимодействия города и села.

Большой интерес вызвало выступление сотрудника Центра аграрных исследований ИПЭИ РАНХиГС, к.э.н. *Л. А. Овчинцевой* («Рурализация — российские черты»), посвященное факторам, влияющим на дезурбанизацию, и проблемам в сельской местности, препятствующим массовому переселению горожан. Не меньший интерес вызвал доклад *Л. А. Битковой*, в котором были проанализированы теоретические и правовые аспекты жизни молодежи («Молодежный взгляд на проблемы города и села»). Доклад был подготовлен на основании данных, полученных в ходе анкетирования, что позволило выявить причины, по которым молодежь предпочитает жить в городах.

На второй секции речь преимущественно шла о развитии села. Ведущий научный сотрудник ВИАПИ им. А. А. Никонова *Е. А. Гатаулина* познакомила участников с результатами исследования развития предпринимательства («Сельское малое предпринимательство: состояние, поддержка», соавтор доклада — *Д. С. Терновский*, руководитель НИР — *Н. И. Шагайда*, Центр агропродовольственной политики РАНХиГС) и акцентировала внимание на отсутствии информации о сельских малых предприятиях, что может привести к ошибкам в политике господдержки. Новым является то, что непосредственно сельскохозяйственным производством занимаются средние и малые предприятия, а микропредприятия специализируются на торговых, транспортных и обслуживающих операциях.

В докладе руководителя Центра аграрных исследований ИПЭИ РАНХиГС, к.э.н. *А. М. Никулина* «Российское село: парадоксы разномысленного регионального развития» была представлена классификация российских деревень и сел по их социально-экономическому и отчасти географическому положению. Так, были выделены пригородные села с наиболее благополучной ситуацией, мобильное население которых тесно связано и с городом, и с селом, и частично состоит из жителей городов; оазисные села — устойчивые отдаленные поселения с относительно благополучной экономической ситуацией во главе, как правило, с успешным руководителем; агрохолдинговые, вновь построенные поселки, жителями которых являются наемные сотрудники агрохолдингов, лишенные права вести свое подсобное хозяйство. Появился также целый ряд культурно-рекреационных сел, именно они привлекают горожан как туристические объекты и потенциальные места жительства в первую очередь.

Заместитель директора, руководитель отдела ФНЦ ВНИИЭСХ, д.э.н. *Г. А. Полунин* дал прогноз расширения посевных площадей на прострaнстве Нечерноземья, в том числе остановился на проблеме эффективного вовлечения в севооборот неиспользуемых земель. Представитель Минсельхоза России *С. А. Алексеева* в своем выступлении говорила о совершенно новой форме взаимодействия города и села, обозначив это явление как «сельскохозяйственный урбанизм».

Неподдельный интерес вызвал доклад представителя министерства продовольствия и сельского хозяйства Германии в рамках работы Германо-Российского аграрно-политического диалога *Анники Майер* «Опыт разработки цифровых коммуникационных решений для сельских территорий в рамках проекта «Цифровые деревни»». Проект в первую очередь обеспечивает коммуникации, доступность новостей в мире и стране, аудио- и видеоинформацию о местных событиях, обращения жителей за помощью, например, запрос на аренду сельхозоборудования («деревенские страницы и радио» и предложения товаров от местных производителей («витрина»)), т. е. обеспечивает все потребности локальной экономики и прямую связь с муниципалитетом. Проект является базой для дальнейшей разработки общей для Германии цифровой экосистемы.

Завкафедрой ГАУ землеустройства, д.э.н. *С. А. Липски* посвятил свой доклад юридическим и организационным проблемам садово-огороднических товариществ.

Профессор Красноярского ГАУ, д.э.н. *О. Я. Фролова* обрисовала картину развития муниципальных услуг для населения Красноярского края. С учетом гигантской территории и расстояний между городскими и сельскими поселениями решение организационных задач требует больших усилий ИТ-разработчиков и работников муниципальных служб.

Следует отметить интересное выступление молодого научного сотрудника Российского аграрного заочного университета

А. А. Потаповой, сделавшей доклад «Занятость сельского населения России: методические проблемы идентификации и оценки». Корректному анализу занятости сельского населения препятствуют методологические проблемы: отсутствие данных о занятости непосредственно на сельских территориях; отсутствие единых критериев неформальной занятости, в частности в личных подсобных хозяйствах; в связи с изменением методики невозможно сопоставить данные за 2015–2021 годы. Один из выводов, вызвавший оживленную дискуссию участников конференции, заключается в признании необходимости стимулирования выхода из неформальной занятости и легализации трудовой деятельности.

В заключение прозвучало несколько сообщений — кратких докладов, в частности представителя национального АУ Армении, к.э.н. *В. С. Александяна* о современных тенденциях развития сельского хозяйства Республики Армения; сотрудников СПб ГАУ к.э.н. *С. Н. Широкова* и к.э.н. *И. Р. Трушкиной* о моделировании развития зернового подкомплекса; профессора, к.т.н. *Г. Л. Утенкова* о методах управления ресурсным потенциалом в зерновом производстве в Сибири; сотрудника МГУ *А. Ю. Белугина* об экспортном потенциале сельскохозяйственной продукции с учетом приоритета обеспечения продовольственной безопасности.

На этом конференция завершила работу.

Можно еще раз отметить живой интерес участников XXVI Никоновских чтений к вопросам взаимоотношений города и деревни, гармонизации их интересов и развития сельских поселений до приемлемого экономического и социального уровня. В этом плане абсолютно правильно отметил *С. В. Киселев*, что есть неустраняемые противоречия, по крайней мере, в среднесрочной перспективе и что существует большая дифференция сел по уровню социально-экономического развития, культурным и национальным особенностям (*А. М. Никулин*).

Главный же вывод заключается в том, что тренд дезурбанизации в России набирает силу, формы этого процесса достаточно явно определились (*И. Г. Ушачев*, *А. В. Петриков*, *А. И. Костяев*, *Г. В. Тюрин*, *Л. А. Овчинцева*, *А. В. Дальнов*) и вопросы изучения, организации и развития локальной сельскохозяйственной и городской экономики в рамках территорий на базе цифровых технологий должны быть в фокусе внимания научного сообщества, муниципальных органов, общественных объединений и бизнеса.

Э. Н. Крылатых,
Е. Ю. Фролова
Домик в деревне против города: обзор по итогам выступлений на XXVI Никоновских Чтениях

A house in the village vs the city: A review of presentations at the XXVI Nikonov Readings

Elmira N. Krylatykh, Academician of the Russian Academy of Sciences, DSc (Economics), Senior Researcher, VIAP I named after A. A. Nikonov — a branch of the All-Russian Research Institute of Agricultural Economics. 107078, Moscow, Bolshoi Kharitonevsky Per., 21, bldg. 1. E-mail: rgs-elmira@ranepa.ru

Elena Yu. Frolova, PhD (Economic Sciences), Senior Researcher, VIAPI named after A. A. Nikonov — a branch of the All-Russian Research Institute of Agricultural Economics. 107078, Moscow, Bolshoi Kharitonevsky Per., 21, bldg. 1.
E-mail: efrolova@inbox.ru

Abstract. The coexistence of the city and the village and their joint successful development are reflected in the concept of the “integrated development of urban and rural habitat”. These issues have not been in the focus of scientists, the state and authorities of the Russian Federation for a long time. In Russia, different types of cities and villages coexist on the same territory, and their social-economic interaction is often contradictory. The annual International Scientific-Practical Conference XXVI Nikonov Readings was held on October 25-26, 2021, and focused on the interaction of the city and the village in the contemporary society, the trends, challenges and prospects of this interaction.

Key words: deurbanization, dichotomy of the city and the village, rural development, local rural economy

Сельское развитие через культуру¹

А. М. Никулин

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, директор Чаяновского исследовательского центра Московской высшей школы социальных и экономических наук. 119571, Москва, проспект Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-4-215-217

Международный семинар по проблематике сельского человеческого капитала в историческом контексте на базе Научного центра мирового уровня (НЦМУ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ состоялся в онлайн-формате 16 ноября 2021 года. На нем с докладом «Развитие села через культуру: примеры из Финляндии и России» выступила Инна Копотева, доктор социальных наук Института Руралиа Хельсинкского университета. Ее презентация была сосредоточена на следующих вопросах: как культура становится фактором развития сельских районов; что может стать культурным ресурсом; какова взаимосвязь культурного разнообразия и человеческого капитала; как сельские учреждения и общества могут использовать культурные ресурсы в развитии сельских районов.

Первую часть своего выступления докладчица посвятила подробному историко-методологическому анализу восприятия понятия «культура» и эволюции его использования в политике сельского развития стран Европы, начиная с середины XX века и по настоящее время. Здесь было показано, как менялось значение культуры на селе в реформировании человеческого капитала с точки зрения идеологии государства всеобщего благосостояния, экспансии рыночных подходов неоллиберализма и вплоть до современных модных направлений роли креативных классов в городах и сельской местности.

Во второй части своего выступления Инна Копотева привела множество конкретных эмпирических фактов современного сельского развития через различные варианты историко-культурных реконструкций прошлого, привлекающих к себе как местных сель-

1. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования РФ (№ 075-15-2020-908).

ских жителей, так и туристов. Ею были приведены примеры того, как можно развернуть в сторону туристических и рекреационных услуг некоторые исторические события, запечатленные в различных регионах сельской местности. Докладчица подчеркивала, что здесь необходимо умение обнаружить уникальную историческую особенность сельской местности и создать на этой основе популярный туристический продукт — исторический тур, культурное развлечение, особенное традиционное блюдо. При этом чрезвычайно важно развивать искусство историко-культурной цифровизации маркетинга — продвижение сельского исторического продукта в интернете.

Инна Копотева упомянула и об инициативах Выборгских предпринимателей в рамках российско-финского исторического проекта «Суворов», открывших в Старом городе, в историческом здании, где триста лет назад была настоящая таверна, модный ресторан с особой памятью о Суворове. Действительно имеются свидетельства, что будущему генералиссимусу во время его службы в Карелии и Финляндии доводилось обедать именно в этом здании в 1760-е и 1790-е годы. Это предоставило возможность ресторану создать меню с перечнем так называемых любимых блюд Суворова: щи по-суворовски с перловкой и корнем сельдерея, маринованная черная редька, салаты для генералиссимуса и т. д. А исторические свидетельства о посещении Екатериной II Выборга позволили ресторану использовать для привлечения публики и легенды о гастрономических предпочтениях императрицы. При этом разница в цене между обычным туристическим обедом и обедом, стилизованным под генералиссимуса Суворова или императрицу Екатерину, небольшая, и очень многие посетители ресторана предпочитают блюда, приготовленные именно под знаком великой истории. Эта стилизация запечатлена не только в названии блюд и изменениях в их рецептах, но и в самом дизайне интерьера ресторана.

Финский историко-культурный аналог Выборгского ресторана можно обнаружить в ресторане «Клуб офицеров» в Лапперанте, где по предварительной заявке предоставляется выбор «отужинать с Маннергеймом или Суворовым». Кроме подобного рода забавных историко-гастрономических направлений развития малых городов в сельской местности приводились и различные примеры более серьезных и масштабных активистских проектов восстановления и развития историко-архитектурных руин поместий и крепостей сельских карело-финских регионов, служащих, безусловно, важными стимулами развития местного человеческого капитала.

В прениях по данному докладу участники семинара достаточно долго дискутировали вокруг вопросов методологического разграничения понятий «человеческий» и «социальный капитал», их роли в различных исторических контекстах. Также во второй части обсуждения доклада было упомянуто много других вариантов развития сельской местности через культуру на примерах сельских

регионов России, и не только Карелии, но также Подмосковья, Поволжья, Урала. Было подчеркнуто, что культурно-исторические и рекреационные факторы становятся все более значимыми в процессах сельского развития, именно поэтому многие муниципалитеты Европы и России все чаще делают ставку на культуру для привлечения и развития человеческого капитала в сельской местности.

А. М. Никулин
Сельское развитие
через культуру

Rural development through culture

Alexander M. Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Head of the Chayanov Research Center, Moscow School of Social and Economic Sciences. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82. E-mail: harmina@yandex.ru.

Сельское хозяйство России сегодня: экология, здоровье и цифровизация

И. К. Полещук

Илья Константинович Полещук, младший научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82.

E-mail: poleshchuk-ik@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-4-218-225

В рамках ежегодного проекта издания «Ведомости» 17 ноября 2021 года прошел VI ежегодный Аграрный форум России¹. На нем лидеры агробизнеса обсудили, с помощью каких мер и по каким направлениям следует наращивать эффективность сельскохозяйственного производства в России.

Сегодня перед АПК стоит задача выполнения положений, заявленных в Доктрине продовольственной безопасности. Но достижение необходимых количественных значений по обеспечению населения сельскохозяйственной продукцией, это лишь вершина аграрного айсберга. Еще более важной становится задача сокращения импорта технологий и средств производства — замещение их отечественными аналогами. В этой связи участники конференции не раз заявляли о том, что сегодня развитие собственной научно-исследовательской базы и взаимодействие с уже существующими инновационными институтами и центрами становится необходимыми для успешного функционирования аграрных предприятий на современном мировом рынке.

В ряду ключевых целей, поставленных перед российским АПК, упоминалась и проблема развития сельских территорий, в том числе: увеличение численности сельского населения, благоустройство территорий, развитие социального и инженерного сектора. Тем не менее участники форума не так активно высказывали свою заинтересованность в данном вопросе, за исключением, пожалуй, инженерного сектора, обнаруживающего в обширных сельских пространствах широкое поле для развития различных инновационных решений.

1. VI ежегодный Аграрный форум России. URL: <https://events.vedomosti.ru/events/agro21>

Темой пленарной дискуссии стало «Устойчивое развитие как новая парадигма АПК». В ней приняли участие представители ведущих агробизнесов России, которые горячо обсуждали ряд проблем в современном сельском хозяйстве, стоящих как перед переработчиками, так и производителями. Каковы реальные потребности аграриев и первые результаты программы КРСТ, как создать устойчивую продовольственную систему, какой должна быть корреляция ценообразования и рентабельности в эпоху пандемии, что можно сказать о прогнозах роста экспортного потенциала, динамике логистической инфраструктуры, инициативах в области экологии и климата, возможен ли стратегический диалог с партнером — все эти вопросы и проблемы так или иначе были упомянуты во время выступлений участников. Обратимся к ключевым тезисам докладчиков форума.

Сергей Лунехин — директор группы компаний «Малино»

Сегодняшнее увеличение цен на картофель объясняется возросшим спросом на него для переработки со стороны транснациональных компаний и падением производства картофеля в личных подсобных хозяйствах (ЛПХ), что привело к падению предложения на российском рынке столового картофеля. Как отметил докладчик, ближайшие несколько лет станут наиболее удачными для прихода в картофельную отрасль инвесторов, что положительно отразится как на производителях, так и на потребителях. Важной проблемой стал дефицит управленцев и персонала с необходимым уровнем компетенций, а пандемия вызвала проблемы и с трудовой логистикой. В рамках проектов компаний «Малино» начали привлекать даже труд заключенных, вместо снизившегося потока мигрантов.

Сергей Чебурашкин — генеральный директор «Братья Чебурашкины»

Зафиксировано резкое увеличение себестоимости производства сырого молока, примерно на 28%. Произошло это вследствие подорожания ряда ингредиентов в цепочке процесса производства, а именно кормов, удобрения, логистики, а также упаковки и производственного сырья. Отмечается уход большого количества игроков, в том числе и крупных, из молочного животноводства, что дает возможность для мелких и средних предпринимателей занять свою нишу, так как крупный бизнес не освоил всю продуктовую полку. Изменение предпочтений и моды на продукты со стороны потребителей привело к осязательной конкуренции с производителями растительного молока, тем не менее спрос в России на классические молочные продукты все так же велик. Необходима автоматизация отдельных линеек продукции, при этом следует удерживать баланс между количеством продукции и издержками: чем больше линеек и продукции, тем больше издержек. Главные рекомендации по увеличению эффективности производств: отслеживать настроения и потребности покупателей, урезать затраты, учиться работе с сетями и адаптироваться к рынку.

Андрей Олейник — председатель совета директоров «Прогресс-Агро»

Основная тема его доклада — получение и распределение поддержки между сельскохозяйственными производителями со стороны государства. Государственная поддержка уже сейчас имеется в достаточно большом объеме, но носит точечный характер, направленный на тушение «пожаров» здесь и сейчас. Ощущается нехватка системной поддержки, связанной с перспективными вопросами развития. Производители, как и переработчики, стараются инвестировать в развитие науки и технологий, связанных с их непосредственной деятельностью. Наиболее уязвимые сферы, которым требуется государственная поддержка, — это ввод новых земель в севооборот, системная поддержка отечественных семеноводов, научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, использование государственных механизмов регулирования при росте цен на сельскохозяйственное сырье. Как и многие другие, А. Олейник отдельно затронул вопрос дефицита специалистов, заявив: «Мы бегаем по рынку и перекупаем друг у друга одних и тех же людей».

Вадим Долгов — генеральный директор «Продо»

В современном обществе возникает запрос на ведение экологического хозяйствования, которое не навредит будущим поколениям. Тем не менее готовность современных российских агропроизводителей к подобным изменениям невелика, поэтому появляется необходимость умело распределять имеющиеся средства для инвестиций исходя из возможностей и вызовов, то есть в зависимости от того, как ситуация складывается непосредственно на рынке и на самих предприятиях. Интересным решением может стать вовлечение сотрудников в работу посредством сплочения их вокруг возможности сделать что-то значимое как для страны, так и для них самих, что позволит заручиться поддержкой с их стороны. Серьезным препятствием на пути многих агропредприятий может стать ограниченность отечественных технологических решений для увеличения эффективности работы и уменьшения влияния на окружающую среду.

Сергей Иванов — исполнительный директор «Эфко»

Новые технологии производства пищевой продукции увеличивают конкуренцию на мировом рынке и вынуждают предприятия, которые до этого ощущали себя в стабильной безопасности, привлекать новые инвестиции в сферу технологических инноваций. Компания, проанализировав основные вызовы АПК в ближайшие 20–30 лет, выделила три основных направления: увеличение потребления еды из-за прироста населения Земли к 2050 году на 23%, обострение экологических проблем, здоровье населения. Решения видятся в сфере технологических инноваций. Соответственно, уже сегодня необходимо увеличивать инвестиции в исследования. По словам С. Иванова, необходимо стремиться работать во взаимодействии с учеными, а также открывать собственные

научные центры и расширять сотрудничество с ведущими российскими учеными.

Давид Манзини — представитель «PepsiCo» в России

Давид Манзини, будучи представителем транснациональной компании, говорит о проблемах развития АПК в России с международной позиции. В эпоху пандемии возникла обеспокоенность потребителя собственным здоровьем при употреблении разного рода пищевой продукции. С другой стороны, наблюдается изменение форматов магазинов и ассортимента продуктов. К примеру, увеличение спроса на продукцию в больших упаковках. Закрытие границ из-за коронавируса повлекло изменение логистики поставок сырья, возникли проблемы с логистическим менеджментом. Сегодня остро стоит задача отладки логистических и производственных процессов предприятий для увеличения эффективности работы и устойчивости к изменениям в окружающем мире.

На стратегической сессии темой стала «Цифровая оптимизация агробизнеса России». В ходе дискуссии столкнулись производители цифровых технологий и их непосредственные пользователи. Было рассмотрено несколько вопросов, которые характеризуют современное состояние «сельского» ИТ в России и не только: достигнутые результаты и будущее развития сельскохозяйственной техники в России, оценка работы искусственного интеллекта в поле, стратегии точного земледелия, инновационные инструменты финансирования АПК, тренды в развитии человеческого ресурса, объемы производства и текущие прогнозы.

Сегодня основным поставщиком услуг беспилотного «комбайна» является «Ростсельмаш». В рамках своего выступления *Олег Александров* представил платформу агроменеджмента «Агротроник». Предполагается, что она будет объединять в себе весь цикл работ, связанный с применением машин, выпускаемых «Ростсельмашем», от контроля за расходом ГСМ до выявления нарушений эксплуатации техники. Исследования применения этой технологии показали увеличение количества обрабатываемой территории примерно на 20%. К сожалению, на сегодняшний день нет возможности получить версию в «коробке», то есть закупить технику с программой и начать вести свой агробизнес. Также поступили реплики от предпринимателей о том, что покупку такой услуги вместе с техникой сможет позволить себе далеко не каждый. И все еще актуален вопрос о запрете на применение беспилотного транспорта в России.

На форуме постоянно обсуждались вопросы экологии. Но что именно подразумевается под самим этим понятием? *Сергей Косогор* в своей презентации особо выделил две ее характеристики — снижение выбросов углекислого газа в атмосферу и увеличение энергоэффективности в сельском хозяйстве. Современное хозяйство должно быть направлено на довольно тонкую отладку производственных процессов, которые в сумме дадут серьезный прирост. В пример приводились: регенеративное земледелие, солнечные ба-

И. К. Полещук

Сельское хозяйство
России сегодня:
экология, здоровье
и цифровизация

тарей, возобновляемые источники сырья и энергии, эффективное использование территорий, автоматизация складов и производственных помещений и т. д.

Возвращаясь к реальности, *Вадим Ерыженский* на примере собственного агропроизводства показал, какими методами цифровизируется АПК. К сожалению, как говорилось выше, доступных вариантов для цифровизации «из коробки» недостаточно. Бизнесу приходится самому привлекать специалистов, которые разрабатывают цифровые системы с нуля. Закупка датчиков, контроллеров, средств передачи сигнала, серверов и прочего, а также отладка или создание программного обеспечения ложится полностью на плечи агробизнеса. Отдельно стоит отметить, что хотя государство и субсидирует покупку средств цифровизации, но это не распространяется на разработку системы с нуля, что явно дороже покупки «коробки». А с другой стороны, доступность таких «коробок» крайне мала, и тут возникает вопрос: что же субсидирует государство?

Цифровизация распространяется не только на сельхозбанк, но проникает и в сельхозбанки. Представитель Россельхозбанка *Михаил Яценко* презентовал публике новую услугу для сельскохозяйственных производителей — Факторинг. Это финансовый инструмент, позволяющий покупателю приобретать товар или услугу с отсрочкой платежа, а продавцу — получать от фактора комплекс услуг, в который входят авансирование выручки, защита от риска неплатежа, сбор платежей в договорные сроки или после их окончания, учет дебиторской задолженности. Тем не менее данная услуга не заявлена как полная замена кредитной системы, скорее, как дополняющая ее опция.

На пленарной дискуссии было немало сказано об отладке производственных процессов на агропредприятии. Представитель *Digital Agro Томас Доренвендт* представил систему контроля качества для топ-менеджмента агрокомпаний. По сути, это аудит агропредприятия с помощью цифровых средств и анализа больших данных, результаты которых в дальнейшем будут применяться для тонкой отладки процессов. Главным плюсом этого подхода является сравнение того, как представляет предприниматель свой бизнес в своей голове или на бумаге и как это выглядит со стороны. Основные препятствия возникают при взаимодействии с работниками, которые не всегда готовы работать открыто, а также при неприятии самим предпринимателем «суровой» действительности. Все еще живо старое доброе «не лезь, если работает».

Заключительным докладом стало представление *Виталием Каллягиным* американского продукта Trimble Agriculture от Trimble. Основным полем применения являются системы определения местоположения техники по сигналам спутниковой связи. Данная компания работает более чем в 40 странах мира, в настоящее время она является серьезным конкурентом для Агротроника от Ростсельмаша.

Прошедший на форуме круглый стол был посвящен «Вектору конкурентной способности продукции агропрома». Поскольку одним из стратегических направлений является не только сохранение продовольственной безопасности внутри страны, но и создание конкурентоспособной среды для отечественной продукции, то достижение поставленных целей зависит от социальных факторов, глобальной экологической повестки, снижения импортозависимости. Спикеры сессии поделились успешными решениями по эффективному продвижению продукции на внешних и внутренних рынках. Обсуждали следующие темы: преграды, влияющие на конкурентоспособность агропромышленного комплекса в России, судьба российского бренда на Западе, эффективная стратегия следования за потребительскими предпочтениями, способы достижения максимальной прибыли и избегания пиар-провала, санитарная и ветеринарная безопасность производств как фактор достижения конкурентоспособных показателей АПК, ключевые рекомендации агробизнесу по вопросам процедур банкротства.

Первым выступающим стала *Кристина Романовская, гендиректор ПХ «Лазаревское»*. Для возможности конкурировать с другими производителями было выбрано направление клиентоориентированности. Девизом стал симбиоз качества и смысла — создание такого продукта, в котором заключается забота о здоровье человека, то есть в составе заявленного на этикетке должно быть качественное и натуральное сырье. Тем не менее в этом выступлении не рассматривалась проблематика экспорта мясной продукции за рубеж, так как возможности данного производителя ограничиваются местным спросом и местным рынком Тульской области.

Важным вызовом для отечественного АПК является жесткая конкуренция в отрасли семеноводства, однако эта тематика не была в достаточной мере представлена на форуме. Лишь в выступлении *Николая Бенко, директора компании «Агроплазма»*, была предпринята попытка все это обсудить на примере производства и селекции подсолнечника. За последние десять лет российский рынок заполнили зарубежные транснациональные компании. Если десять лет назад семеноводы еще могли конкурировать с ними, предоставляя продукцию одинакового качества, то сегодня качество зарубежных фирм «улетело» вверх, а наши производители не смогли так же быстро повторить успех зарубежных коллег. Бенко связывает это с разрывом между наукой и практикой в селекции, дешевизной системы сертификации зарубежных семян, полным игнорированием частных российских семенных компаний, недостаточными критериями отбора предприятий для субсидирования, нехваткой специалистов в данной сфере.

Анна Иванова, директор по маркетингу компании «Прогресс», осветила основные направления производства детского питания. Данная отрасль отличается высоким уровнем стандартов качества продукции, что подталкивает к инвестированию в выращивание

и производство экологически чистых продуктов. Было подчеркнуто, что российский АПК имеет ряд важных компонентов для производства детского питания, которые непросто заменить продуктами с Запада или Востока.

О состоянии в птицеводческой отрасли АПК рассказал *Вадим Попов, руководитель департамента управления качеством ГАП «Ресурс»*. На примере групп компаний он осветил основные вызовы для птицеводческой отрасли. Первое место занимает соблюдение ветеринарно-санитарных требований, что оказывается одним из ключевых факторов конкурентоспособности. Также сюда входит работа с персоналом, поскольку есть необходимость обеспечивать непрерывный процесс повышения квалификации и культуры производства, что также входит в ключевые факторы конкурентоспособности. Еще одним фактором можно считать максимальное обеспечение потребностей в генетическом материале за счет внутренних ресурсов. Работа в этих направлениях позволит отказаться от зарубежных ресурсов, что явно пойдет на пользу политике импортозамещения.

Иван Гулин, представитель юридической компании «РКТ», на примере нескольких кейсов по всей стране показал необходимость банкротного регулирования в сельском хозяйстве, что возможно при условии взаимодействия предпринимателей с грамотными юристами, которые помогут выйти из критических ситуаций банкротств с наименьшими потерями. В этом выступлении была также проанализирована необходимость профилактики страхов оказаться ни с чем после ряда неудачных решений.

Константин Стуловский, руководитель направления по развитию поставщиков молока «Данон Россия», сформулировал семь основных факторов конкуренции на рынке производства молочных продуктов: экономичность производства и качество продукции, работа с персоналом, благополучие животных и качество их содержания, поддержание качества почвы, эффективное использование водных ресурсов, биоразнообразии при производстве кормов и сокращение выбора углекислого газа в атмосферу. Все эти семь факторов являются основополагающими и только от них зависит успешность производства.

В заключение форума *Сергей Мартусевич, консультант по маркетинговым стратегиям Mildberry*, в своем выступлении отразил главные тренды и назвал основные бренды современного мирового производства пищевой продукции от экологически чистых до эксклюзивных товаров, которые становятся все более модными в последнее время.

Организаторы данного форума отлично потрудились и подобрали заинтересованных спикеров для столь тематически разносторонней междисциплинарной дискуссии по темам здоровья, экологии и развития российского сельского хозяйства. Именно благодаря таким мероприятиям, проблематика АПК России привлекает все

больше и больше специалистов из самых различных сфер человеческой деятельности, проявляющих интерес к развитию сельского хозяйства как драйвера роста экономики России.

225

И. К. Полещук
Сельское хозяйство
России сегодня:
экология, здоровье
и цифровизация

Russian agriculture today: Ecology, healthcare and digitalization

Ilya K. Poleshchuk, Junior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, 119571. E-mail: poleshchuk-ik@ranepa.ru

ТЕОРИЯ

Виссер О. Западные агроинвесторы в России и Украине: от очарования почвой к разочарованию климатом №4

Зверев В. В. К юбилею полузабытой книги (В. П. Воронцов «Крестьянская община») №2

Михаленко Н. В. «Утопическое начало в русской литературе 1920–1930-х годов» («Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» А. В. Чаянова в контексте эпохи) №4

Rodoman V. Russian cultural landscape: theoretical and practical implications of the concept №1

Ткаченко А. А., Смирнова А. А., Смирнов И. П. Опыт географической классификации сельских районов Тверской области №3

Чаянов А. В. Каким будет наше народное хозяйство после войны? №1

Штейнберг И. Я. Метод «длинного стола» на этапе исследования «в поле» №3

ИСТОРИЯ

Булюлина Е. В., Головина Е. Л., Лысенко И. А. Санитарно-эпидемическое состояние Сталинградской области и работа органов здравоохранения в 1941–1945 годах №2

Гонина Н. В., Павлюкевич Р. В. Колхозные рынки Красноярска в 1955 — 1966 годах №3

Ильиных В. А. Сибирская деревня в период коллективизации: микроистория (село Плотниково Новосибирского района Новосибирской области) №1

Кабытов П. С. Проблемы аграрной истории в научных трудах Григория Алексеевича Герасименко №2

Кузнецов И. А. Столыпинская аграрная реформа и производительность сельского хозяйства Европейской России в конце XIX — начале XX века №3

Логунова И. В., Уродовских В. Н. Динамика развития крестьянских (фермерских) хозяйств в годы аграрной реформы (1991–2001) в областях Центрального Черноземья №4

Merl S. Why the Soviet Union under Khrushchev and Brezhnev failed with the complex mechanization of agriculture: Internal aspects (1953–1986) №1

Нахимовский А. Д. Устная история снизу. Материалы к устной истории русских крестьян в 20 веке №1

Посадский А. В. Проблема источников при изучении крестьянских восстаний (случай слободы Рудни, 1918 г.) №4

СОВРЕМЕННОСТЬ

Аверкиева К. В. Постсоветская трансформация лесных посёлков на севере Нечерноземья №3

Бреславский А. С. Территориальное общественное самоуправление в современной Бурятии: условия устойчивого развития №2

Гусаков Т. Ю. Миграции населения как основной фактор трансформации системы расселения Крымского полуострова №2

Ермин С. В. Неравенство в образовании на селе №3

Кузнецова Е. В. Жизненные циклы экопоселений №1

Ершов А. М. Европейский опыт регулирования горной сельской местности №4

Имангулов Л. Р. Типология населенных пунктов в полиэтничном регионе (на примере Чувашии) №4

Кислый О. А. Исаева М. А. Положение трудовых мигрантов в период пандемии в сельском хозяйстве №4

Лебедев П. С., Алексеев А. И. Площадь сельхозугодий, плотность населения и их динамика: опыт изучения взаимосвязей (на примере Бежецкого района Тверской области) №4

Нефедова Н. Г. Поляризация социально-экономического пространства и перспективы сельской местности в староосвоенных регионах Центра России №1

Дискуссия по докладу Т. Г. Нефедовой «Поляризация социально-экономического пространства и перспективы сельской местности в староосвоенных регионах Центра России» №1

Савоскул М. С., Алексеев А. И. Траектории трансформации одной неперспективной деревни (на примере деревни Кузрека Терского района Мурманской области) №3

Чучкалов А. С., Мищук С. Н., Греля Н. К. Факторы трансформации пригородной сельской местности депрессивного региона (на примере Биробиджанского района Еврейской автономной области) №4

ИНТЕРВЬЮ С ИССЛЕДОВАТЕЛЕМ

Кондрашин В. В., Никулин А. М. «Если занимаешься наукой — у тебя должен быть кураж!» №3

Никулин А. М., Шагайда Н. И. «Все поколения моей семьи... были вовлечены в глобальные аграрные преобразования» №2

РЕЦЕНЗИИ

Бабашкин В. В. Об оседлости и «обоседлении» №3

Бабашкин В. В. Хозяйство вести или писать об этом? №4

Кондрашин В. В. Отклик на статью М. Ю. Мухина «Сто лет изучения нэпа. Время подводить итоги?» №1

Никулина Е. С. Драма деревянного зодчества Заонежья №1

Никулина Е. С. Возвращение усадьбоведения №2

Никулина Е. С. Школа Венецианова как живописное крестьянноведение №4

Федорова Н. А., Давыдов Д. В. Рецензия на книгу: Кабытов П. С. Ирюй Ильич Смыков: биографический очерк, воспоминания, письма №2

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Аверкиева К. В. Пора валить в деревню. По материалам круглого стола на форуме «Устойчивое развитие сельских территорий» №1

Афанасенков В. О. Модернизация животноводства в постсталинский период: противоречия и дилеммы аграрной политики Н. С. Хрущева №2

Гонина Н. В. Аграрное развитие через призму истории №1

Крылатых Э. Н., Фролова Е. Ю. Домик в деревне против города: обзор по итогам выступлений на XXVI Никоновских чтениях №4

Никулин А. М. Сельское развитие через культуру №4

Овчинцева Л. А. Земельный вопрос в Индии и России №3

Полещук И. К. Современное захватничество: дисперсное лишение прав и «пограничные» земли №1

Полещук И. К. Сельское хозяйство России сегодня: экология, здоровье и цифровизация №4

Пугачева М. Г. Биополитика и солидарность между городом и селом №3

Fitzé E. International conference “Alexander Chayanov: Differentiation and integration of economics and politics, science and art” №3

IN MEMORIAM

Памяти Натальи Тормосовой №1

THEORY

Chayanov A. V. What will our national economy be like after the war? №1

Mikhailenko N. V. Utopian idea in the Russian literature of the 1920s-1930s (*The Journey of My Brother Alexei to the Land of Peasant Utopia* by A. V. Chayanov in the context of the era) №4

Rodoman B. Russian cultural landscape: Theoretical and practical implications of the concept №1

Tkachenko A. A., Smirnova A. A., Smirnov I. P. A geographical classification of rural areas in the Tver Region №3

Shteinberg I. E. The 'long table' method at the field stage of the research №3

Visser O. Western agricultural investors in Russia and Ukraine: From fascination with soil to disappointment with climate. №4

Zverev V. V. To the anniversary of the half-forgotten book (V. P. Vorontsov's *Peasant Community*) №2

HISTORY

Bululina E. V., Golovina E. L., Lysenko I. A. The sanitary-epidemic conditions of the Stalingrad Region and the work of the health authorities in 1941–1945 №2

Gonina N. V., Pavlyukevich R. V. Collective-farm markets of Krasnoyarsk in 1955 — 1966 №3

Il'inykh V. A. Siberian village during collectivization: Microhistory (Plotnikovo village in the Novosibirsk district of the Novosibirsk Region) №1

Logunova I. V., Urodovskikh V. N. Dynamics of the peasant (private) farms development during the agrarian reform (1991-2001) in the Central Black-Earth Region №4

Merl S. Why the Soviet Union under Khrushchev and Brezhnev failed with the complex mechanization of agriculture: Internal aspects (1953-1986) №1

Kabytov P. S. Issues of agrarian history in the scientific works of Grigory Alekseevich Gerasimenko №2

Kuznetsov I. A. Stolypin agrarian reform and agricultural productivity of European Russia in the late 19th — early 20th century №3

Nakhimovsky A. D. Oral history from below: Materials for the oral history of Russian peasants in the 20th century №1

Posadskiy A. V. The issue of sources in the study of peasant uprisings (the case of the Rudnya settlement, 1918) №4

THE PRESENT TIME

Averkheva K. V. Post-Soviet transformation of forest settlements in the north of the Non-Black Earth Region №3

Breslavsky A. S. Territorial public self-government in contemporary Buryatia: Factors of sustainable development №2

Chuchkalov A. S., Mischuk S. N., Grelya N. K. Factors of suburban rural areas turning into a depressed region (on the example of the Birobidzhan district in the Jewish Autonomous Region) №4

Ershov A. M. European approach to the regulation of mountainous rural areas №4

Gusakov T. Yu. Migrations as the main factor in the transformation of the settlement system of the Crimean Peninsula №2

Eremin S. V. Educational inequality in rural areas №3

Imangulov L. R. Typology of settlements in a polyethnic region (on the example of Chuvashia) №4

Kisliy O. A., Isaeva M. A. The position of labor migrants in agriculture under the pandemic №4

Kuznetsova E. V. Life cycles of ecovillages №1

Lebedev P. S., Alekseev A. I. The area of farmland, the population density and their dynamics: A study of relationships (on the example of the Bezhetsk district of the Tver Region) №4

Nefedova N. G. Polarization of the social-economic space and prospects of rural areas in the old-developed regions of Central Russia №1

Discussion of the presentation of T. G. Nefedova "Polarization of the social-economic space and prospects of rural areas in the old-developed regions of Central Russia" №1

Savoskul M. S., Alekseev A. I. Trajectories of transformation of one unpromising village (on the example of the village Kuzreka in the Tersk district of the Murmansk Region) №3

INTERVIEW

Kondrashin V. V., Nikulin A. M. "If you are engaged in scientific research, you must have courage!" №3

Shagaida N. I., Nikulin A. M. "All generations of my family... have been involved in global agrarian transformations" №2

REVIEWS

Babashkin V. V. On sedentariness and 'settling' №3

Babashkin V. V. To farm or to write about it? №4

Fedorova N. A., Davydov D. V. Review of the book: Kabytov P. S. Yury Ilyich Smykov: Biographical Essay, Memoirs, Letters №2

Kondrashin V. V. Response to the article by M. Yu. Mukhina "A hundred years of the NEP studies. Is it time to make conclusions?" №1

Nikulina E. S. The drama of the wooden architecture in the Onega Region №1

Nikulina E. S. The return of country-estates studies №2

Trotsuk I. V. Questions without answers, or one more 'dimension' of the Russian rural differentiation №3

SCIENTIFIC LIFE

Afanasenkov V. O. Modernization of animal husbandry in the post-Stalin period: Contradictions and dilemmas of Khrushchev's agrarian policy №2

Averkieva K. V. It's time to go to the village: Materials of the round table at the forum "Sustainable Development of Rural Areas" №1

Fitzé E. International conference "Alexander Chayanov: Differentiation and integration of economics and politics, science and art" №3

Gonina N. V. Agrarian development in the historical perspective №1

Krylatykh E. N., Frolova E. Yu. A house in the village against the city: A review of presentations at the XXVI Nikonov Readings №4

Nikulin A. M. Rural development through culture №4

Ovchintseva L. A. Land question in India and Russia №3

Poleshchuk I. K. Contemporary grabbing: Dispersed dispossession and 'liminal' lands №1

Poleshchuk I. K. Russian agriculture today: Ecology, healthcare and digitalization №4

Pugacheva M. G. Biopolitics and solidarity of urban and rural areas №3

IN MEMORIAM

Natalia Tormosova №1

Крестьяноведение

2021. Том 6. № 4

Учредитель: Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

119571, Москва, пр-т Вернадского, 84, корп. 9, оф. 2003
Редакция журнала «Крестьяноведение»
<http://peasantstudies.ru>
E-mail: harmina@yandex.ru

Подписано в печать 30.12.2021. Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 14,7. Заказ №115
Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии РАНХиГС

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр
тел. (495) 433-25-10, 433-25-02
delo@ranepa.ru
www.ranepa.ru